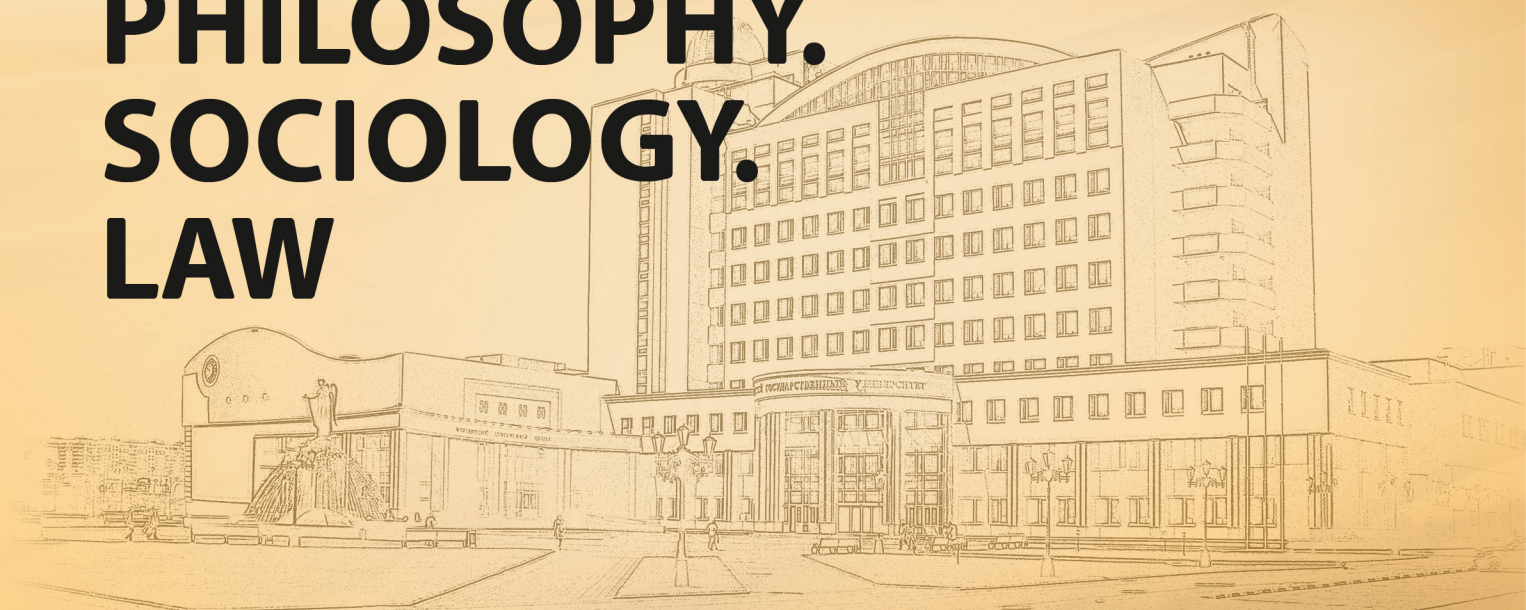

НОМОТНЕТІКА: ФИЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

Том 46, № 3

НОМОТНЕТИКА:
Философия. Социология. Право
2021. Том 46, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес редакции: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
 Белгородского государственного института искусств
 и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е.

кандидат юридических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А.

кандидат социологических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
 (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
 (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
 (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент
 РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
 (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
 (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
 (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
 (Белгородский государственный институт искусств
 и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.Н., доктор философских наук, профессор
 Московского государственного института культуры
 (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
 Поволжского института (филиала) Всероссийского
 государственного университета правосудия, профессор
 (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
 (Тульский государственный педагогический университет
 им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
 (Института философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
 (Российская академия народного хозяйства и
 государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
 (Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
 Болгария)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
 (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор
 (Государственный университет управления)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77841 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; roscheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 16,6. Дата выхода 30.09.2021. Оригинальный макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 423 Лобастов Г.В. Теоретический анализ проблемы личности на основе философско-психологических исследований Э.В. Ильенкова

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 434 Невский С.А., Бормотова Т.М., Яковлев О.В., Черкасов Р.В. Общественная оценка деятельности российской полиции в социальных медиа (на примере Магаданской области)

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 443 Беляев Д.А., Кутومانов С.А., Резник С.В. Стратегии пропаганды в видеоиграх: практики и актуальные темы
451 Черных С.С. Нация и национализм в контексте развития современных обществ: отечественный и зарубежный опыт
461 Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Нифонтова В.А. Здоровьесберегающее поведение студенческой молодежи: факторы формирования и условия сохранения
474 Кропивка Н.В. Мирозрение современного человека в контексте виртуальной реальности
481 Липич Т.И., Липич В.В. Литературно-эстетическая и философская рефлексия А.А. Фета: взгляд из XXI века
489 Римский А.В., Римский В.П. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 499 Аристов Е.В. Парадигма «эксперимент» в зарубежных конституциях и в теоретическом конституционализме
506 Баган В.В. История научных исследований в каноническом праве в России в XVIII – начале XX века
516 Белоусов Н.В. Конституционная формализация интересов социальных субъектов в странах СНГ
524 Бутко Л.В., Лепешкина О.В. Векторы сбережения человеческого капитала в системе современных правовых преобразований
533 Короткина А.С. Категория «информация»: философский и правовой аспект
544 Нинцева Т.М. Доктринальное осмысление системы принципов процессуально-правового регулирования
553 Новикова А.Е. Научно-презентационная модель конституционной теории правозащитных рисков
561 Петербургский А.П. Формализация судебного контроля: зарубежный конституционный опыт
569 Понкин И.В. Вопрос о ношении религиозного облачения в государственной образовательной организации
576 Тресков А.П. Исключительные (концептуально-модифицирующие) гарантии реализации принципов судебной власти

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 584 Рецова К.М. Новая мифология: ответ на вызовы метамодерна

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

- 592 Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Консолидация городских сообществ: предпосылки и ограничители
598 Бобков А.И., Бобков А.А. Поиск консолидирующего сакрального пространства этнокультурной идентичности в городе индивидуализированной массы
602 Виноградский В.Г. Межевание и ремонт как индикаторы социального капитала
605 Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции

РЕЦЕНЗИИ

- 610 Тимошук А.С. Как возможна козволюция человека и техники. Рецензия на книгу «Человечество и Технос: философия козволюции / В. А. Кутырев, В. В. Слюсарев, Т. М. Хусьянов. СПб.: Алетейя, 2020, 260 с.»

NOMOTHIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2021. Volume 46, No. 3

Until 2020, the magazine was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Address of editorial office: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Candidate of law (Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research Univ Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. N., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (the State University of Management)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭП № ФС 77-77841 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 16.6. Date of publishing 30.09.2021. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 423 **Lobastov G.V.** Theoretical Analysis of the Problem of Personality on the Basis of Philosophical and Psychological Research by E.V. Ilyenkov

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 434 **Nevesky S.A., Bormotova T. M., Yakovlev O.V., Cherkasov R.V.** Public Assessment of the Activities of the Russian Police in Social Media (on the Example of the Magadan Region)

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 443 **Belyaev D.A., Kutomanov S.A., Reznik S.V.** Propaganda Strategies in Video Games: Practices and Actual Topics
451 **Chernykh S.S.** Nation and Nationalism in the Context of the Development of Modern Societies: Domestic and Foreign Experience.
461 **Kovalchuk O.V., Lazurenko N.V., Nifontova V.A.** Health-saving Behavior of Students: Factors of Formation and Conditions of Preservation
474 **Kropivka N.V.** Worldview of Modern Man in the Context of Virtual Reality
481 **Lipich T.I., Lipich V.V.** Literary-aesthetic and Philosophical Reflection of A.A. Fet: A View from the 21st Century
489 **Rimskiy V.P., Rimskiy A.V.** "The Destruction Together" or On the Specifics of Extremist Communities

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 499 **Aristov E.V.** The Paradigm of the "Experiment" in Foreign Constitutions and in Theoretical Constitutionalism
506 **Bagan V.V.** The History of Scientific Research in Canon Law in Russia in the 18th – early 20th Centuries
516 **Belousov N.V.** Formalization of the Interests of Social Subjects in the Constitutions of the CIS Countries
524 **Butko L.V., Lepeshkina O.V.** Vectors of Saving Human Capital in the System of Modern Legal Transformations
533 **Korotkina A.S.** Category "Information": Philosophical and Legal Aspects
544 **Nintsieva T.M.** Doctrinal Understanding of the System of Principles of Procedural and Legal Regulation
553 **Novikova A.E.** Scientific Presentation Model of the Constitutional Theory of Human Rights Risks
561 **Peterburgsky A.P.** Formalization of Judicial Control: Foreign Constitutional Experience
569 **Ponkin I.V.** The Question of Wearing Religious Vestments in a State Educational Organization
576 **Treskov A.P.** Exclusive (Conceptual-modifying) Guarantees for the Implementation of the Principles of Judicial Power

THESIS

- 584 **Retsova K.M.** New Mythology: Responding to Metamodern Challenges

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

- 592 **Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh. A.** Social Consolidation of Urban Communities: Prerequisites and Constraints
598 **Bobkov A.I., Bobkov A.A.** Search for a Consolidating Sacred Space of Ethnocultural Identity in the City of Individualized Mass
602 **Vinogradsky V. G.** Marking the Land and Repair of the Apartment as Indicators of Social Capital
605 **Karmadonov O.A., Ardasjev R.G.** The Social Unconscious as a Condition and Factor of Social Conjunction

REVIEWS

- 610 **Timoschuk A.S.** How is the Co-evolution of Human and Technology Possible. Book Review: "Humanity and Technos: Philosophy of Coevolution / V. A. Kutyrev, V. V. Slyusarev, T. M. Khusyanov. SPb.: Aleteya, 2020, 260 p. "

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 101.9

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-423-433

Теоретический анализ проблемы личности на основе философско-психологических исследований Э.В. Ильенкова

Лобастов Г.В.

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Представлено развернутое понятие личности в диалектической методологии, показано начало и завершение развития личности в сопряжении индивидуального и культурно-исторического ее бытия. Обосновано схождение двух линий развития: линии общественных отношений, развивающихся в предметно-преобразовательной исторической практике, и линии развития психического образа в онтогенезе. Смысловая сторона психики исходно объясняется проблемностью жизненного бытия младенца, осуществляющегося в объективных культурно-исторических обстоятельствах. Точка возникновения исходного элементарного психического образа и объективная проблемность начальных форм филогенеза логически смыкаются и в историческом развитии ведут к становлению личности. Это и есть предметное поле психологии. Автором обосновано место идеально-всеобщих форм в анализе психических явлений. «Чистые формы» являются мерой развитости личностного бытия, атрибутивными определениями которого являются субъектность и свободная творческая универсальность. Статья продолжает авторский анализ исследования проблемы личности Э.В. Ильенковым и Л.С. Выготским.

Ключевые слова: личность, психология, метод, диалектика, логика, начало, «чистая форма», субъектность, субъективность, психическая функция, образ, свобода, истина, Я.

Для цитирования: Лобастов Г.В. 2021. Теоретический анализ проблемы личности на основе философско-психологических исследований Э.В. Ильенкова. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 46 (3): 423–433. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-423-433

Theoretical Analysis of the Problem of Personality on the Basis of Philosophical and Psychological Research by E.V. Ilyenkov

Gennady V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University) – MAI,
4 Volokolamskoe highway, Moscow, 125993, Russia
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Abstract. The concept of personality in the dialectical methodology is expanded in the article. It shows the beginning and completion of personality development in conjunction with its individual and cultural-

historical being. The convergence of two lines of development is justified: the «line» of social relations developing in subject-transformative historical practice, and the «line» of the development of a mental image in ontogenesis. The semantic side of the psyche is initially explained by the problematic nature of the life of the infant, which takes place in objective cultural and historical circumstances. The point of origin of the initial elementary mental image and the objective problem of the initial forms of phylogenesis logically close together and in historical development lead to the development of personality. This is the subject field of psychology. The place of ideally universal forms in the analysis of mental phenomena is grounded. "Pure forms" are a measure of the development of personal being, the attributive definitions of which are subjectivity and free creative universality. The article continues the author's study of the personality problem in E.V. Ilyenkov and L. S. Vygotsky.

Key words: personality; psychology; method; dialectics; logics; Start; «Pure form»; subjectivity; subjectivity; mental function; form; Liberty; true; I.

For citation: Lobastov G.V. 2021. Theoretical Analysis of the Problem of Personality on the Basis of Philosophical and Psychological Research by E.V. Ilyenkov. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (3): 423–433 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-423-433

1. Философско-методологические основания понятия личности

Начну словами Л.С. Выготского: «Возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего. Ни в одной науке нет таких трудностей, неразрешимых контрверз, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии – самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ его познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут» [Выготский, 1982, с. 417]. Потому, конечно, неслучайно из недр «души» вытягиваются различные образы – как образы того, что есть в действительности, так и того, что есть порождения самой души и к объективному бытию как будто отношения не имеющие. Мировая действительность отражается в зеркале человеческой субъективности (души) и видит себя такой, какой воспроизводится в этом зеркале: от свойств зеркала зависит ее собственный образ. Но только образ – не она сама. Исследовать, что такое – это зеркало и его отражательная способность, при каких условиях оно, его поверхность, отражает эту действительность идеально, т.е. истинно, такой, какова она есть, и как это отражение еще сохраняет в себе, – задача воистину наисложнейшая и наитруднейшая. Психология имеет дело с реальными, эмпирически осуществляющимися формами отражения, с их многообразием, и не так легко в этих отраженных формах увидеть их истинные, чистые образы и не принять искаженные образы действительности и произвольные фантазии субъективности за основание наличного многообразия явлений психики, сознания. Потому Выготский и актуализирует проблему метода, видя кризис попыток ума разобраться в этих вопросах [Выготский, 1982]. Ведь собственная задача психологии как раз и заключается в том, чтобы дать анализ и понять работу этого «зеркала», понять, как действительность сворачивается в точке Я и удерживает в себе ее идеальные формы.

Проблема идеального здесь и становится ведущей проблемой, тождественной с проблемой истины, и все психические функции находят меру своей истинности именно в идеальных формах. А сама личность как особое всеобщее-универсальное содержание Я становится понятой через всеобщий образ реальной действительности [Лобастов, 2016], то есть той действительности, где уникально-единичное и универсально-всеобщее становятся тождественными в себе и для себя и одновременно оказываются, если использовать терминологию Гегеля, в форме бытия для другого, а потому – как в реальности, так и в самосознании.

Э.В. Ильенков как никто сумел увидеть и диалектически разрешить эти проблемы. Реальный метод его исследования связан именно с пониманием исторической диалектики с однозначно-четким, но внутренне подвижным, как любая диалектическая форма, выражением *идеальной формы*, наследующей разработку ее в исторической классике [Гегель,

1977; Ильенков, 1991]. «Идеальное непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека» [Ильенков, 1991, с. 214]. Потому и выстраивание понятия личности Э.В. Ильенков ведет через анализ активных форм культурно-исторической преобразовательной деятельности.

Но предметно-преобразовательная деятельность столь многообразна в своих формах, что, если продолжать аналогию с пространственно-оптическими характеристиками зеркала, проблема идеальной формы никуда не исчезает, но уходит в необходимость исследования существа самой деятельности. И ее анализ, конечно же, становится анализом тех фундаментальных определений, из которых – как у Спинозы – выводится вся система действительности. Деятельное Я Фихте, сведенное к простой определенности чистой способности активного действия, порождает, строит образ действительности, и это происходит так же, как у Спинозы: образ действительности строится по форме, по логике развития самой действительности. И внутри этого построения сам образ (психика) получает свое обоснование, то есть обоснование необходимости возникновения и деятельного смысла. Потому начало психического образа и было так тщательно продумано Ильенковым [Ильенков, 2009].

Дело психологии – исследовать природу человеческой субъективности и развить ее понятие до тождества с субъектностью [Ильенков, 1991, 2009], иначе говоря, показать, как в индивиде развивается личность.

И понятие *души*, и понятие человеческого тела, их взаимосвязь, противоположность и тождество, Ильенковым, как никем другим, четко и определенно выстроены и проработаны [Ильенков, 1991, 2015]. И четкость, и определенность эти связаны с ясным пониманием, повторю, *категории идеального*. Путаница в понятиях влечет потуги выстраивания различных «концептов», претензия которых на истинность опровергается еще на этапе их логической рефлексии. Без понимания идеального различающая способность просто теряется, мысль движется по эмпирическим характеристикам наличного бытия, не умея отличить эмпирические связи от логических. Поэтому философская выверенность логического движения понятий – необходимая предпосылка конкретно-предметного психологического исследования.

Философия давно открыла, что за причинно-следственным отношением лежит *свобода* – как фундаментальное отношение, снимающее в себе отношение причинно-следственное, и даже смогла эту свободу объяснить. Что образ ее маячил в сознании с самого начала исторического «пробуждения» сознания, вряд ли это сегодня ученому уму не понятно. Произвольно отклоняющееся движение Эпикура; идеи Платона как непорожденные устойчивые порождающие начала, независимые от бытия; неторопливый и глубокий Спиноза, как никто объяснивший свободу; вся философская линия от Гердера через Гегеля до Маркса, усматривающая развитие человека (в культурно-исторической действительности) как движение к свободе, и, наконец, Л.С. Выготский, настойчиво указывающий на *свободу как принцип порождения и движения психики*, – вот точки глубоко-сознательного и мыслящего вхождения в природу общественного бытия, задающие и принципы для понимания личности.

«А чтобы понять, что такое личность, – пишет Э.В. Ильенков, – надо исследовать организацию всей той совокупности человеческих отношений конкретной человеческой индивидуальности ко всем другим таким же индивидуальностям, т.е. динамический ансамбль людей, связанных взаимными узами, имеющими всегда и везде социально-исторический, а не естественно-природный характер» [Ильенков, 1991, с. 393]. Ибо сущность личности, по Ильенкову, заключена «в той совершенно конкретной системе взаимодействующих между собой индивидов, которая только и делает каждого из них тем, что он есть» [Ильенков, 1991, с. 390].

Психическое с самого начала, с его элементарной клеточки, исполнено смыслового содержания. Нет никакого психического образа, даже в самой его элементарной форме, который не нес бы в себе, не раскрывал бы собой субъективный смысл. И раскрывает он его через образ (отражение) внешних обстоятельств, в которых представлена «схема» осуществления субъективного смысла. Бытие в образе раскрывается через этот субъективный смысл. Но объективное бытие задано человеческому младенцу только через состав культурно-исторической действительности. И пространство этой действительности есть смысловое пространство человеческого бытия – от банально-примитивных форм до форм высокого духовного творчества. Это и есть «колыбель» личности, которая своеобразно и уникально укачивает каждого младенца, поскольку каждая точка «здесь и теперь» смыкает в себе исключительно случайные обстоятельства.

В пространстве культурно-исторического бытия лежит сущность человека вообще, личностной его формы в частности – со всеми ее психическими функциями, со всеми определениями души, какое бы содержание она в себе ни несла, какое бы смысловое движение в *образе* действительности она ни осуществляла. Именно *движение в образе*, в представлении, в представляемой действительности, то есть в пространстве ее смыслов.

То, что это движение так или иначе обеспечивается телесностью, физиологией тела, сомнений, пожалуй, ни у кого не вызывает, кроме, разумеется, тех, кто в самом психическом, в сознании, разуме и т.д. видит особую субстанцию, обладающую самостоятельностью и самодостаточностью. Ибо здесь, понятно, движение духа не связано с какой-либо физиологией, физикой и т.д. С материей вообще. Из физиологии, по Ильенкову, нельзя вычитать даже намек на психическое. «Гайна человеческой личности потому-то веками и оставалась для научного мышления тайной, что ее разгадку искали совсем не там, где эта личность существует реально. Совсем не в том пространстве: то в пространстве сердца, то в пространстве "шишковидной железы", то вообще вне пространства, то в особом "трансцендентальном" пространстве, в особом бестелесном эфире "духа"» [Ильенков, 1991, с. 393].

Наука любое явление должна вычленивать в его *собственной форме* (то есть в форме, воспроизводимой его внутренними условиями), в его сущности, рассмотреть как нечто, способное к обособлению, и в этом обособлении сохраняющее себя. То есть память как память, воображение как воображение, эмоцию как эмоцию и т.д. «Чистая форма» работы специфической психической функции, выявленная теорией и экспериментально зафиксированная, в живом бытии индивида, конечно же, модифицируется и не совпадает с жизненно-эмпирическим ее проявлением. Отсюда, кстати, должно быть понятно, что эмпирическое исследование типа обобщения того или иного психического явления не может дать нам чистой формы, т.е. *необходимой и всеобщей формы осуществления функции*, ее закона, ее логики. Иначе говоря, не дает нам истинного знания.

Поэтому и возникает задача понять психику как таковую в ее *всеобщей форме*, вне ее особенных различных форм. Иначе мы не сможем удержать под контролем внимания (сознания) работу особенных ее функций (памяти, воображения, мышления, эмоций и т.д.) внутри осуществляемой предметной деятельности.

И образ этого объективного бытия, как и образ самой этой деятельности, возникает как *необходимое условие* осуществления человеческого культурно-исторического движения. Более того, как его *активная форма*, идеально, вне предметного содержания удерживающая в себе объективные силы естественно-исторической действительности. Образ потому и возникает только там, где есть это активно изменяющееся, преобразующее бытие движение.

Любая «контрольная инстанция» в сознательной деятельности человека – это *чистая форма*. Чистая же форма есть забота теоретической науки, так или иначе задающей методологические контуры исследования. Такая, теоретическая, наука восходит – не только в психологии – к исследованиям философского рода, где *понимающая способность*

есть специальный предмет анализа. А понимающая способность есть условие и форма работы любой науки, но рефлексия этой формы – специальная задача философии. Иначе говоря, контроль за движением мышления в любом предметном материале осуществляется представлением о его, мышления, всеобщей форме, потому бессознательно содержит в себе потенцию философии. Актуализировать эту потенцию возможно только через освоение исторического развития всеобщих форм мышления.

2. Диалектика становления личностной формы

Генезис любой психической функции осуществляется как необходимая форма (условие) развития субъектности, личностного бытия, а последнее – только в условиях освоения и присвоения культурно-исторических форм действительности, включая, разумеется, и творчески-преобразующую. Но личность (личностная форма), естественно, не предшествует возникновению психической функции, – до ее, личности, собственного начала индивидуальное развитие еще должно дорасти. И не только в онтогенезе, но и исторически, в филогенезе. Историческое возникновение личности, возникновение ее в истории, становится «априорной» формой для вхождения в личностный способ бытия каждого индивида, погружаемого в культурно-историческую действительность.

Но психическая функция как таковая с самого начала возникает из *противоречий* объективного бытия индивида (младенца), противоречий удовлетворения тех элементарно-необходимых нужд младенца, на базе которых возникают потребности, теснейшим образом связанные с формированием образа действительности, – в статье «Психология» [Ильенков, 2009] это обстоятельство Ильенковым подробно проанализировано. При всей своей видимой самостоятельности ни одна из выделяемых психологией психических функций не имеет обособленного значения от смысловой деятельности человека. В условиях разделения этой деятельности разделяются и психические функции, и это разделение ведет к разложению личности. И именно потому, что теряется осмысленная субъектность. Субъект теряет свои истинные определения, становится «носителем», «агентом», «актором», «исполнителем» и т.д., зависящим, псевдосамостоятельным существом. Появляются концепции «смерти автора», «смерти бога» и вообще «конца истории». Замкнутая на себя целостность деятельности перестает быть смыслом, требует отдельных навыков и операций, мотивация теряется или получает форму внешней стимуляции. Здесь могут получить гипертрофированное развитие те или другие функции-способности, сосуществующие в психическом поле с неразвитостью остальных (других). Это следствие разделения труда Марксом было названо «профессиональным кретинизмом». «Ведущая деятельность» личностного развития в полной мере навязывается индивиду условиями разделения труда. И ни память, и ни ум, ни тонкая различающая способность уха и глаза и т.д. не выводят человека из «кретинизма», и самомнение, построенное на такой обособленной развитости отдельной психической способности, ведет к ложному пониманию самой личности.

Поэтому вопрос о связи личности с психическими функциями не может быть даже правильно поставлен, ибо эмпирическое понимание личности вынуждено каждый раз в ее развитии формулировать некую типичную («ведущую») ее форму, необходимость которой не имеет теоретического (логического) обоснования. Выстраивание этих «типических» форм в некую последовательность в онтогенетическом развитии никак сущность личности не выявляет, а лишь описывает эмпирическое положение вещей.

Мера любой вещи заключена в природе этой вещи. Мера личности никак не вычитывается из предметно-видового содержания деятельности, оно, это содержание, *случайно*, необходимым же условием является *форма этой деятельности*, которая сугубо общественная, и потому действующий малыш «никогда не один» – даже если он один фактически. Форма деятельности, осваиваемая ребенком, задана ему условиями общественного бытия, ближе – той ситуацией, в которой он разворачивает и развивает меру своей субъ-

ектности, т.е. свободу полагания действий, определенных образом целого (смысловым определением). Именно эта способность, способность формировать и удерживать образ целого, развивая форму идеальности, становится условием и формой вхождения в любое особенное предметное содержание. Здесь же, кстати, лежит и мотив, доставляющий массу проблем практической педагогике.

Внешняя типология, осуществляемая на основе повторяющихся и на возрастной шкале последовательно сменяющихся видов деятельности ребенка, не проникает в существо процесса становления личности. Кант, в строгости мышления которому никто не откажет, прекрасно показал, что из эмпирических повторяющихся связей всеобщность и необходимость не выводима. Потому школа и не берется формировать таланты, ибо они выбиваются из той последовательности, на которую стандартизированная школа и ориентирована. Эмпирический опыт человечества свидетельствует о таких феноменальных проявлениях личностного бытия («ведущих форм», как говорит психология), что никакая наука до сих пор этот феномен объяснить не может, и потому почти уверенно записывает в чудо природного или божественного бытия.

Истина требует четкого понимания всех условий возникновения личностной формы и, более того, понимания самого *генезиса этих условий*. Если они, эти условия, для сознания науки предстают как внешние, как некие привходящие (то есть случайные) обстоятельства, то эмпирическое поле исследования только ширится и обязательно заканчивается «болотом». Необходимой линии, обнаруживающей логическую последовательность развития личностной формы, здесь, в эмпирическом обобщении, выстроить нельзя. Нельзя их получить и потому, что все это поле проявлений само по себе обнаруживает *исходного начала* личностной формы. И поэтому сознание может принимать за таковое, за исходное начало, все что угодно, ограничивая себя только своими субъективными представлениями.

В составе этих представлений определяющей, что, конечно же, понятно, является логика. Неслучайно анализ проблемы личности Ильенков предваряет постановкой методологической проблемы: две логики – два подхода [Ильенков, 1991].

Логика есть форма всеобщая, и как всеобщая форма она есть форма общественная и живет в культурных определениях истории, и потому индивидуальному развитию ее надо осваивать и присваивать. Стихия этого процесса присвоения логической формы, малозаметная для наблюдающего глаза, столь же стихийно порождает мысль о внеисторическом возникновении (начале) этой логической способности индивида.

Однако любой феномен, обнаруживаемый эмпирическим сознанием (исследованием) в составе человеческой действительности, есть результат общественно-практической предметно-преобразовательной деятельности. *Идеальная форма* его (как в предметной культуре, так и в сознании) уходит в основание и сохраняет себя там своей деятельной функцией. Потому она сохраняет себя и в общественной культурно-исторической действительности – как в чистых сознательных (сознаваемых) формах, так и совершенно неявным для сознания образом.

Но как результат деятельности он, согласно диалектике, оказывается, повторю, в ее, деятельности, основании. В основании человеческой действительности, следовательно, оказываются и *неосознанные* явления, порожденные самой человеческой активностью. То, что они, эти явления, в некоторых психологических концепциях принимаются за начала личностного бытия – не удивительно.

Общественно-историческая культура, сознательно или бессознательно, таким образом становится содержанием индивидуального бытия: достаточно индивиду быть включенным, хотя бы даже в элементарно-ограниченной форме, в общественное воспроизводство человеческой жизни. В этом проявляется суть материалистического понимания истории, суть, важная для науки психологии. На это обстоятельство вполне определенно указывает Маркс, через почти сто лет – Л.С. Выготский и полвека назад – Э.В. Ильенков.

Если не увидеть этого обстоятельства, то нельзя будет увидеть и целостности в понимании предмета психологии Ильенковым. Его специальная статья («Психология») [Ильенков, 2009], посвященная собственно психологической проблеме возникновения психического образа, как будто не касается проблемы личности. Но это далеко не так, поскольку начало психического, элементарный психический образ с самого начала возникает в контексте человеческого «делового» общения, требующего от индивида совершенно другой, нежели у животного, организации психики. Ибо психика (образ) возникает и формируется сразу как *смыслонесущее* действие, как действие, совпадающее с формой действия реального, удовлетворяющего органическую нужду. И возникает как условие последнего, то есть реального действия.

Иначе говоря, уходит в основание. Здесь происходит *отделение и обособление* от реального действия его, действия, собственного образа. И форма этого действия в открывшемся образе пространства и времени теперь удерживается как независимая форма его будущей, несущей интенцию мотива и цели активности. Потому эта форма выступает как предпосылка и как условие определенных потребностью действий. Здесь начало человеческой *субъектности*. И здесь же начало субъективности, обеспечивающей произвольность (начало свободы) смыслоогласованных действий.

Как теоретик, исследующий всеобщие условия, основания и способ становления человеческой личности, Э.В. Ильенков анализирует именно существо человеческой психической деятельности, выявляя ее *необходимость* и внутреннюю форму ее работы. Дело воспитания слепоглухонемых детей для него обнажило весь клубочек этих проблем и показало, сколь глубока связь центральных философских проблем с практически-педагогическим формированием человеческой психики [Ильенков, 1991, с. 30-43]. Здесь отчетливо обнажился механизм перехода всеобщих смысловых определений человеческой культуры в субъективные способности индивида. Иначе говоря, механизм формирования личности с момента возникновения психики до развитой формы человеческой личности.

Как давно показано – не только в классической диалектической философии, но и в отечественной теоретической и экспериментальной психологии, – любая форма, как в бытии, так и в мышлении, формируется *активностью самого человека* и в этой активной деятельности проявляется. Потому в расшифровке человеческой формы деятельности, ее генезиса и развития лежит ключ к пониманию любого феномена человеческой культуры, включая сюда самого человека со всеми его способностями, его отношениями к миру и к другому человеку. Мерой личностной формы бытия поэтому выступает не та или иная предметная форма деятельности, но только *мера развития субъектности и свободы* в полагании любой формы деятельности с любым предметом и в любых условиях.

Естественная активность тела младенца выстраивается *логикой деятельной культуры матери*, втягивающей в себя объективный контекст исторической культуры, опредмеченной в составе предметных обстоятельств и общественных отношений. По этой логике, – разумеется, без того, чтобы ее осознавать, – ребенок входит в человеческий мир, осваивая и присваивая его формы и тем самым творя свои способности (способы) – способности человеческого движения в этом мире. Человеческую логику бытия. И обретая тем самым образ человека. Творя себя в форме *совместной деятельности* со взрослым, примыкая и входя в сопряжение с формами активности взрослого. В педагогической психологии это сотворчество конкретизируется в понятии (и в реальной форме) *совместно-разделенной предметной деятельности*. Понятие, сформулированное внутри тифло-сурдо-педагогики.

Так дело воспитания человеческой души, сознания и личности понимают А.И. Мещеряков и Э.В. Ильенков, в прямом смысле сотворившие развитую форму личностного бытия у детей, лишенных слуха и зрения. В этом деле было осмыслено, показано и экспериментально-теоретически доказано, каким образом исполненная смыслами культурно-историческая человеческая предметность передает воплощенное в ней смысловое

содержание активно включаемому и включающемуся в совместную деятельность индивиду. Каким образом от взрослого ребенку *передается сама форма* человеческой активности. Осваивая пространство человеческого бытия, ребенок осваивает пространство человеческих смыслов. Осваивает деятельно, потому и его движение внутри этих смыслов становится человечески-определенным [Мещеряков, 1974; Ильенков, 1991].

Психология как *наука о личности* должна расшифровать содержание личностного бытия – и расшифровать в строгом движении логических категорий. Иначе говоря, создать науку о личности, выявить ее *внутреннюю, собственную всеобщую форму* – со всем составом возможных ее экзистенциальных смыслов и форм их индивидуально-психического проявления. Такая наука, выявляющая внутреннюю логику развития и бытия личности, ни в коем случае не делает своим основанием какую-либо из наличных форм ее существования, – но только логику ее, личности, *необходимого генетического развития* – от начала до завершения. Потому она требует и определения ее *идеала*, определения, которое выводится из понятия сущности человека и потому никак не совпадает с любой сколь угодно развитой реальной личностью. Это «чистая форма» – как в геометрии шар, выступающий логическим идеалом любой округлой объективно-пространственной формы.

Такая теория есть *понятие* личности. И это понятие отражает индивидуальную форму развития человека, – но развития как общественного существа. Потому она есть форма общественная, культурно-историческая, задаваемая этими же общественными культурно-историческими условиями. Форма объективная, которую принимает в себя («надевает» на себя) каждый индивид, входящий в человеческое бытие. Подобно тому, как продукт труда «надевает» на себя товарную форму, форму экономическую, более широко – общественно-историческую [Лобастов, 2014].

Форму объективную, но идеальную. Потому идеальность у Ильенкова никогда не отождествляется с субъективностью. Подмены понятий Ильенков не допускает.

3. Форма личностного бытия

Психология обнаружила, что самосознание не сводится к тому, что можно обнаружить «внутри» себя, в содержании своей индивидуальности. Именно само это содержание с некой жесткой необходимостью выводит субъекта за рамки себя, за пределы Я, ставит Я в различие с самим собой. И даже в противоречие. Но Я одновременно и тождественно Я, самому себе. Начало Я – в самой действительности, но оно же дано и в самосознании [Лобастов, 2016].

Форма движения мышления совпадает с логосом вещей, утверждал Гераклит, порядок идей совпадает с порядком вещей, как через две тысячи лет скажет Спиноза. Этот *принцип тождества бытия и мышления* выразит всем своим творчеством Гегель. И, надо сказать, что и сегодня без этого принципа ни с одной проблемой в составе человеческого бытия умно разобраться не получится. И психология, претендующая на выражение и понимание человеческой субъективности, в таком случае этого понимания, истинного понятия своего предмета, тоже не достигнет. Действительная картина современного состояния психологической науки нам наглядно это свидетельствует: теоретико-методологическая проблематика там если этот принцип и выражает, то только стихийно и скорее на основе «фундаментальных» представлений обыденного сознания, менее всего «впадающего» в рефлексивность, чем на четко осмысленных теоретических положениях философско-методологической науки. Л.С. Выготскому пришлось провести глубокое методологическое исследование, чтобы показать, в чем «исторический смысл психологического кризиса» [Выготский, 1982, с. 291–437].

Свою определенность Я получает внутри отношения к другим Я. Единичное самосознание, говорит Ильенков, содержит в себе иллюзию и скрывает действительное объективное отношение. Философ-материалист, пишет он, «будет искать разгадку "структуры

личности" в пространстве, вне органического тела индивида, и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности. В том самом пространстве, в котором сначала возникает человеческое отношение к другому индивиду (именно как реальное, чувственно-предметное, вещественно-осязаемое отношение), которое "внутри" тела человека никак заложено не было, чтобы затем – вследствие взаимного характера этого отношения – превратиться в то самое "отношение к самому себе", опосредствованное через отношение "к другому", которое и составляет суть личностной – специфически человеческой – природы индивида» [Ильенков, 1991, с. 404]. «Отсюда-то и возникает, – продолжает мысль Ильенков, – самая возможность несоответствия между реальной личностью и ее самочувствием-самоуверенностью» [Ильенков, 1991, с. 405]. Отсюда и «иллюзии самосознания, которые в принципе непреодолимы для метода интроспекции – для самого внимательного вслушивания в систему собственных самочувствий и их осознания, выражаемого в словесном самоотчете» [Ильенков, 1991, с. 406].

Сегодняшние «социологические» методики в постановке психологических экспериментальных исследований, опирающиеся на подобного рода «самоотчеты», кроме вербализации этих иллюзий ничего в себе не содержат. Истинное содержание личности остается за гранью исследования, ориентированного эмпирической методологией такого рода.

А оно-то, это содержание, и есть проблема. Центральная проблема психологии, а далеко не только проблема логико-методологическая. Потому Э.В. Ильенков и обращается к тщательному исследованию *исходной точки психического*, выявляет необходимые условия возникновения *образа*, его элементарной «клеточки». То дело, которое сделал Ильенков, заключается как раз в замыкании круга человеческой субъективности – от логического и экспериментального обоснования *начала психического* до понимания всесторонней универсально развитой *личности*, историческое развитие которой не ограничено никаким мыслимым масштабом [Маркс, Энгельс, 1968, с. 476]. Здесь он думает в полном согласии с Марксом.

Потому надо сказать, что первый эмпирический факт, имеющий фундаментальное значение для психологии, заключается в объективной рефлексии активной *деятельности преобразования* внешнего материала, – деятельности, независимой от непосредственной детерминации наличным положением вещей. Деятельности, опосредованной *образом* внешней действительности. Рефлексия эта происходит в предметно-преобразовательной (трудовой) деятельности. И здесь она осуществляется совершенно объективно.

Именно здесь обнаруживается человеческое Я – как нечто ставшее и деятельное, как бы в самом себе находящее мотив своего движения. Свобода и творчество. Атрибутивные определения личности. «Личность и есть лишь там, где есть свобода. Свобода подлинная, а не мнимая, свобода действительного развертывания человека в реальных делах, во взаимоотношениях с другими людьми, а не в самомнении, не в удовольствии ощущения своей мнимой неповторимости» [Ильенков, 1991, с. 413]. Адекватность самосознания обнаруживается в реальных отношениях людей, а следовательно, только через ту логику, которая способна эти отношения воспроизвести в сознании.

Личность выражает истину и истиной себя удерживает. Личность реально, собой, своим действием, проявляющим столь же реальные общественные отношения, и эти отношения этим действием меняющая, преобразующая, – здесь, в этих изменениях, личность видит себя. Иначе говоря, она своим действием и выражает состав общественного бытия и одновременно его преобразует. Она осуществляется в пространстве своей сущности. Преобразуя общественные отношения, она преобразует себя. Но тем самым и других, всех, кто объективно захватывается этими отношениями. Кто их – точно так же – осуществляет.

И только в такой позиции личность способна задавать культуре свои собственные определения. Определения – как определения самой действительности, которые личность предчувствует, чувствует, выражает во всеобщезначимых формах и свободно-творящим способом воплощает в действительность человеческого бытия. Которые, с одной стороны,

проявляются как субъективно-личностные, а с другой – как общественно значимые. В этом суть личностного бытия, а потому и *мера* человека: личность – это индивидуальное выражение всеобщего, *оединиченная всеобщность*, как выражает эту мысль вслед за Гегелем Э.В. Ильенков [Ильенков, 1991, с. 229–270; с. 387–415].

Индивидуальное, субъективно-личностное бытие выражает культурно-историческое содержание. «Овладеть правдой о личности и самой личностью нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом», – говорит Л.С. Выготский [1982, с. 436] и этим ставит центральную задачу психологии как науке. Именно как науке, которая в полной мере опирается на мысль, что человек в своем развитии всегда действует как практически-преобразующее действительность общественное начало. Тем самым – и как преобразующее само себя.

Потому ни одну психическую функцию нельзя познать вне реальной жизненной действительности, вне общественной предметно-преобразовательной деятельности, вне понимания отношений человека к человеку – в каких бы формах это отношение ни было выражено. Страшно сложная задача. «Практическая психология» сегодня умеет подчинить своим особым целям движение психических функций. Естественно, исходя из прагматических потребностей. И разрабатывает множество «методик», «психологических практик» – инновационная установка здесь не имеет предела, – если мы помним «болото эмпиризма».

Подчинение психической функции движению целого – это процесс смыслового развития образа действительности, который, конечно же, может быть удержан только всем составом психических функций. И наоборот, образ действительности, предстающий через индивидуальное бытие, сущностью своей представлен и в развитии той или другой его смысловой стороны. Это – всеобщая основа антиципации действительности. Потому педагогика, занимающаяся формированием и развитием некоей особой предметной способности, бессильна, если не завязана на личностное развитие. Если не встроена в систему общественных отношений. «Каждый человек есть в той или иной степени мера того общества или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений», – в полном согласии с Марксом утверждает Л.С. Выготский [1982, с. 403]. Буржуазные общественные отношения естественным образом порождают представление противоположности личности и общества, и основания человеческой души ищутся не в содержании культурно-исторического бытия, а либо в составе органико-биологических форм, либо в онтологизированной духовной культуре человечества, представленной в ложно-фантастической религиозной форме. Вот здесь-то и появляются фантомы сознания и монстры действительности. Пожалуй, нет необходимости говорить, что такая ситуация порождается частнособственническими общественными отношениями. Они фокусируются в личностной форме, и личность их проявляет и выражает. Вот потому Выготский и говорит, что «каждый человек есть в той или иной степени мера того общества», которому принадлежит.

Но мера личности, *истинная мера личности* есть истина общественного бытия. Иначе говоря, общественный идеал. То есть тот образ человеческой действительности, который определяется логикой общественного развития, но ни в коей мере не обобщением содержания наличного бытия. В этой позиции попытка понять личность снова возвращается к проблеме исходных начал, сказывается «сказка про белого бычка».

Потому метод мышления и философское его обоснование как истинной формы воспроизведения действительности в сознании, является центральной, «ведущей деятельностью» в познании общественно-исторического человека. И тем самым школы. Это – панацея от всех тех бед, в которые якобы сегодня попадают дети и с которыми никак не может сладить вся система воспитания и образования. Панацея – поскольку сила мысли, удерживающая силу действительности, не позволяет ей, мысли, любую ограниченную форму бытия принимать за форму всеобщую. В наличном бытии – «прыгать с кочки на кочку» в осуществлении якобы своей свободы.

Свобода и истина, не забудем, атрибутивные определения личности. «Сила личности – это всегда индивидуально выраженная сила того коллектива, того "ансамбля" индивидов, который в ней идеально представлен, сила индивидуализированной всеобщности устремлений, потребностей, целей, ею руководящих» [Ильенков, 1991, с. 413].

Список литературы

1. Выготский Л.С. 1982. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Исторический смысл психологического кризиса. М., Педагогика: 291–437.
2. Гегель Г.Ф. 1977. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., Мысль, 472 с.
3. Ильенков Э.В. 1991. Философия и культура. М., Политиздат, 464 с.
4. Ильенков Э.В. 2015. От философии до педагогики. Ред.-сост. Г.В. Лобастов. М., Изд-во СГУ, 610 с.
7. Ильенков Э.В. 2009. Психология. Вопросы психологии, 6: 92–106.
9. Лобастов Г.В. 2014. Личность и ее определения (к 90-летию Э.В. Ильенкова). Вестник РГГУ, 20: 9–25.
10. Лобастов Г.В. 2016. Проблема методологии исследования личности. Вестник РГГУ, 4: 53–70.
11. Маркс К., Энгельс Ф. 1968. Соч., т. 46, ч.1. М., Политиздат, 559 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. 1974. Соч., т. 42. М., Политиздат, 535 с.
13. Мещеряков А.И. 1974. Слепоглухонемые дети. М., Педагогика, 327 с.

References

1. Vygotsky L.S. 1982. Sobraniye sochineniy [Collected Works]. Iss. 1. Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa [The historical meaning of the psychological crisis]. Moscow, Publ. Pedagogy: 291–437.
2. Hegel. 1977. Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophy]. Iss. 3. Filosofiya dukha [The philosophy of the spirit]. Moscow, Publ. Thought, 472 p.
3. Ilyenkov E.V. 1991. Filosofiya i kul'tura [Philosophy and culture]. Moscow, Publ. Politizdat, 464 p.
4. Ilyenkov E.V. 2015. Ot filosofii do pedagogiki [From philosophy to pedagogy]. Ed. G.V. Lobastov. Moscow, Publishing house of SSU, 610 p.
5. Ilyenkov E.V. 2009. Psikhologiya [Psychology]. Voprosy psikhologii, 6: 92–106.
6. Lobastov G.V. 2014. Lichnost' i yeye opredeleniya (k 90-letiyu E.V. Ilyenkova) [Personality and its definitions (on the 90th anniversary of E.V. Ilyenkov)]. Vestnik RGGU, 20: 9–25.
7. Lobastov G.V. 2016. Problema metodologii issledovaniya lichnosti [The problem of personality research methodology]. Vestnik RGGU, 4: 53–70.
8. Marx K., Engels F. Sochineniya [Soch.]. Vol. 46, part 1. 559 p.
9. Marx K., Engels F. 1974. Sochineniya [Soch.]. Vol. 42. Moscow, Publ. Politizdat, 535 p.
10. Meshcheryakov A.I. 1974. Slepoglukhonemye deti [Deaf-blind-mute children]. Moscow, Publ. Pedagogy, 327 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лобастов Геннадий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет); президент Российского философского общества «Диалектика и культура», г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennady V. Lobastov, Doctor in Philosophy, Professor Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) MAI; President of the Russian philosophical Society "Dialectics and Culture", Moscow, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316. 776

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-434-442

Общественная оценка деятельности российской полиции в социальных медиа (на примере Магаданской области)

Невский С.А., Бормотова Т.М., Яковлев О.В., Черкасов Р.В.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 стр. 1

E-mail: nevskiy40@mail.ru; tbormotova.68@mail.ru; dos-bee@yandex.ru; cherkasov_roman@list.ru

Аннотация. Важную роль в оценке деятельности полиции играют социальные медиа, которые предоставляют социально значимую информацию. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования по изучению степени влияния транслируемых данных на формирование общественного мнения в оценке работы полиции. Целью данного исследования является анализ тональности содержательной интерпретации числовых закономерностей информации в социальных медиа и сети Интернет о деятельности органов внутренних дел Магаданской области в условиях пандемии коронавируса. Для изучения проблемы был проведен контент-анализ 208 текстовых и видео-массивов медиаресурсов в сети Интернет. В результате исследования выявлены характеристики информационной среды, представленной контентом в социальных сетях и блогосфере, в аспекте влияния на общественное мнение о криминогенной обстановке и деятельности сотрудников полиции Магаданской области. Полученные результаты вносят вклад в развитие социальных институтов, включая совершенствование деятельности полиции.

Ключевые слова: блогосфера, информационная среда, криминогенной обстановка, деятельность полиции, общественное мнение, социальные медиа.

Для цитирования: Невский С.А., Бормотова Т.М., Яковлев О.В., Черкасов Р.В. 2021. Общественная оценка деятельности российской полиции в социальных медиа (на примере Магаданской области). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 434–442. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-434-442

Public Assessment of the Russian Police in Social Media (On the Example of the Magadan Region)

**Sergei A. Nevsky, Tatyana M. Bormotova,
Oleg V. Yakovlev, Roman V. Cherkasov,**

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
building 1, 25 Povarskaya St, Moscow, 121069, Russia

E-mail: nevskiy40@mail.ru; tbormotova.68@mail.ru; dos-bee@yandex.ru; cherkasov_roman@list.ru

Annotation. Social media that provide socially significant information to the population for evaluating the activities of the police. Despite the numerous publications on this topic, there are practically no studies on the degree of influence of broadcast data on the formation of public opinion in assessing the work of the police. The purpose of this study is to analyze the tonality of the meaningful interpretation of numerical patterns of information in social media and the Internet about the activities of the internal affairs bodies of the Magadan region in the conditions of the coronavirus pandemic. To study the

problem, a content analysis of 208 text and video arrays of media resources on the Internet was carried out. As a result of the study, the characteristics of the information environment represented by content in social networks and the blogosphere are revealed in the aspect of influencing the public opinion about the criminal situation and the activities of police officers of the Magadan region. The results obtained contribute to the development of social institutions, including the improvement of police activities.

Key words: blogosphere, information environment, crime situation, police activity, public opinion, social media.

For citation: Nevsky S.A., Bormotova T.M., Yakovlev O.V., Cherkasov R.V. 2021. Public Assessment of the Activities of the Russian Police in Social Media (On the Example of the Magadan Region). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (3): 434–442 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-434-442

Введение

Согласно ежегодному исследованию агентства «РИА Рейтинг» Магаданская область занимает в 2020 г. 75-е место среди субъектов Российской Федерации по социально-экономическому положению. Население региона волнуют традиционные для большинства регионов России проблемы, на первом месте – рост цен на товары и услуги, опережающий рост доходов; на втором – низкий, по мнению жителей Магаданской области, уровень доходов, плохое материальное положение, далее – низкий уровень медицинского обслуживания, невозможность найти работу, безработица и недостаточная социальная защита.

По итогам 9 месяцев 2020 г. можно сделать вывод о том, что количественно-качественные параметры криминальной ситуации в Магаданской области главным образом определялись сложившейся беспрецедентной общемировой ситуацией, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, признанной пандемией. В течение 9 месяцев 2020 г. в Магаданской области зарегистрировано 2 030 преступлений, т. е. на 6,7 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Сократилось число выявленных лиц, совершивших преступления, на 10,7 % (всего 1 013 человек).

Уровень преступности в Магаданской области также снизился (на 4,8 %) и составил 1459,47 (в РФ – 1049,87; ДФО – 1405,17). В структуре преступности Магаданской области преобладают преступления против собственности (45,02 %), личности (11,2 %) и в сфере незаконного оборота наркотиков (11,6 %). Одновременно Магаданская область занимает лидирующие позиции по уровню рецидивной преступности, который составляет 749,15 при среднероссийском значении 422,5 и 645,85 по Дальневосточному федеральному округу. Увеличился удельный вес лиц, не имеющих постоянного источника доходов, на 6,6 %.

Выявленные негативные тенденции преступности Магаданской области обусловлены спецификой региона, характеризующейся следующими факторами:

- интенсивной эксплуатацией природных ресурсов, связанной с наличием горно-, золотодобывающей и топливно-энергетической промышленности, добычей и переработкой рыбы, в том числе ценных сортов;
- слабой инфраструктурой;
- низким уровнем жизни населения;
- проблемами миграционного оттока населения;
- природными условиями, благоприятствующими произрастанию дикорастущих наркосодержащих растений;
- сосредоточением учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы и, как следствие, высоким удельным весом ранее судимых в структуре населения.

Кроме того, негативные тенденции преступности в Магаданской области во многом обусловлены условиями пандемии коронавируса, при которых наблюдается рост тревожности населения относительно возможного заражения коронавирусом и беспо-

койство по поводу принятия необходимых мер безопасности, а также ухудшение материального положения.

Изучение освещения в средствах массовой информации, социальных медиа, социальных сетях и блогосфере практики работы органов внутренних дел Магаданской области свидетельствует о наличии различий в восприятии населением криминогенной ситуации, в понимании степени ее опасности, в оценках логичности и эффективности действий различных подразделений и служб органов внутренних дел.

Одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, является общественное мнение [Докторов, Грушин, 2004; Гудков, Дубин, 2006; Бражников и др., 2016]. Изучение общественного мнения о деятельности органов внутренних дел является важнейшей составляющей системы научного обеспечения МВД России [Липпман, 2004; Ситковский и др., 2011; Монусова, Гимпельсон, 2012]. Одним из направлений принципа открытости и публичности в деятельности российской полиции является размещение актуальной информации о деятельности органов внутренних дел в сети Интернет [Черкасов, 2013; Юдина и др., 2017; Передня, 2018].

В электронных СМИ регулярно публикуются и освещаются события, связанные с деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации. Независимая оценка работы органов внутренних дел Российской Федерации очень важна для формирования правильного отношения населения страны к самому закону, к органам, которые его осуществляют, и к власти так таковой. Независимая оценка может указать на изъяны в работе полиции, несправедливость существующих законов, что может повлиять на решимость сотрудников органов внутренних дел действовать для улучшения собственной жизни, а значит и жизни страны [Зуева, 2016; Костенко, 2019; Нестерова, 2021; Perezolova, 2021].

Несмотря на многочисленные исследования, остается не изученным вопрос влияния закономерностей коммуникативного воздействия посредством социальных медиа на общественное мнение о деятельности органов внутренних дел.

Цель исследования – определение характеристик информационной среды, представленной контентом в электронных социальных СМИ и блогосферы в аспекте влияния на общественное мнение о криминогенной обстановке и доверии к деятельности сотрудников полиции Магаданской области.

Объекты и методы исследования

Информационной базой для настоящей статьи послужили статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» (Федеральное казенное учреждение Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел России) о состоянии преступности за период январь – сентябрь 2020 г.; результаты интернет-опроса жителей области, проведенные в сентябре 2020 г. на официальном сайте УМВД России по Магаданской области (Управление Министерства внутренних дел России по Магаданской области); анализ материалов региональных интернет-изданий СМИ, социальных сетей и блогосферы в 2018–2020 гг.

Методика исследования основывалась на разработке глоссария тематического анализа, используемого в качестве запросов в поисковых сервисах Яндекса («Поиск по блогам», «Новости»), а также «Медиалогии» (автоматизированной системы мониторинга СМИ и медиа-анализа). Первичные данные (за последние три месяца) преобразованы в обобщенные показатели интенсивности, направленности, авторства и средств распространения, а также характеристик воспринимающих его групп населения.

На основе использования поисковых сервисов Яндекса («Поиск по блогам», «Новости»), а также «Медиалогии» изучены информационные материалы информационно-коммуникационной сети Интернет, связанные с оценкой деятельности сотрудников органов внутренних дел в Магаданской области. Всего проанализировано 218 материалов региональных, федеральных и зарубежных электронных СМИ, подавляющее большинство которых носит региональный характер, 97,5 % из них являются интернет-материалами, а лишь малая часть – электронными форматами традиционных СМИ.

Результаты и обсуждение

Материалы электронных СМИ и блогосферы делятся на две основные группы:

1. Материалы о криминальной обстановке в Магаданской области и в г. Магадане о бытовых преступлениях, преступлениях против личности, имущественных преступлениях (5,1 % от всего массива материалов). Подавляющее большинство из этих материалов (более трех четвертых от общего количества) не просто носят информационный характер, но и освещают деятельность сотрудников органов внутренних дел Магаданской области по охране правопорядка, что способствует повышению их авторитета и доверия среди населения. К ним относятся материалы о пресечении нарушений правопорядка, а также раскрытия преступлений, в частности о раскрытии кражи из жилища (vesma.today), расследование кражи с банковского счета (magadan.bezformata.com).

2. Материалы, раскрывающие содержание профилактической и иной деятельности сотрудников органов внутренних дел, что составляет существенную их долю в общем количестве (37 %). В них рассказывается, каким образом сотрудники магаданской полиции проводят разъяснительную работу среди населения, о чем сообщает ряд электронных ресурсов. Например, рассказано о том, что сотрудники правоохранительных органов регулярно информируют население о высокотехнологических преступлениях с помощью дистанционных технологий в банковской сфере (49.мвд.рф).

Важно отметить также группу материалов, которые свидетельствуют о тесном сотрудничестве УМВД по Магаданской области с органами власти и местного самоуправления в сфере обеспечения правопорядка, примерами которого являются обсуждение вопросов предупреждения правонарушений в налоговой сфере (49.мвд.рф), а также профилактики противоправного поведения различных категорий населения.

Среди наиболее цитируемых СМИ Магаданской области, освещающих социально-экономические и общественно-политические события в регионе в 2019–2020 гг. – государственная телерадиокомпания на территории Магаданской области (ГТРК) «Магадан», телеканалы «МТК-Видео» и «Колыма плюс», газеты «Магаданская правда», «Вечерний Магадан», «Колымский тракт», «Аргументы и факты – Магадан», «Московский Комсомолец – Колыма», электронные порталы: [Monavista Daily](http://MonavistaDaily.ru), MagadanMedia.ru, Smirossii.ru/magadan-smi. В них на постоянной основе размещается информация об участии сотрудников органов внутренних дел Магаданской области в обеспечении режима карантина в рамках профилактики распространения коронавирусной инфекции, о чем свидетельствует материал «Сотрудники полиции проверили соблюдение масочного режима на остановках общественного транспорта» (magadan.monavista.ru).

В региональных интернет-СМИ преобладает положительная информация о сотрудниках органов внутренних дел Магаданской области, что свидетельствует о качественной организации их работы и конструктивном взаимодействии с представителями регионального медиа-сообщества.

Содержание и направленность материалов информационно-коммуникационной сети Интернет свидетельствует в целом о положительной оценке и доверии населения, лидеров общественного мнения и интернет-общественности к деятельности сотрудников органов внутренних дел Магаданской области, а также создает благоприятные информационные условия для их деятельности.

Основными интернет-площадками, на которых осуществляется обращение информации и обмен мнениями, являются социальные сети: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram и Twitter.

В качестве региональных социальных сетей присутствуют Kolyma.ru, gorod-magadan.ru, magadan.bezformata.com, Magadanonline.ru и 49.мвд.рф. Основными группами на региональных площадках являются magadanpravda.ru, 49.gov.ru, лента новостей Магадана magadanmedia.ru, «УМВД России по Магаданской области», «Магадан Подслушано», «Новости Магадана сегодня», vesma.today (ЧП, ДТП), ЧП_magadan (ДТП и ЧП) и 49.rodina.news. Группа «УМВД России по Магаданской области» представлена в нескольких социальных сетях: «ВКонтакте», Facebook, Instagram, Twitter и 49.мвд.рф.

Среди независимых региональных интернет газет наибольшей популярностью пользуются Lenta.ru, «АиФ – Магадан», Drugoigorod, Meduza, Zasekin.ru, Government49.livejournal.com и, кроме указанных выше популярных соцмедиа, Telegram-канал, Я.Дзен, Даркнет.

Позитивная тональность о работе полиции Магаданской области содержится в публикациях сетевых СМИ преимущественно по тематике оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. В частности, в издании «Московский Комсомолец – Колыма»: «Полицейский в Магадане влез в окно многоэтажки и спас пенсионерку». «Полиция Магадана задержала серийного угонщика»; «Магаданская Правда»: «Полиция знает, как бороться со снюсами!», «Убийства на Колыме раскрывают на 100 процентов, мошенничества – лишь на 20», «Российская Газета (Магадан)»: (Instagram): «На Колыме полицейские и общественники исполняют новогодние мечты детей»; Instagram: «Полицейские в Магадане почтили память коллег, погибших при исполнении служебного долга»; Instagram: «На Колыме в рамках акции "Неделя безопасности" госавтоинспекторы встретились со школьниками Магадана»; 49.мвд.рф: «Полицейские Колымы не остались в стороне и поздравили пожилых родственников с этим семейным праздником»; «Весьма»: «На Колыме полицейский нашел 5 000 рублей на улице. И вернул их хозяйке»; «MGDN Магадан»: «Магаданские следователи нашли пропавшую 16-летнюю девушку».

Наряду с распространением в СМИ информации о различных аспектах работы органов внутренних дел Магаданской области по обеспечению общественного порядка, законности и прав граждан, в социальных сетях Магаданской области, блогосфере и интернет-форумах комментировались отдельные факты превышения и злоупотребления служебными полномочиями сотрудниками региональной полиции, связанных с коррупционным поведением. Например: «В Магадане опер-антикоррупционер продал тонны конфискованной икры»; «Магаданские полицейские продали наркотики, чтобы улучшить раскрываемость»; «В Магадане двое экс-полицейских пойдут под суд за взятки»; «Двое полицейских в Магадане заставили задержанного подкинуть наркотики другому человеку. Их осудили на 11 лет колонии»; «В Магаданской области уволили полицейских, которые напились и избивали человека»; «В Магадане после смерти задержанного в отделе полиции уволен сотрудник»). Примечательно, что подавляющая часть комментируемой в региональной блогосфере негативной информации о работе органов внутренних дел содержит указание на понесенную ответственность ее сотрудников за совершение преступлений.

В условиях сложившейся неблагоприятной эпидемиологической ситуации на органы внутренних дел Магаданской области, как и других субъектов Российской Федерации, в 2020 г., помимо оперативно-служебных задач, возложена обязанность по обеспечению мер реализации ограничительного характера всеми гражданами и юридическими лицами. В обязанности полиции в настоящее время входит регулярное сопровождение врачей и представителей социальных служб при посещении лиц, находящихся на самоизоляции. УМВД России по Магаданской области организована соответствующая профилактическая работа с гражданами на основе распространения создаваемого ОИиОС УМВД России по

Магаданской области информационного контента с участием региональных СМИ, официального сайта УМВД России по Магаданской области, аккаунтов в социальных сетях.

Данная работа направлена на освещение деятельности региональных органов внутренних дел в период распространения коронавирусной инфекции, связанной с обеспечением общественного порядка во время карантина, осуществлением контроля за соблюдением гражданами правил самоизоляции, выявление их нарушителей, на позитивное восприятие действий полиции Магаданской области. Например, «В медико-санитарной части УМВД России по Магаданской области прошла благотворительная акция «День донора». «Режим самоизоляции контролируют сотрудники полиции и Росгвардии Магаданской области»; «Полицейские информируют население о режиме самоизоляции в Хасынском округе Магаданской области».

Большое внимание уделяется профилактической работе с населением, ориентированию граждан на перепроверку информации, размещаемой в сети Интернет, необходимость опираться исключительно на официальные источники информации, чтобы не пострадать от действий мошенников и избежать материального ущерба и причинения вреда здоровью. Так, в октябре текущего года сотрудники УМВД России по Магаданской области совместно с представителями Общественного совета при УМВД России по Магаданской области, городского отдела полиции, а также народными дружинниками провели ежегодные оперативно-профилактические мероприятия «Быт» и «Стоп, мошенники!». Сотрудники полиции уделили особое внимание наиболее внушаемым и уязвимым гражданам пожилого возраста, напомнив им об опасности телефонных мошенников «Осторожно, телефонные мошенники!». Целью проведённых мероприятий является повышение правовой грамотности населения и профилактика мошенничества среди лиц пенсионного возраста. По итогам проведённых мероприятий гражданам были вручены памятки с практическими советами.

В региональных СМИ размещалась информация о проведении масштабной социальной акции «Останемся дома», в ходе которой участковые уполномоченные полиции и представители общественных советов при территориальных органах УМВД России по Магаданской области в очередной раз информировали население об участившихся в условиях самоизоляции случаях мошенничества и напомнили гражданам о необходимости соблюдения ограничительных мер и проявления высокой социальной ответственности.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые полицией Магаданской области усилия по работе с населением в целях профилактики возможного заболевания коронавирусной инфекцией на основе контроля и надзора за соблюдением режима самоизоляции, в блогосфере встречаются негативные публикации и критические комментарии в отношении действий сотрудников полиции. Так, на поле размещения информации о том, что «на заблудившихся туристов в Магадане полиция завела административное дело за нарушение самоизоляции» появились негативные комментарии: «Ввели бы закон какой что ли, а не гнали пургу, чисто "у нас самоизоляция, сидите дома, мы никак это не подкрепим законами, чисто на словах, так же на словах будем вас судить и выписывать вам штрафы"».

Работа органов внутренних дел Магаданской области по взаимодействию с гражданским обществом и общественными организациями для обсуждения актуальных вопросов обеспечения общественной безопасности опирается на деятельность представителей Общественного совета при УМВД России по Магаданской области и общественных советов, образованных при территориальных органах МВД России по Магаданской области на районном уровне. К данной работе привлечены представители общественных, религиозных и профессиональных объединений, деятели культуры и искусства, региональные средства массовой информации, бизнеса и других сфер деятельности. Аналогичные общественные формирования созданы при всех межмуниципальных отделах УМВД России по Магаданской области на районном уровне. В рамках взаимодействия полиции и различных институтов гражданского общества в 2019–2020 гг. организованы и проведены 123 мероприятия, направленных на профилактику обеспечения общественной безопасности, поиск новых форм и методов взаимодействия полиции и институтов гражданского общества.

Выводы

По результатам мониторинга общественного мнения о деятельности УМВД России по Магаданской области с учетом региональных особенностей состояния социально-экономической, общественно-политической, криминальной ситуации; освещения в региональных средствах массовой информации и сети Интернет работы полиции, состояния сферы информационно-коммуникационного взаимодействия органов внутренних дел и структур гражданского общества можно сделать ряд выводов и предложений.

Во-первых, тенденция снижения числа преступлений против личной и имущественной безопасности, против семьи и несовершеннолетних, должностных и в сфере незаконного оборота наркотиков, а также уровня криминальной активности населения Магаданской области свидетельствует об обеспечении УМВД России по Магаданской области контроля над криминальной ситуацией и эффективности мер профилактики противоправного поведения различных категорий населения в условиях обострения криминогенных факторов в период пандемии коронавируса.

Во-вторых, успешная практика информационного «присутствия» УМВД России по Магаданской области на региональных медиа-ресурсах, содержание и конструктивная направленность материалов СМИ и информационно-коммуникационной сети Интернет о деятельности региональных органов внутренних дел находят отражение в характере оценок населением работы областной полиции.

В-третьих, в условиях усиления информационного воздействия на сознание населения с целью дискредитации деятельности правоохранительных структур необходимо совершенствовать мониторинг региональных СМИ и блогосферы с целью оценки достоверности размещаемых публикаций и комментариев в медиа-ресурсах, направленности сетевых проектов и акций в целях оперативного реагирования и выработки эффективных мер по противодействию информационным угрозам.

В-четвертых, в условиях реализации мер по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции необходимо уделять особое внимание освещению деятельности органов внутренних дел Магаданской области, связанной с обеспечением общественного порядка во время карантина, осуществлением контроля за соблюдением гражданами правил самоизоляции, выявление их нарушителей, с тем чтобы обеспечить позитивное восприятие жителями области профилактических действий полиции.

Список литературы

1. Бражников Д.А., Мазаев Ю.Н., Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. 2016. Мониторинг общественного мнения населения об уровне безопасности личности: методологические принципы и подходы. Социальная политика и социология, 15-5 (118): 76–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2016-15-5-76-84
2. Гудков Л., Дубин Б. 2006. Приватизация полиции. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 1 (81): 58–71.
3. Докторов Б.З. 2004. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения. Вестник общественного мнения, 6 (74): 8–21.
4. Занина Т.М. 2018. Оценка деятельности полиции посредством общественного мнения. В кн.: Полиция и общество: пути сотрудничества (к 300-летию российской полиции). Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции: 7 февраля 2018, Воронеж, Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации: 108–111.
5. Зуева О.В. Демидов Н.Н. 2016. Влияние СМИ на оценку эффективности деятельности полиции (по результатам социологических исследований). Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии, 3 (33): 79–84. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.10>
6. Костенко А.А. 2019. Общество и полиция, влияние СМИ и кинематографа на мнение общества. В кн.: Норма. Закон. Законодательство. Право. Материалы XXI Международной научно-практической конференции молодых ученых: 28–29 марта 2019, Пермь. Пермский государственный национальный исследовательский университет: 238–240.

7. Липшман У. 2004. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
8. Монусова Г.А., Гимпельсон В.Е. 2012. Доверие к полиции: межстрановой анализ. Вопросы экономики, 11: 24–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-11-24-47
9. Нестерова В.Е. 2021. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел средствами массовой информации. Вестник Уральского института экономики, управления и права, 1 (54): 42–48.
10. Передня Д.Г. 2018. Ведомственная специфика исследований общественного мнения о деятельности полиции с использованием традиционных методик. В кн.: Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 19–19 апреля 2018, Москва. Всероссийский центр изучения общественного мнения: 115–119.
11. Черкасов Р.В. 2013. Об основных формах и направлениях использования результатов изучения общественного мнения в деятельности полиции. В кн.: Современность в творчестве вузовской молодежи. Материалы научно-практической конференции молодых учёных «Современность в творчестве вузовской молодежи», 21–22 марта 2013 года, Иркутск. Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации: 141–146.
12. Юдина Т.Н., Бондалетов В.В., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Долгорукова И.В. 2017. Общественная оценка деятельности полиции. Социологические исследования, 4: 52–59.
13. Перезолова Д. Медийный образ полиции. В кн.: Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире. Материалы VIII международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках, 14 марта 2021, Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет: 9–12 (на англ. яз).

References

1. Brazhnikov D.A., Mazaev Yu.N., Maloletko A.N., Yudina T.N., Bormotova T.M. 2016. Monitoring of Public Opinion of the Population about the Security of the Individual: Methodological Principles and Approaches, 15-5 (118): 76–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2016-15-5-76-84 (in Russian).
2. Gudkov L., Dubin B. 2006. Privatizatsiya politsii. [Privatization of Police]. The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions, 1 (81): 58–71 (in Russian).
3. Doktorov B.Z. 2004. B.A. Grushin. Chetyre desyatiletiya izucheniya rossiiskogo obshchestvennogo mneniya [On the 75-th Anniversary of Boris Grushin]. The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions, 6 (74): 8–21 (in Russian).
4. Zanina T.M. 2018. Ocenka deyatelnosti politsii posredstvom obshchestvennogo mneniya [Assessing Police Performance Through Public Opinion]. In: Politsiya i obshchestvo: puti sotrudnichestva (k 300-letiyu rossiiskoi politsii). [Police and society: ways of cooperation (to the 300th anniversary of the Russian police)]. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference: February 7, 2018, Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: 108–111.
5. Zueva O.V. Demidov N.N. 2016. The Influence of Mass Media on the Evaluation of Effectiveness of Police Activity (Based on the Results of Sociological Research). Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies, 3 (33): 79–84. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.10> (in Russian).
6. Kostenko A.A. 2019. Society and Police, the Impact of the Media and Cinematographe on the Opinion of Society. In: Norma. Zakon. Zakonodatel'stvo. Pravo. [Norm. Law. Legislation. Pravo]. Materials of the XXI International Scientific and Practical Conference of Young Scientists: March 29, 2019, Perm. Perm State National Research University: 238–240 (in Russian).
7. Lippman U. 2004. Obshchestvennoe mnenie [Public opinion]. Translated from the English T.V. Barchunovoj. Moscow, Publ.Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 384 p.
8. Monusova G.A., Gimpel'son V.E. 2012. Trust in the Police: Cross-country Comparisons. Voprosy Ekonomiki, 11: 24–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-11-24-47 (in Russian).
9. Nesterova V.E. 2021. Formation of the Image of Law Enforcement Officer by Mass Media. Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 1 (54): 42–48 (in Russian).
10. Perednya D.G. 2018. Vedomstvennaya specifika issledovaniy obshchestvennogo mneniya o deyatelnosti politsii s ispol'zovaniem tradicionnykh metodik [Departmental specifics of public opinion research on police activities using traditional methods]. In: Materials of the VIII International Sociological Conference "Sociologist 2.0: Transformation of the Profession", April 19, 2018, Moscow. All-Russian Center for the Study of Public Opinion: 115–119.

11. Cherkasov R.V. 2013. Ob osnovnyh formah i napravleniyah ispol'zovaniya rezul'tatov izucheniya obshchestvennogo mneniya v deyatelnosti policii [On the main forms and directions of using the results of the study of public opinion in the activities of the police]. In: *Sovremennost' v tvorchestve vuzovskoi molodezhi*. [Modernity in the work of university youth]. Materials of the scientific-practical conference of young scientists "Modernity in the creativity of university youth", March 22, 2013, Irkutsk. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: 141–146.

12. Yudina T.N., Bondaletov V.V., Mazayev Yu.N., Bormotova T.M., Dolgorukova I.V. 2017. Public evaluation of police activities. *Sociologicheskie issledovaniya*, 4: 52–59 (in Russian).

13. Perezolova D. 2021. Media police image. In: Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists in Foreign Languages "Actual problems of the professional sphere in the modern world", March 14, 2021, Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University: 9–12.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва, Россия

Бормотова Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник 3 отдела научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва, Россия

Яковлев Олег Владимирович, кандидат социологических наук, начальник 3 отдела НИЦ № 1 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва, Россия

Черкасов Роман Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник 3 отдела научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei A. Nevsky, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Tatyana M. Bormotova, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of the 3rd Department of the Research Center No. 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Oleg V. Yakovlev, Candidate of Sociological Sciences, Head of the 3rd Department of Research Center No. 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Roman V. Cherkasov, Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher of the 3rd Department of the Research Center No. 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 327;32.019.5

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-443-450

Стратегии пропаганды в видеоиграх: практики и актуальные темы

¹ Беляев Д.А., ² Кутоманов С.А., ² Резник С.В.

¹ Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, 398020, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com; kutomanov@bsu.edu.ru; reznik@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены видеоигры как актуальный экранно-интерактивный медиум, в котором реализуются различные пропагандистские стратегии социально-политической направленности. На конкретных примерах проанализированы стратегии реализации боевой и гражданской пропаганды в видеоигровых повествованиях, в частности технологии общественного влияния и манипулирования: «60 на 40», «гнилая селедка» и «абсолютная очевидность». Отдельно рассмотрены варианты геймплейной интеграции пропагандистских активностей и борьбы с ними. В итоге доказано наличие динамики интеграции в видеоигровые практики и нарративы различных идеологически ангажированных тем, легитимирующих видеоигры как политический феномен. Они становятся инструментом экранно-интерактивной пропаганды вполне определенных социально-политических программ и концептов.

Ключевые слова: видеоигры, пропаганда, политика, геймплей, игровой нарратив, политические технологии.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31602.

Для цитирования: Беляев Д.А., Кутоманов С.А., Резник С.В. 2021. Стратегии пропаганды в видеоиграх: практики и актуальные темы. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46 (3): 443–450. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-443-450

Propaganda Strategies in Video Games: Practices and Actual Topics

¹ Dmitry A. Belyaev, ² Sergey A. Kutomanov, ² Sergey V. Reznik,

¹ Semenov-Tyan-Shan Lipetsk State Pedagogical University
42 Lenin St, Lipetsk, 398020, Russia

² Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com; kutomanov@bsu.edu.ru; reznik@bsu.edu.ru

Annotation. Video games are considered as an actual screen-interactive medium, in which various propaganda strategies of a socio-political orientation are implemented. Technologies of public influence and manipulation can be divided into the following types: 1. "60 to 40" consists in the

separation of truthful and false information according to a given percentage. 2. "Rotten herring" involves the creation of a stable negative association with any object by maintaining constant negative, even if false information. 3. "Absolutely obvious" maintenance of false information about the support of any opinion by the majority. The variants of the gameplay integration of propaganda activities and the fight against them are considered separately. As a result, it is proved that there is a dynamic of integration into video game practices and narratives of various ideologically biased topics that legitimize video games as a political phenomenon. They become a tool for screen-interactive propaganda of well-defined socio-political programs and concepts.

Key words: video games, propaganda, politics, gameplay, game narrative, political technologies.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the EISI within the framework of Science Project No. 21-011-31602.

For citation: Belyaev D.A., Kutomanov S.A., Reznik S.V. 2021. Propaganda Strategies in Video Games: Practices and Actual Topics. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (3): 443–450 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-443-450

Введение

Видеоигры, выйдя из развлекательного «гетто», стали заметной частью широкого пространства социокультурных практик и на сегодняшний день выступают медиумом и генератором множества социальных активностей. В частности, на наших глазах формируется весьма оригинальная коллаборация видеоигр и политики. Все чаще в видеоигровое пространство проникают различные политические идеи. Например, будучи кандидатом в президенты США, Б. Обама использовал популярные игровые сервисы для размещения своей политической рекламы.

Весьма показательно, что даже в России, где отношение к видеоиграм традиционно имеет налет развлекательной маргинальности, в 2018 г. на официальном государственном уровне (в лице первого заместителя Руководителя Администрации президента РФ С.В. Кириенко, курирующего направление внутренней политики) было заявлено, что видеоигры сегодня являются «пространством политической борьбы»¹. По мнению высокопоставленного чиновника, видеоигры, через которые создается пространство политической мифологии, часто используются в качестве инструмента идеологического влияния и манипуляции общественным мнением. Соответственно, сегодня вокруг видеоигр активно формируется дискурс политической аналитики и медийных виртуально-цифровых практик [Беяева, 2018].

Все это нашло отражение и в исследовательском пространстве, где в рамках *game studies* сформировалось отдельное тематическое направление *political studies*, в котором исследуется политическая и идеологическая составляющая видеоигр, возможность и степень их влияния на политическое сознание и поведение. В зарубежном дискурсе его развивают такие исследователи, как Н. Робинсон [Robinson, 2012], М. Шульке [Schulzke, 2014], М. Селтер [Salter, 2011], Э. Робертсон [Robertson, 2011] и А. Ал-Раби [Al-Rawi, 2018]. Кроме того, политологический фокус аналитики видеоигр присутствует и в некоторых отечественных публикациях С.И. Белова [2018], О.Е. Гришина и Д.А. Иглина [2015], М.А. Бочанова [Бочанов и др., 2018], С.О. Осекина [2016] и С.Ю. Черных [2017]. В них затрагиваются отдельные темы присутствия политических интеграций в видеоиграх как части актуального политического медиа-дискурса.

¹ «Нет смысла искать в играх след госдепа». Интернет-газета ZNAK. URL: https://www.znak.com/2018-09-12/kreml_uvidel_rusofobiyu_v_videoigrah_obyasnyаем_pochemu_eto_zabluzhdenie (дата обращения: 3 июня 2021)

В данной работе мы ставим целью рассмотреть один, на наш взгляд, весьма существенный аспект реализации политического содержания видеоигр, связанный с конструированием стратегий внутриигровой пропаганды через процедурные практики и нарративы.

Результаты и их обсуждение

Пропаганда как явление культуры, т.е. публичное и целенаправленное распространение определенных взглядов, фактов, идей и ценностей, появилась еще в эпоху первых цивилизаций, но свое теоретическое и понятийное оформление она получила сравнительно недавно.

Структурно в пропаганде современная политическая наука выделяет четыре основных элемента: субъект пропаганды – актор и основной интересант выражаемых концептов; объект пропаганды – социальная группа, на которую направлено влияние пропагандируемых идей; содержание пропаганды и формы ее трансляции. При этом дискуссионный характер носит проблема их когерентности и приоритетности. В частности, ведутся споры о соотношении целей субъекта и идейного содержания пропаганды в определении характера и шкалы ее оценки.

Искусство, религия и даже наука в разные периоды истории становились весьма эффективным средством пропаганды, выступая средой убеждения и даже особого мировоззренческого конструирования смыслов в сознании масс. С конца XIX в. пропаганда получает теоретические основания, становясь объектом изучения политологии и социологии. Она стала восприниматься как вполне легитимная методика влияния на общественное мнение, а также практика создания необходимой (субъекту пропаганды) системы предпочтений масс, норм и программ социального поведения.

Однако сегодня в общественном сознании существует устойчиво негативный коннотативный смысловой ряд, ассоциирующийся с феноменом пропаганды. Это, в первую очередь, связано с наиболее яркими пропагандистскими практиками XX в. и их социально-политическими последствиями. В частности, отрицательным олицетворением пропаганды стала деятельность министра пропаганды Третьего рейха Й. Геббельса. Он с помощью симбиоза тенденциозной подтасовки фактов, откровенной лжи и умелых риторических приемов выстроил информационное пространство, оправдывающее предельно антигуманистические практики нацистского режима, расизм и военную агрессию.

После этого случая к пропаганде стали относиться предельно настороженно, считая ее потенциально опасным информационно-манипуляционным инструментом. К тому же сформировался устойчивый стереотип, что пропаганда – это всегда ложь, намеренное искажение фактов. В то же время это совершенно не привело к исключению пропаганды из современного политического пространства, что вообще вряд ли возможно. Она по-прежнему активно применяется, но теперь это открыто не манифестируется. Сегодня явно маркировать информацию как пропаганду, значит по сути скомпрометировать ее, значительно понизить степень общественного доверия к ней.

Сравнительно недавно в *political studies* применялось различие пропаганды на боевую/военную («черную») и небоевую/гражданскую. Их главное отличие состояло в контексте применения и радикальности целеполагания, что накладывало отпечаток на ее содержание и степень допустимых искажений фактов. Так, боевая пропаганда – это способ воздействия на противника (все его военные и гражданские структуры) с целью дестабилизации общества и политической системы, деморализации, усмирения или решения иных задач в ситуации войны. Однако сегодня в реалиях общей тенденции к гибритизации военных конфликтов грань между боевой и гражданской пропагандой оказывается достаточно формальна. В то же время их важным отличием является то, что «черная» пропаганда всегда негативна, разрушительна и концептуально лжива.

Другой отличительной особенностью современности является появление новых информационных каналов для пропаганды. Вообще экранная культура продемонстрировала свою значительную эффективность как пропагандистское пространство, обладающее множеством риторических приемов массового воздействия на общественное мнение [Бочанов и др., 2018]. Видеоигры, будучи частью экранной культуры, также становятся форматом реализации актуальных пропагандистских концептов, практик и компаний [Гришин, Иглин, 2015].

Далее вопрос присутствия пропаганды в видеоиграх будет рассмотрен во внутриигровой модальности, которая фокусируется на том, какие непосредственно пропагандистские приемы используются в видеоигровых нарративах и как они реализуются.

Так как большинство видеоигр, содержащих политические интеграции, зачастую связаны с военно-боевыми элементами, то и смысловая архитектура внутриигровой пропаганды, как правило, основывается на принципах «черной» пропаганды [Schulzke, 2013]. В последней принято выделять следующие наиболее распространенные приемы: методы «60 на 40», «гнилая селедка» и «абсолютная очевидность». Их воздействие строится на основе глубоких социально-психологических паттернов, и все они присутствуют в нарративе множества популярных видеоигр и оказывают влияние на геймера.

В повествовательно-сюжетной структуре стратегической серии X-COM можно наблюдать, как инопланетные захватчики используют целый спектр приемов боевой пропаганды, направленный на население планеты для безболезненной ассимиляции человечества и укрепления своей власти. Рассмотрим метод «60 на 40», появившийся еще в ходе Второй мировой войны и активно применяемый Геббельсом. Его сутью является разделение информации на два массива. Первый массив в 60 % представляет собой вполне правдивую и чаще всего позитивно окрашенную информацию, формирующую доверие и предпочтительное расположение к ее источнику. Однако оставшиеся 40 % составляет откровенная ложь и дезинформация, необходимая для достижения подлинных общественно-политических целей.

С одной стороны, пришельцы из X-COM в своих 60 % рассказывают населению Земли, каких небывалых высот можно достичь вместе с ними в науке и искусстве. В то же время оставшиеся 40 % информационного пространства они заполняют трансляцией двух основных идей: 1) повстанцы, сражающиеся против них, – это террористы, контактов с которыми необходимо избегать, а о них самих докладывать новой администрации; 2) необходимо срочно посетить специальные медицинские центры «продления жизни и здоровья», построенные инопланетянами. В последних же, о чем, конечно, открыто не сообщается, людей перерабатывают на биоматериал или делают из них генетически модифицированных солдат для оккупационных властей.

Аналогичные стратегии пропаганды можно увидеть и в нарративе игры "Wolfenstein II: The New Colossus" (2017), выполненной в альтернативно историческом сеттинге, где победу во Второй мировой войне одержал Третий рейх. В этой вселенной нацисты активно используют СМИ для информационной дискредитации повстанческого движения, а также для поддержки идеологии расизма и насаждению немецкой культуры.

Похожие методы информационной войны присутствуют в борьбе двух фракций «фашистов» и «коммунистов» в серии игр «Метро 2033», где сюжет разворачивается в постапокалиптическом будущем. Каждая из сторон транслирует о своем противнике синкретичный массив информации из правды и лжи, повышающей взаимную неприязнь, переходящую в боевые столкновения.

Другим достаточно распространенным и эффективным приемом пропаганды является метод «гнилой селедки». Его сутью является вбрасывание в публичное пространство ложного и по возможности максимально скандального обвинения, которое инициирует широкую общественную дискуссию по этому поводу. При этом цель инициатора ложного обвинения вовсе не в его доказательстве, а в создании устойчиво ассоциативной инфор-

мационной связи между обвиняемым и предметом обвинения. Эта ситуация, вне зависимости от окончательных выводов по существу самого вопроса, приводит к дискредитации в общественном сознании обвиняемого.

Данный прием активно реализуется в популярной ролевой видеоигре "The Witcher 3: Wild Hunt" (2015), созданной по мотивам фэнтезийного цикла книг А. Сапковского. Вокруг ее протагониста – ведьмака Геральда постоянно формируется массив негативных ложных слухов, основывающихся, в первую очередь, на ксенофобских предрассудках. С подачи идеологов культа «вечного огня» они активно развиваются и распространяются, вызывая к герою предвзятое отношение и помещая его в дискурсивное поле широкого общественного осуждения.

Весьма эффективным и действенным приемом пропаганды является метод «абсолютная очевидность». Он основывается на трансляции идеи, которая (якобы) имеет безусловную поддержку преобладающего большинства населения. При этом реальная степень ее поддержки несущественна и может быть сфальсифицирована. И далее на основе психологического «эффекта присоединения» к большинству ее некритически воспринимает преобладающая часть населения. Данный метод почти снимает бремя фактологического доказательства пропагандистской позиции, создавая в общественном сознании особую мифосферу «абсолютно очевидных истин» [Robertson, 2011, p. 42].

Данный прием наглядно присутствует в нарративе ролевой видеоигры "Divinity: Original Sin II" (2017). В ее вселенной есть фракция – «колдуны Истока», обладающие большой магической силой, но своим существованием они угрожают другой, официально правящей в этом виртуальном мире социальной страте – «магистрам божественного ордена». Последние выстраивают такой формат дискурса, в котором транслируется идея опасности «колдунов Истока» как абсолютно очевидный факт, не нуждающийся в доказательствах. В итоге складывается ощущение, что такой позиции придерживается подавляющее большинство. В официальных проповедях и книгах утверждается идея, что «колдуны Истока» призывают чудовищ, желая уничтожить людей. Как следствие, основная масса населения стремится присоединиться, как им кажется, к преобладающей и «абсолютно очевидной» точке зрения.

Кроме нарративного присутствия боевой пропаганды в видеоиграх, можно отметить целый ряд случаев, когда последняя выступает в качестве геймплейной механики в руках игрока. Чаще всего в такой роли военная пропаганда реализуется в жанре глобальных стратегий.

Характерным и наиболее репрезентативным образчиком реализации данных игровых практик выступает проект "Stellaris" (2016), где повествуется о космической экспансии выбранного самим игроком разумного вида. По ходу выполнения заданий геймеру предоставляется множество инструментов пропагандистского воздействия как на свою популяцию, так и на инопланетные расы. Например, в процессе расширения виртуальной империи игрока часто возникает ситуация, когда в устоявшуюся и однородную социально-политическую структуру инкорпорируются другие виды существ, практикующие иные формы политической организации. Это приводит к затрагиванию интересов обоих видов, и тогда приходится применять весь доступный спектр пропагандистских приемов, помогающих сохранить государственную стабильность.

Также заслуживает упоминания стратегия "Frostpunk" (2018) как пример геймплейной реализации определенных пропагандистских стратегий, которые могут привести игрока к формальной победе, но одновременно формируют достаточно спорную государственную систему. В рамках ее сюжета геймер попадает в альтернативный XIX в., когда приходит глобальное похолодание и возникает угроза нового ледникового периода. Игрок возглавляет группу выживших. В определенный момент среди населения возникает паника и бунтарские настроения. Средством их преодоления выступают две пропагандистские доктрины – «вера» и «дисциплина», предлагаемые геймеру на выбор в качестве игровых

стратегий. Каждая из них при грамотном использовании сплачивает людей вокруг цели выживания и дает им смысл продолжать борьбу ради спасения всего человеческого вида, абсорбируя индивидуальные страхи и пороки.

Если внимательно рассмотреть доктрину «дисциплины», то в ней можно обнаружить характерные элементы военно-казарменной диктатуры – обязательные утренние построения, пропагандистские речи, сторожевые вышки и патрули ополчения. Этой доктрине имманентно присущи строгая иерархичность, авторитаризм, коллективизм и агрессия по отношению к инакомыслящим. Также для дополнительного сплочения сообществу транслируется образ внутреннего врага. При этом личные потребности и гуманистические ценности оказываются неважны. Геймер наблюдает, что по ходу развития данной модели общественного управления, бунтующее меньшинство будет подвергаться физическому и моральному принуждению. В итоге при успешном завершении игры, т.е. достижении цели выживания человечества в борьбе со стихией, геймер наблюдает построение принципиально новой модели общественно-государственного устройства мобилизационного типа. И, соответственно, поднимается важный вопрос о социально-гуманистической цене выживания человечества.

В ряде других случаев игровой активностью может выступать противодействие геймера пропаганде. Хотя на практике это зачастую сводится к механическому разрушению технических средств пропаганды. Так, в популярном экшене "Far Cry 4" (2014) игроку необходимо уничтожить радиостанции, что снижает вражеский контроль над определенной территорией¹.

В игре "The Saboteur" (2009), посвященной борьбе французского Сопротивления с нацистской оккупацией Франции, можно встретить вполне оригинальный прием визуального маркирования освобождения от враждебного информационного влияния. Изначально протагонист оказывается в нуарном мире и только после освобождения от нацистских громкоговорителей того или иного района Парижа, он обретает цветность.

Помимо этого, отдельные видеоигры (например, "Deus Ex: Mankind Divided" (2016) и "Cyberpunk 2077" (2020)) выступают носителями и отчасти популяризаторами трансгуманистической идеологии, поднимая вопросы возможной аугментации человеческого тела и общей практики киборгизации рода Homo.

Между тем существуют отдельные маргинальные примеры радикальной пропаганды расизма и антисемитизма в видеоиграх. Так, в шутере "Ethnic Cleansing" (2002) геймер в качестве своего виртуального альтер эго может выбрать члена Ку-клукс-клана или скинхеда, а ее основным сюжетным концептом выступает призыв к совершению «белой революции». Здесь процедурная часть игры выстраивается на механиках виртуальных убийств чернокожих и евреев.

Заключение

В итоге можно констатировать, что сегодня видеоигры становятся вполне легитимной частью политически актуального пропагандистского дискурса. В их нарративах и процедурных практиках реализуются достаточно изощрённые технологии гражданской и боевой пропаганды. Здесь безусловный интерес вызывает выявление целого ряда конкретных приемов и методов пропаганды («60 на 40», «гнилая селедка» и «абсолютная очевидность»), реализуемых в нарративах и геймплейных механиках игр. В то же время сами ви-

¹ В данном случае имеет место прямая перекличка с реальной ситуацией геноцида народности тутси в Руанде в 90-е гг. прошлого столетия. В этот период в Руанде действовало радио «Тысячи холмов» (неформальное название в западных СМИ «радио ненависти»), ведущие которого явно призывали к физическому истреблению представителей тутси. Примечательно, что в тех районах Руанды, на которые не распространялись эти радиотрансляции убийств на почве межнациональной ненависти было значительно меньше.

деоігры рэцэптыўна ўспрымаюць некаторыя папулярныя на Западе сацыяльна-політычныя праграмы, становячы інструментам экранна-інтэрактыўнай прапаганды іх цэннасцей.

Спісок літаратуры

1. Белов С.И. 2018. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх). Вестник РУДН. Серия: Политология, 20 (1): 96–104.
2. Беляева У.П. 2018. Актуальные youtube-дискурсы о видеоиграх. Современные исследования социальных проблем, 10 (2–3): 177–180.
3. Бочанов М.А., Иглин Д.А., Попов С.И. 2018. Компьютерные игры как инструмент потенциального развития политической культуры и коммуникации. Вопросы политологии. Том 8, 5 (33): 7–14.
4. Гришин О.Е., Иглин Д.А. 2015. Компьютерные игры как элемент политической массовой культуры и коммуникации. PolitBook, 1: 127–145.
5. Осекин С.О. 2016. Россия как агрессор в современных компьютерных играх. Культура и цивилизация, 1: 116–127.
6. Черных С.Ю. 2017. Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект «Europa Universalis 4»). Шаги/Steps, 3 (2): 77–97.
7. Al-Rawi A. 2018. Video games, terrorism, and ISIS's Jihad 3.0. Terrorism and Political Violence. Vol. 30 (4): 740–760. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2016.1207633>
8. Robertson A. 2011. The Unreal Enemy of America's Army. Games and Culture. Iss. 6: 38–60. DOI: <https://doi.org/10.1177/1555412010377321>
9. Robinson N. 2012. Videogames, Persuasion and the War on Terror: Escaping or Embedding the Military-Entertainment Complex? Political Studies, 60 (3): 504–522.
10. Salter M.B. 2011. The Geographical Imaginations of Video Games: Diplomacy, Civilization, America's Army and Grand Theft Auto IV. Geopolitics, 16 (2): 359–388. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2010.538875>
11. Schulzke M. 2014. Simulating terrorism and insurgency: video games in the war of ideas. Cambridge Review of International Affairs, 27 (4): 627–643.
12. Schulzke M. 2013. The Virtual War on Terror: Counterterrorism Narratives in Video Games. New Political Science, 35 (4): 586–603. DOI: <https://doi.org/10.1080/07393148.2013.848703>

References

1. Belov S.I. 2018. Komp'yuternye igry kak instrument realizacii politiki pamjati (na primere otobrazhenija sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny v videoigrah) [Computer games as a tool for implementing the politics of memory (on the example of displaying the events of the Great Patriotic War in video games)]. Vestnik RUDN. Serija: Politologija, 20 (1): 96–104.
2. Beljaeva U.P. 2018. Aktual'nye youtube-diskursy o videoigrah [Trending YouTube video game discourses]. Sovremennye issledovanija social'nyh problem, 10 (2–3): 177–180.
3. Bochanov M.A., Iglin D.A., Popov S.I. 2018. Komp'yuternye igry kak instrument potencial'nogo razvitija politicheskoj kul'tury i kommunikacii [Computer games as a tool for the potential development of political culture and communication]. Voprosy politologii, Vol. 8, 5 (33): 7–14.
4. Grishin O.E., Iglin D.A. 2015. Komp'yuternye igry kak jelement politicheskoj massovoj kul'tury i kommunikacii [Computer games as an element of political mass culture and communication]. PolitBook, 1: 127–145.
6. Osekin S.O. 2016. Rossija kak agressor v sovremennyh komp'yuternyh igrah [Russia as an aggressor in modern computer games]. Kul'tura i civilizacija. 1: 116–127.
7. Chernyh S.Ju. 2017. Konstruirovanie proshlogo v videoigrah: igrok kak potrebitel' i soavtor istoricheskogo narrativa (proekt «Europa Universalis 4») [Constructing the Past in Video Games: The Player as a Consumer and Co-author of Historical Narrative (Europa Universalis 4)]. Shagi/Steps, 3 (2): 77–97.
8. Al-Rawi A. 2018. Video games, terrorism, and ISIS's Jihad 3.0. Terrorism and Political Violence. Vol. 30 (4): 740–760. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2016.1207633> (In English)

9. Robertson A. 2011. The Unreal Enemy of America's Army. *Games and Culture*. Iss. 6: 38–60. DOI: <https://doi.org/10.1177/1555412010377321> (In English)
10. Robinson N. 2012. Videogames, Persuasion and the War on Terror: Escaping or Embedding the Military–Entertainment Complex? *Political Studies*, 60 (3): 504–522. (In English)
11. Salter M.B. 2011. The Geographical Imaginations of Video Games: Diplomacy, Civilization, America's Army and Grand Theft Auto IV. *Geopolitics*, 16 (2): 359–388. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2010.538875> (In English)
12. Schulzke M. 2014. Simulating terrorism and insurgency: video games in the war of ideas. *Cambridge Review of International Affairs*, 27 (4): 627–643. (In English)
13. Schulzke M. 2013. The Virtual War on Terror: Counterterrorism Narratives in Video Games. *New Political Science*, 35 (4): 586–603. DOI: <https://doi.org/10.1080/07393148.2013.848703> (In English)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

Кутоманов Сергей Алексеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Резник Сергей Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry A. Belyaev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskogo, Lipetsk, Russia

Sergey A. Kutomanov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Sergey V. Reznik, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 141.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-451-460

Нация и национализм в контексте развития современных обществ: отечественный и зарубежный опыт

Черных С.С.

Южно-российский Государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,

Россия, 346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены специфика и формы проявления национализма в связи с модернизацией обществ на основе распространения и внедрения в массовое сознание представлений о суверенной нации, способной включить в себя большинство граждан страны, наделяя их политическими правами. Отмечено, что образ гражданской нации сыграл важную роль в формировании горизонтальных связей и солидарности при переходе от сословной стратификации общества к его преимущественно классовому устройству в период становления капитализма. Показаны особенности формирования этнического национализма в результате политизации этнической субъектности с учётом распространения права наций на самоопределение. В заключение сделан вывод о том, что историческое (советское) наследие России, включающее в себя институционализацию и территориализацию этнического национализма меньшинств, препятствует формированию общероссийской нации на основе развитой гражданской идентичности.

Ключевые слова: модернизация, нация, институционализация и территориализация этничности, гражданский национализм, этнический национализм, культурный сепаратизм.

Для цитирования: Черных С.С. 2021. Нация и национализм в контексте развития современных обществ: отечественный и зарубежный опыт. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 451–460. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-451-460

Nation and Nationalism in the Context of the Development of Modern Societies: Domestic and Foreign Experience

Sergey S. Chernykh

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk, Rostov Region, 346428, Russia

E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Abstract. The specifics and forms of manifestation of nationalism in connection with the modernization of societies on the basis of the dissemination and introduction into the mass consciousness of ideas about a sovereign nation that can include the majority of citizens of the country, giving them political rights are considered. It is noted that the image of a civil nation played an important role in the formation of horizontal ties and solidarity during the transition from the class stratification of society to its predominantly class structure during the formation of capitalism. The features of the formation of ethnic nationalism as a result of the politicization of ethnic subjectivity, taking into account the spread of the right of nations to self-determination, are shown. In conclusion, it is concluded that the historical (Soviet)

heritage of Russia, which includes the institutionalization and territorialization of ethnic nationalism of minorities, prevents the formation of an all-Russian nation on the basis of a developed civil identity.

For citation: Chernykh S.S. 2021. Nation and Nationalism in the Context of the Development of Modern Societies: Domestic and Foreign Experience. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (3): 451–460 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-451-460

Введение

Изучение разнообразных аспектов национализма в его связи с понятием «нация» и процессами модернизации общества представляется актуальным, поскольку имеющий сразу несколько измерений рассматриваемый нами социально-политический и культурный феномен является важным фактором формирования как гражданских, так и этнических идентичностей населения большинства стран планеты. В данной связи необходимо отметить, что само понятие «нация» (*natio*) в переводе с латинского языка обозначает *племя, род*, что сохраняет за ним сильные этнические коннотации, которые далеко не всегда как в теории, так и в особенности на практике могут быть строго блокированы исключительно гражданским пониманием данного термина. Таким образом, можно вполне говорить о том, что национализм – амбивалентное понятие (диффузного типа), в котором гражданские компоненты содержащихся в нём возможных интерпретаций, как правило, пересекаются с этнокультурными паттернами его восприятия в общественном сознании.

Вместе с тем важно уточнить, что современный национализм также во многом является продуктом модернизации глобального социума, связанного с переходом от доминирования сословных типов стратификации к преимущественно классовым версиям социального расслоения, значительной секуляризацией этнических идентичностей и созданием эгалитарной (в широком смысле массовой) культуры.

Таким образом, национализм представляет собой форму мобилизации населения целых стран или отдельных регионов (как правило, стремящихся к сецессии), способной в той или иной степени преодолевать классовые различия, зачастую порождая возбуждающие аффекты «патриотического» характера или даже нетерпимости по отношению к внешним (зачастую воображаемым) противникам, «врагам».

В настоящее время в рамках магистральной традиции изучения национализма принято выделять два направления: *модернизм* или *конструктивизм*, наиболее ясно представленный в работах Э. Хобсбаума [Хобсбаум, 1998; Hobsbawm, Ranger, 2000], Э. Геллнера [1991], Б. Андерсона [2016] и др., где национализм понимается главным образом как процесс создания гражданских наций Нового времени, включая политические нации, возникшие после распада мировой колониальной системы и СССР; *примордиализм*, описанный главным образом в произведениях Э. Смита [2004], в рамках которого акцентировалось внимание на культурных особенностях, традициях и этнических корнях будущих наций, которые накладывают соответствующие ограничения на их оформление в качестве целостных субъектов политического действия.

В целом же можно говорить о том, что понятие «нация» в его наиболее современном и одновременно мобилизующем значении, способном порождать разнообразные националистические дискурсы, возникло и обрело силу в контексте ключевого документа Французской буржуазной революции XVIII века, широко известного как «Декларация прав человека и гражданина» (франц.: *Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*). Речь в нем шла о *легитимности суверенной власти*, а именно о том, что «источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит

явно от нации»¹. При этом важно оговориться, что *нация* здесь понималась прежде всего как эгалитарная политическая общность, союз («революционно настроенных») активных граждан страны, разделяющих общие принципы свободы, равенства и братства, которые могут быть вполне реализованы совместными усилиями граждан республики, вне зависимости, например, от их *этнической* или *конфессиональной* принадлежности.

Образ гражданской нации и его роль в процессе модернизации общества

Конструирование целостного образа нации предполагает, что граждане современного социума должны обладать развитым политическим воображением, помогающим отличать представителей других наций от своей собственной. В свою очередь это приводит к появлению национализма, который может вполне полностью совпадать с патриотизмом, особенно когда речь заходит о гражданском почитании национального флага, герба, гимна, определенно-значимых для развития страны исторических событий, государственных праздников или даже эмоциональном переживании за национальную сборную на международных спортивных состязаниях. Таким образом в коллективном представлении содружества граждан должен сложиться образ (мыслимого) сообщества, способствующий налаживанию горизонтальных связей и поддержанию высокого уровня солидарности. В данной связи Б. Андерсон определял нацию именно как «воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон, 2016, с. 47]. Вместе с тем политическое воображение любой нации должно стимулироваться и поддерживаться разнообразной (национальной) культурной продукцией, постоянно получая «свежие» впечатления. Так, например, признанные представители нации, начиная уже с юного возраста (посредством образовательных и других воспитательных институтов), должны быть информированы о границах своей нации, зафиксированных на официальных политических картах, и ознакомлены с её наиболее значимыми культурными символами.

Известно, что современные дискурсы о гражданской нации во многом сами являются продуктом буржуазных революций и просветительской идеологии XVIII века, в результате чего утвердилось представление о ней как о довольно широкой общности лиц, обладающих, в-первую очередь, равными политическими правами. По крайней мере, в поле нашего внимания оказываются граждане, способные главным образом посредством демократических институтов избирать и контролировать собственную власть. Таким образом, право полноценного участия в политической жизни страны также во многом является результатом отмены имущественного ценза при голосовании. Здесь можно вполне согласиться с Б. Андерсоном в том, что нация «воображается суверенной, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушили легитимность установленного Богом иерархического династического государства» [Андерсон, 2016, с. 49]. Вместе с тем нация уже не мыслится как элитарная (аристократическая) корпорация, представленная, например, шляхтой Речи Посполитой или благородным дворянством Российской Империи, а, напротив, воспринимается как вполне эгалитарная общность граждан, не только проживающих на общей территории, использующих в общении стандартизированный язык, но и в массе разделяющих представление о собственном единстве.

Таким образом, современное понятие «нация» является оператором внедрения и распространения практик массовой демократии, способной революционизировать общество. Но вместе с тем в контексте модернистских и в целом реформистских тенденций

¹ Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Статья 3 [Электронный ресурс]. <http://larevolution.ru/declaration.html> (дата обращения: 20.01.2020).

(направленных на нивелирование или хотя бы маскировку прежних сословных привилегий) более значимым статусом наделяются этнические различия, которые ранее ассоциировались с народной культурой, а следовательно, с культурой «низших» слоёв населения. Поэтому зачастую в дальнейшем именно этнические различия становятся драйверами национализма. «Понятие “нация” перенимает у понятия “народ” (peuple, people) фоновое значение нижней прослойки, даёт основание для деаристократизации политической системы и делает возможным в начале XIX в. новое видение понятия “народ” как специфически политического. Здесь происходит поворот от понятия из прошлого к понятию из будущего, к понятию, требующему единства личной и народной идентичности. Здесь предлагается весьма ясная, совсем простая в обращении схема различения: нация отличается от других наций (а, например, не от аристократии или деревенской жизни, как и не от хозяйства или науки)» [Луман, 2009, с. 200]. Речь, таким образом, идёт о том, что в данном понятии концентрируются представления народа-населения о собственной политической субъектности.

По мере всё большего включения современных наций в процесс глобализации классические представления о национальном суверенитете подвергаются существенной корректировке. В первую очередь это происходит в связи с ростом прогрессирующей зависимости государств от требований мировой экономики, увеличением мощи транснациональных корпораций и повышением роли наднациональных структур в системе глобального управления. К тому же значительная часть современных наций не соблюдает нейтралитет в отношении собственного участия в военно-политических блоках, а главное, предоставляет национальную территорию для размещения войск и стратегических вооружений своих союзников, представляющих иностранные государства. «Любая теория национального суверенитета, которая понимает суверенитет как неустранимую и неделимую форму общественной власти и силы, – по мнению У. Бека, – строится на недооценке сложности ситуации. Суверенитет сегодня следует понимать и изучать как расчлененную власть, расчлененную между целым рядом национальных, региональных и интернациональных акторов и являющуюся – по причине этой имманентной множественности – ограниченной и скованной» [Бек, 2001, с. 85]. В данной связи важно обратить внимание на заметный всплеск региональных национализмов (Квебек в Канаде, Фландрия в Бельгии, Каталония в Испании и т.д.), которые не только поддерживают и развивают культуру отдельных регионов (главным образом посредством самостоятельной языковой политики), но и в процессах глобальной экономической интеграции выступают вполне активными и самостоятельными субъектами социальных изменений.

Вместе с тем гражданская нация предстаёт как общность, во многом призванная по-прежнему цементировать единство страны, в том числе путём создания (внутреннего) классового компромисса. В данной связи можно вполне согласиться с Э. Геллнером, что именно современные (гражданские) нации формируются в условиях перехода от феодализма к промышленному капитализму на основе экономически стимулируемых культурных различий, активно поддерживаемых государством, заинтересованным в массовой мобилизации населения, прежде всего в военных целях. «В условиях определенной социально-экономической организации, которую лучше всего описать как “индустриализм”, – как отмечал британский исследователь, – возникают и становятся политически значимыми классы (расплывчатые, не имеющие четких границ страты рыночного общества) и нации (анонимные категории людей, выделяемые и сознающие себя по признаку культурного подобию). Когда они действуют в унисон, происходит изменение политических границ. Экономическое напряжение, выраженное и усиленное культурными различиями, обретает политический потенциал и заставляет перекраивать карту. Но по отдельности ни экономическое напряжение, ни культурные различия не способны породить сколько-нибудь

существенных перемен» [Геллнер, 2002, с. 197]. На фоне унификации и одновременной политизации доминирующих культур, существенного сокращения разрыва между городом и деревней нация выступает не только интегратором разнообразных классов, но и обеспечивает эгалитарную легитимацию признанной власти, действующей теперь от её имени, постоянно ссылаясь исключительно на национальные интересы.

Другое дело, что далеко не все этнические культуры могут быть безболезненно вписаны в процесс создания общей нации, причём вокруг них могут сформироваться альтернативные националистические проекты сепаратистского характера. Вместе с тем многие из этих проектов долгие годы остаются как бы в режиме ожидания, спящем состоянии, но при благоприятных условиях могут быть вновь актуализированы с новой силой. Таким образом, оказывается, что ряд наций могут длительное время находиться (до своего официального международного признания и провозглашения суверенитета) в «подвешенном» состоянии, которое, как правило, не проходит бесследно для коллективной идентичности её представителей.

Впрочем, все-таки необходимо учитывать, что политическая мобилизация этносов и процесс превращения последних в современные нации прежде всего характерны для обществ, которые не были охвачены перманентным и стремительным переселением народов, имевшим место в Новом свете (например, в США и странах Латинской Америки). «Национализм, таким образом, опирается на ранее существовавшие идентичности и традиции, а национальные идентичности отражают такие традиции. Но национализм серьезно преобразует существовавшие ранее этнические идентичности и придает новое значение культурному наследию. Этнические корни и культурная самобытность – это только часть аспектов (и даже не всегда обязательных) создания современных наций» [Калхун, 2006, с.109]. Поэтому именно национализм, проявившийся в странах переселенческого типа, в наибольшей степени приобретал наиболее ярко выраженные гражданские черты, по крайней мере, если речь заходила о его наиболее официальной версии.

Очевидно, что формирование известных наций находится в тесной связи с возможностями современного государства, располагающего соответствующими институциональными ресурсами (печать, армия, всеобщее образование) осуществления культурной унификации и одновременно экспансии в ранее сильно отдаленные регионы страны. В данной связи можно заметить, что большинство современных государств, в отличие от своих европейских аналогов феодальной эпохи, способны активно производить самые разнообразные национальные символы, вне зависимости от требований междинастических связей и аристократического консенсуса. «Таким образом, – как замечает Р. Брубейкер, – государство является мощным “идентификатором” не потому, что оно может создавать “идентичности” в строгом смысле слова (вообще говоря, оно не может этого делать), но потому, что оно располагает материалом и символическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчета и отчетности, с которыми должны работать чиновники, судьи, учителя и врачи и которые должны иметь в виду не-государственные акторы» [Брубейкер, 2012, с. 92]. Исследователи также солидарны в том, что агенты государственной власти не обладают полной монополией на формирование национальной идентичности, тем более что сами представители гражданской нации способны осознавать себя в качестве резистентных субъектов, в определенной степени противостоящих государственным институтам и «произволу» чиновников, исходя из довольно распространенных (особенно в среде выходцев из среднего класса) представлений об автономии гражданского общества от государства. Вместе с тем «серой зоной», свободной от прямого вторжения и контроля государства, продолжает оставаться семья и довольно закрытые, преимущественно конфессиональные группы, которые могут способствовать не только сохранению, но даже производству альтернативных версий национальной идентичности.

Националистические аспекты формирования и политизации этнической субъектности

Рассуждая о гражданской нации, можно конечно предполагать, что в ней снимаются прежние не только *сословные, конфессиональные*, но и *этнические* различия, особенно когда большинство её представителей объединены значимым (и успешным) политическим проектом, где права отдельной личности гарантированы всеобщим законодательством. Однако в подобном случае фиксирования и видимой реализации гражданской нации речь скорее заходит о высоком уровне *гражданственности и патриотизма* её представителей, чем собственно о национализме, пускай даже подчеркнуто гражданском. При этом исследователи национализма постоянно наталкиваются на проблемы, связанные с конструированием этнических идентичностей и даже межэтнических конфликтов, зачастую возникающих в процессе активного нациестроительства. Можно сказать, что именно в период формирования классовых (гражданских) сообществ, которое, например, может происходить на фоне антиколониальной борьбы за независимость либо объединение страны, происходит политизация этнического сознания, то есть его сдвиг в сторону осознания себя единой нацией. По крайней мере, представители этноса (этнофоры), вещающие от лица «собственного» народа, заявляют о его коллективной воле быть не просто этносом, а именно политической нацией.

В процессе включения этноса в активный националистический дискурс его политическая субъектность, как правило, вступает в тесную связь с теми из его культурных характеристик, которые приобретают в процессе нациестроительства особое значение. «Французская революция выдвинула принцип, в соответствии с которым индивиды и общины имеют право отделиться от одного государства и примкнуть к другому. Не менее революционным в своих последствиях стал другой принцип, что государства имеют естественные границы, которые соответствуют языковой карте территории» [Кедури, 2010, с. 70]. Зачастую именно собственный язык (особенно не похожий на языки окружающих народов) становился фактором развития этнического национализма, порой усиливая требования и подтверждая права на возможность сепарации. Поэтому и развитию своего языка националисты, как правило, уделяли наиболее пристальное внимание, пытаясь использовать последний как ключевой аргумент в деле провозглашения полного суверенитета или требований политической автономии. Вместе с тем вышеописанные тенденции, а именно превращение языка в орудие национализма, в большей степени характерны именно для периода заметного становления буржуазного общества, тогда как в предшествующую эпоху, напротив, аристократы предпочитали разговаривать между собой и читать книги на иностранных языках, при этом особым почётом и распространением пользовались, например, такие языки, как латынь, обладающие одновременно церковным, сакральным, научным и церемониальным статусом.

Другим важным пунктом проявления националистических амбиций в Новое время выступило стремление националистов сохранять и культивировать разнообразные этнические традиции, искусственно преувеличивая их древность. Однако в данной связи Э. Хобсбаум и Т. Рейнджер вполне справедливо обратили внимание, что многие известные традиции, репрезентирующие известные этнические группы, включая легко узнаваемый в настоящее время национальный костюм (например, килт шотландцев), были изобретены классом восходящей буржуазии Нового времени [Hobsbawm, Ranger, 2000]. Очевидно, что националисты, особенно в XIX веке, были заинтересованы в романтизации народной культуры путём придания ей привлекательных черт для широких, но при этом уже существенно «оторвавшихся от почвы» слоёв населения. Образование европейских наций в буквальном смысле и шедшее с ним рука об руку национальное образование с опорой на вновь открытые традиции, несомненно, способствовали в целом повышению статуса простого народа и даже породили определенную моду на этническую

культуру в среде высших классов общества. Таким образом, вокруг изобретаемых традиций в XIX–XX веках складывался консенсус между различными общественными классами, получившими в пользование единую национальную культуру и зримые символы единства, что позволило существенно расширить горизонтальные связи.

Вместе с тем искусство создания (или массового производства) современных наций не было творением из ничего, а предполагало наличие специфического этнокультурного материала. Более того, британский исследователь Э. Смит в данной связи отмечал, что далеко не все так называемые изобретенные традиции, как и национальные мифы, находят отклик в массах, а скорее те из них, которые способствуют построению целостной картины мира, позволяющей связать современных людей с их собственным этническим прошлым. «Определенно к формированию нации имеет отношение нечто большее, чем националистические подделки, и “изобретение” здесь должно пониматься в другом своем смысле – как новаторская рекомбинация существующих элементов» [Смит, 2002, с. 256]. К тому же принадлежность к этнической культуре, как, впрочем, и к конфессии, даёт возможность представителям современных наций представить, кем были их довольно далекие предки в период средневековья или даже более отдаленные эпохи. «Действительный недостаток модернистской картины национализма, принимаемой столь многими историками и иными учеными, это ее определенная историческая поверхностность. Увязав нацию и национализм исключительно с переходом к современной эпохе и трактуя их как плоды “современности”, они усложнили задачу объяснения того, почему эти нации возвращаются к прошлому и ощущают свою преемственность с этническим прошлым» [Смит, 2002, с. 258]. При этом премодернистские этнические сообщества вполне очевидно могли обладать политической солидарностью на основе стремления к распространению своей культуры и языка. Другое дело, что в период, например, Средневековья динамика этнокультурной солидарности действительно существенно блокировалась их конфессиональной идентичностью и феодальным «интернационализмом» правящих классов.

Специфика формирования паттернов этнического национализма в России в первую очередь определяется советским наследием нашей страны, хотя необходимо также учитывать проблемы нациестроительства, с которыми уже сталкивалась Российская Империя в конце XIX и начале XX века, вызванные этнической неоднородностью (даже в среде довольно близких славянских народов) и быстрым включением в состав страны огромных (полиэтнических по своему составу) территорий. Так, например, политика большевиков способствовала институционализации в СССР национализма многих нерусских народов, населявших бывшую империю, при том что после распада уже советской империи многие из этих народов превратились в суверенные нации. «Оригинальность советской политики заключалась в том, что она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в гораздо большей степени, чем национального большинства» [Мартин, 2011, с. 28]. В результате строительство коммунистического общества в СССР во многом совершалось под знаменами национализма этнических меньшинств с теми, конечно, оговорками, что эти формы (советского) национализма (из числа преимущественно угнетенных меньшинств) позиционировались как ни в коем случае не буржуазные, а подчеркнута социалистические. Руководство коммунистической партии, прежде всего с подачи В.И. Ленина, выбрало данный курс во многом с целью превентивного предотвращения появления русского национализма (большинства) или, как выражались большевики, дальнейшего развития «великодержавного великоросского шовинизма», который (справедливо или нет – другой вопрос) идентифицировался действующей властью с наследством царского режима. В данной связи североамериканский исследователь Т. Мартин справедливо отмечает: «Если воспользоваться более привычной большевистской терминологией, то можно сказать, что партия стала авангардом нерусских народов» [Мартин, 2011, с. 29]. Это, помимо всего прочего, привело к тому, что

в сознании большинства постсоветских народов *этничность* почти всегда в той или иной степени отождествляется или ассоциируется с понятием *нации*.

Оказывается, что конструирование дискурса гражданской нации в современной России в том числе затруднено из-за того, что под нацией в большинстве случаев подразумеваются, прежде всего, проживающие в стране представители той или иной этнической группы. Как справедливо заметил В.А. Тишков, «это только в России, и в некоторых других странах (например, в Китае) под национальностью понимаются этническая группа или так называемые национальные меньшинства. В остальном мире слово национальность (nationality) означает гражданство той или иной страны. Россияне уже научились при поездках за рубеж отвечать в визовых анкетах на вопрос о национальности словом “Россия”, но внутри страны национальность по-прежнему означает этническую принадлежность» [Тишков, 2013, с. 41]. Представители большинства российских этносов зачастую идентифицируют себя и собственную культуру в национальных терминах, причём даже в тех случаях, когда их народы не обладают территориально-политическими автономиями (как например, в политическом смысле детерриториализированные этнические русские). Более того, недостаточное развитие институтов гражданского общества в значительной степени цементирует сложившуюся ситуацию, в которой национализм продолжает сохранять ярко выраженную этническую окраску, при том что этнические нации внутри страны продолжают сохранять политическую субъектность даже в тех случаях, когда она носит оппозиционный или резистентный характер по отношению к федеральным властям (в качестве примера можно привести народные протесты и волнения 2018–2019 годов, возникшие вокруг территориального спора между республиками Ингушетия и Чечня).

Построение «классического» национального государства, зачастую использующего в своих целях прежде всего гражданский национализм (переходящий в патриотизм и способный даже в определенной мере сочетаться с элементами мультикультурализма), эффективность которого в последнее время была с учётом фактора глобализации заметно снижена, *не может быть реализовано в полной мере в рамках специфики современной российской государственности*. В данной связи А.И. Миллер в целом согласен с тем, что «советское наследие территориализации и институционализации этничности – делают невозможным построение в России классического национального государства именно потому, что многие нерусские группы политически мобилизованы и воспринимают себя ни как меньшинства, но как хозяева унаследованных от советского периода национальных автономий» [Миллер, 2016, с. 103]. Таким образом, институционализация этнической субъектности и мобилизация меньшинств вносят в формирование российской гражданской нации соответствующие коррективы, в частности получается, что с одной стороны есть этнические сообщества, которые входят в состав российской нации непосредственно, но с другой – существует множество этносов, входящих в состав объединённой нации опосредованным способом, а именно посредством своих автономных (республиканских) национальных структур.

Выводы

В результате проведенного анализа национализма в его связи с концептом «нация», рассматриваемого в первую очередь как идеологию горизонтальной солидаризации и мобилизации населения, можно сделать вывод, что он оказывает довольно существенную роль в формировании как гражданских, так и этнических идентичностей жителей большинства стран современного мира. При этом повсеместно обнаруживаемые версии национализма – гражданский национализм и национализм этнический, несмотря на свои отличия, находятся в постоянном взаимодействии, зачастую они накладываются друг на друга, обмениваясь теми или иными культурными паттернами и символами.

Мировой опыт показывает, что гражданский национализм может способствовать профилактике и сглаживанию межэтнических конфликтов вокруг единых гражданских символов (а также путём роста эскалации, усиления режима противостояния или интенсификации конкуренции с другими суверенными нациями), тогда как этнический национализм в той или иной степени выступает (порой, правда, только дремлющим) механизмом потенциальной сецессии, но при этом и тот и другой являются способами поддержания в обществе (или внутри отдельного этнического сообщества) солидарности и классового компромисса. В России мы также наблюдаем процессы (доставшиеся преимущественно в наследство) институционализации этничности (в первую очередь меньшинств), что существенным образом корректирует или даже блокирует формирование общероссийской гражданской нации. Это в свою очередь приводит к усилению в процессе нациестроительства в России роли самого государства, выступающего интегратором разнообразных этнических идентичностей, посредством контроля над множеством территориально-республиканских образований.

Список литературы

1. Андерсон Б. 2016. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., Кучково Поле, 416 с.
2. Бек У. 2001. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., Прогресс-Традиция, 303 с.
3. Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. М., Изд. Дом Высшей школы экономики, 408 с.
4. Геллнер Э. 1991. Нации и национализм. Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; М., Прогресс, 319 с.
5. Геллнер Э. 1991. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В Кн.: Нации и национализм М., Праксис: 146–200.
6. Калхун К. 2006. Национализм. М., Издательский дом «Территория будущего», 288 с.
7. Кедури Э. 2010. Национализм. СПб., Алетейя, 136 с.
8. Луман Н. 2009. Самоописания. М., Логос, Гнозис, 320 с.
9. Мартин Т. 2011. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 855 с.
10. Миллер А.И. 2016. Нация, или Могущество мифа. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 146 с.
11. Смит Э.Д. 2002. Национализм и историки. В кн.: Нации и национализм. Пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., Праксис: 236–263.
12. Смит Э. 2004. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма М., Праксис, 464 с.
13. Тишков В.А. 2013. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., Наука, 648 с.
14. Хобсбаум Э. 1998. Нации и национализм после 1780 года. СПб., Алетейя, 305 с.
15. Hobsbawm E., Ranger T.O. 2000. The Invention of Tradition. Cambridge: University Press, 320 p.

References

1. Anderson B. 2016. Voobrazhayemyye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, Publ. Kuchkovo Pole, 416 p.
2. Bek U. 2001. Chto takoye globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu [What is Globalization? The mistakes of globalism are the answers to globalization]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 303 p.
3. Brubeyker R. 2012. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. Moscow, Publ. Vysshey shkoly ekonomiki, 408 p.
4. Gellner E. 1991. Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. M., Publ. Progress, 319 p.

5. Gellner E. 1991. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa. [The advent of nationalism. Myths of the nation and class]. In: Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism] M., Praxis: 146–200.
6. Kalkhun K. 2006. Natsionalizm [Nationalism]. Moscow, Publ. Territoriya budushchego, 288 p.
7. Keduri E. 2010. Natsionalizm [Nationalism]. SPb., Publ. Aleteyya, 136 p.
8. Luman N. 2009. Samoopisaniya [Self-description]. M., Publ. Logos, Gnozis, 320 p.
9. Martin T. 2011. Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939 [The Empire of Positive Action. Nations and Nationalism in the USSR, 1923-1939]. Moscow, Publ. Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Fond Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina, 855 p.
10. Miller A.I. 2016. Natsiya, ili Mogushchestvo mifa [Nation, or the Power of Myth]. SPb., Publ. Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 146 p.
11. Smit E.D. 2002. Natsionalizm i istoriki. [Nationalism and historians]. In: Natsii i natsionalizm. [Nations and Nationalism]. Translated from English and German by L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Panina, M. B. Gnedovsky. M., Praxis: 236–263.
12. Smit E. 2004. Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma [Nationalism and modernism: A critical review of modern theories of nations and nationalism]. Moscow, Publ. Praxis, 464 p.
13. Tishkov V.A. 2013. Rossiyskiy narod. Istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [Russian people. History and meaning of national identity]. Moscow, Publ. Nauka, 648 p.
14. Khobsbaum E. 1998. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and Nationalism after 1780]. SPb., Publ. Aleteyya, 305 p. (in Russian)
15. Hobsbawm E., Ranger T.O. 2000. The Invention of Tradition. Cambridge, Publ. University Press, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-российского Государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Chernykh, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor Platov South-Russian State Technical University (NPI), Novocherkassk, Russia

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473

Здоровьесберегающее поведение студенческой молодежи: факторы формирования и условия сохранения

Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Нифонтова В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы 85

E-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru; lazurenko@bsu.edu.ru; nifontova@bsu.edu.ru

Аннотация. Сегодня растет число социально детерминированных и социально значимых заболеваний, поэтому изучение специфики здоровьесберегающего поведения молодежи представляет особую значимость. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования по изучению проблем здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи. Целью данного исследования является анализ факторов формирования и условий сохранения здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи. Авторами было проведено анкетирование, в котором приняли участие 211 студентов. В результате было выявлено, что студенческая молодежь включает здоровье в систему жизненных ценностей как одну из основных составляющих. В студенческой среде существует понимание здорового образа жизни и положительное отношение к нему. Было установлено, что большая часть студентов недостаточно мотивированы на сохранение и поддержание своего здоровья; студенты не озабочены поиском систематизированных тематических знаний на уровне научных исследований в этой области, их информационная активность сводится к получению фрагментарных разрозненных сведений из средств массовой информации и от сверстников; ценностные и поведенческие установки родительской семьи играют огромную роль в формировании поведения учащихся.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровьесберегающее поведение, самосохранительное поведение, формирование здоровьесберегающего поведения, студенческая молодежь.

Для цитирования: Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Нифонтова В.А. 2021. Здоровьесберегающее поведение студенческой молодежи: факторы формирования и условия сохранения. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 461–473. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473

Health-saving Behavior of Students: Factors of Formation and Conditions of Preservation

Olga V. Kovalchuk, Nftalia V. Lazurenko, Victoria A. Nifontova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru; lazurenko@bsu.edu.ru; nifontova@bsu.edu.ru

Abstract: Today the number of socially determined and socially significant diseases is growing, so the study of the features of health-saving behavior of young people is of particular importance. Despite the numerous publications on this issue, there are practically no studies on the problems of health-saving behavior of students. The purpose of this study is to analyze the factors of formation and conditions for maintaining the health-saving behavior of students. To study the problem, a questionnaire was conducted, in which 211 students took part. As a result of the study, it was revealed that the student youth includes health in the system of life values as one of the main components. There is an understanding of a healthy lifestyle and a positive attitude towards it among students. It was found that most of the students are not

sufficiently motivated to preserve and maintain their health; students are not concerned with the search for systematic thematic information at the level of scientific research in this area, and their information activity is reduced to obtaining fragmented scattered information from the media and peers; the value and behavioral attitudes of the parent family play a huge role in shaping student behavior.

Keywords: healthy lifestyle, health-saving behavior, self-preserving behavior, formation of health-saving behavior, student youth.

For citation: Kovalchuk O.V., Lazurenko N.V., Nifontova V.A. 2021. Health-saving Behavior of Students: Factors of Formation and Conditions of Preservation. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 461–473 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473

Введение

Сохранение здоровья населения является одним из важнейших приоритетов современного общества, при этом проблема состояния здоровья молодежи носит особый, социально значимый характер. Важной проблемой сегодня становится непрекращающийся рост числа социально детерминированных и социально значимых заболеваний, которые возникают в детско-подростковом возрасте и сохраняются в последующих возрастных группах, отражаясь на уровне здоровья и являясь причиной инвалидизации населения. Данному вопросу уделен ряд направлений в таких национальных проектах РФ, как «Здоровье», «Образование», «Демография»¹ (сроки реализации – с 01.01.2019 по 31.12.2024).

Пандемия, с которой пришлось столкнуться всему миру, актуализировала такое направление исследований, как формирование здоровьесберегающего поведения, от которого зависит образ жизни различных возрастных и профессиональных групп населения. Решение этого вопроса связано с необходимостью формирования здоровых привычек прежде всего у молодежи, поскольку именно в этот возрастной промежуток формируются необходимые в течение всей жизни поведенческие привычки и навыки, которые сказываются на качестве здоровья в последующем. Причем склонность к так называемым вредным привычкам отчасти формируются именно в студенческие годы. Студенчество можно квалифицировать как своеобразный кризисный этап, который характеризуется биологическим развитием и изменением социальных ролей, поведенческих изменений, связанных со здоровьем. Различные исследования [Burrows, 2017; Heidari, 2017; Bakouei, 2018; Mohamed Mahmoud Al-Momani, 2021; Sadeghi Bahmani, 2018; Lazurenko et al, 2020] показывают, что молодежь склонна к нездоровому образу жизни (употреблению табака, неправильному питанию, повышенному стрессу, низкой физической активности, рискованному сексуальному поведению, травмам и насилию и т. д.), и такое поведение влияет не только на здоровье в целом, но и отражается на образовательном процессе, что в последствии не может не сказаться на профессиональном уровне. Можно сказать, что факторами, оказывающими негативное влияние на формирование здоровьесберегающего поведения обучающихся, являются недостаточно сформированные знания в данной области и несформированная здоровьесберегающая среда сузов и вузов.

Охарактеризовать образ жизни современного человека можно такими понятиями и явлениями, как информационная перегруженность, психологические стрессы, гиподинамия, лишний вес, химическая и нехимическая зависимость, различные пищевые аддикции, отсутствие высоких нравственно-этических идеалов, утрата цели и смысла жизни. Отме-

¹ Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. На основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (2019). URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 14 августа 2021).

тим, что вследствие различных факторов, включающих постоянную нагрузку во время обучения, неблагоприятную экологическую среду, различного рода аддикции, происходит значительное ухудшение здоровья студенческой молодежи [Кожевникова, 2011; Кобыляцкая, Осыкина, Шкатова, 2015; Били-Лазарь и др., 2018].

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что системе средне-специального и высшего образования очень трудно балансировать, с одной стороны, между необходимостью оптимизации деятельности с целью сохранения здоровья студентов и, с другой – между наращиванием интенсификации учебного процесса для улучшения качества и повышения уровня сформированности необходимых компетенций. Безусловно, образовательная среда постепенно наращивает объем профилактических программ здоровья и алгоритмов обучения с минимизацией потерей здоровья обучающихся. Но негативными факторами здесь являются как объективные обстоятельства (и в качестве показательного примера можно назвать внедрение дистанционного обучения вследствие распространения коронавирусной инфекции), так и субъективные аспекты, поскольку молодежь, студенчество как особая демографическая группа является достаточно активной, ее запросы постоянно меняются, и потому необходимо вырабатывать новые формы работы с ней, что, конечно, не позволяет в значительной степени минимизировать риски снижения здоровья и увеличить значение факторов формирования здоровьесберегающего поведения для студентов.

В последнее время мы наблюдаем некоторую тенденцию к изменению образа жизни, особенно у молодежи, увлечению различного рода спортивными занятиями, однако пока эта тенденция только проявляется. Задачей применения здоровьесберегающих технологий является как раз формирование самосохранительного и здоровьесберегающего поведения, которое было бы направлено на трансформацию сознания человека, изменение его жизненных ценностей в сторону понимания проблемы сохранения своего здоровья на высоком уровне, умения корректировать свой образ жизни и применять правила здоровьесбережения в своей повседневной социальной практике [Гернега, Бриль, 2016; Танеева, Троицкая, 2014].

Для улучшения качества здоровья социума необходима практика самосбережения человека. Это, прежде всего, понимание самооценности личного здоровья, профилактика различных нежелательных процессов как соматического, так и психического и нравственного характера, через поддержание физической активности, увеличение адаптивности к различным стрессам; интерес к своему здоровью и формирование привычки самоконтроля своего состояния здоровья; умение критически осмыслить нежелательные аспекты своего образа жизни и изменить их и т.п.

Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования по изучению проблем здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи. В связи с этим авторами проведено прикладное социологическое исследование, направленное на выявление условий и факторов формирования самосохранительного поведения студентов среднего профессионального образования (СПО).

Объекты и методы исследования

Выборочная совокупность составила 211 человек (Инжиниринговый и Медицинский колледжи НИУ «БелГУ»). Опрошены студенты 1–3 курса (16–18 лет), из них 43 % – юноши, 57 % – девушки.

В исследовании были использованы следующие методы: генерализация материалов статистических источников, научной, публицистической литературы по вопросам, поставленным в исследовании; метод анкетного опроса; компьютерная обработка социологической информации при помощи пакета программ SPSS; вторичный анализ первичных социологических данных; составление сравнительных таблиц; компаративный анализ.

Результаты и их обсуждение

Основания и детерминанты здоровьесберегающего поведения. Концепция само-сохранительного и здоровьесберегающего поведения была предложена А. Антоновым и получила свое развитие в работах И. Журавлевой [2000], Д.С. Корниенко [2014], Л. Шиловой [2000] как система действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни человека.

Такие факторы, как социальная культура и культурные ценности и традиции общества и индивида, жизненные ценности, социально-экономическая ситуация в стране, государственная социальная политика оказывают влияние на само-сохранительное и здоровьесберегающее поведение, составляющее образ жизни и человека, и социума, к которому он принадлежит. Структуру такого поведения можно описать через такие направления, как ведение здорового образа жизни, включающего различные мероприятия (от физической нагрузки и правильного пищевого поведения до применения практических рекомендаций от научного сообщества); осуществление превентивных мероприятий по профилактике различного рода заболеваний; своевременное обращение к специалистам (проведение лечения); безопасные условия на рабочем месте при возможности выбора места трудоустройства (либо минимизация негативных факторов при отсутствии выбора).

Скорее всего, от отношения к здоровью индивида и общества напрямую зависит само-сохранительное поведение. Результаты различных исследований [Buttows и др. 2017, Heidari и др. 2017], показывают, что само-сохранительное и здоровьесберегающее поведение во многом зависит от воздействия таких факторов, как опыт столкновения со смертью (данный опыт может способствовать усилению заботы о собственном здоровье); отношение к продолжительности жизни (зависит от самооценки здоровья, степени заботы о нем, гендерных характеристик и т.п.).

В конечном счете здоровый образ жизни детерминируется самим человеком, его сознательной деятельностью. И повседневная практика здорового образа жизни определяется осознанным и ответственным отношением человека к себе, своему здоровью, здоровью окружающих его людей, уровнем гигиенической культуры, жизненными целями и ценностными ориентациями [Мартыненко, 2004].

Различные стороны социальной жизни формируют здоровьесберегающее поведение. Но все же не в меньшей степени оно связано с мотивационно-личностным проявлением человека своих способностей. На современном этапе необходимо наличие у студентов внутренней мотивации к здоровому образу жизни, так как без нее говорить о воздействии на формирование здоровьесберегающего поведения не представляется возможным.

Результаты эмпирического исследования. Анкета включала блок вопросов о ценностных ориентациях студенческой молодежи (ценность здоровья) и оценку состояния здоровья.

Согласимся с О.А. Немовой, Л.И. Кутеповой, В.В. Ревитиной [2016] в том, что ценность здоровья во многом зависит не только от стиля жизни молодого человека и агентов его первичной социализации, но и института образования, СМИ. Наше исследование подтвердило, что в основании приоритетных жизненных ценностей, наряду с «будущей карьерой», «наличием друзей» и «любовью», находится «здоровье», – его выбрали 61 % опрошенных. В контексте жизненных ценностей данные нашего исследования частично подтверждают результаты исследования Г.В. Акименко, Л.В. Начевой [2019]: 52 % студентов 1–2 курса и 41 % студентов 3 курса оценили состояние своего здоровья как «хорошее», 22 % респондентов отметили, что «не болеют» или «редко болеют», 13 % студентов имеют различные хронические заболевания (из них 14 % имеют различные заболевания органов дыхания, 12 % – органов пищеварения, 10 % – заболевания сердечно-сосудистой системы, 7 % – неврологические, остальные респонденты указали различные заболевания

психосоматического спектра – от эндокринных и инфекционных до заболеваний опорно-двигательного аппарата). Многие студенты (в основном, девушки (78 %)) отметили, что хотели бы немного сбросить вес, однако по нашим наблюдениям, только 4 человека имеют явно избыточный вес (3 девушки и 1 юноша).

В анкете многие студенты отметили факторы, которые оказывают отрицательное влияние на состояние здоровья: гиподинамия (53 %), стресс из-за семейных и личных взаимоотношений (44 %), неправильное питание (61 %).

Однако, отдав приоритет здоровью как ценности, студенческая молодежь практически ничего не предпринимает для его сохранения: 64 % ведут малоподвижный образ жизни (лишь 17 % указали на то, что занимаются постоянно каким-то видом спорта, либо ходят в спортзал); 78 % респондентов не обращают внимание на «правильное питание»; 19 % студентов курят (причем, если первокурсники имеют никотиновую зависимость лишь в 9 % случаев, то к третьему курсу курят уже 21 % студентов); 22% студентов (18-летних) периодически (иногда) употребляют алкоголь (чаще всего пиво).

Причинами формирования различного рода зависимостей, по мнению респондентов, являются: «получение удовольствия» (68 %), «отсутствие других развлечений» (58 %), «влияние друзей» (42 %), «нервные перегрузки» (38 %), «повышение настроения» (36 %), «пример старших членов семьи» (27 %), «не думаю, что это может привести к серьезным проблемам со здоровьем» (11 %). Следует отметить, что отдельные данные, касающиеся различного рода зависимостей, в нашем исследовании сопряжены с данными исследований В.И. Павлова [2011] и Я.В. Ушаковой [2007].

В нашем исследовании прослеживается связь между невысокой оценкой своего здоровья и наличием вредных привычек, при этом, как уже отмечалось, больше вредных привычек имеют обучающиеся на 3 курсе (результаты представлены в табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Взаимосвязь оценки своего здоровья и курения (студенты 1–3 курсов)
The relationship between assessing your health and smoking (students of 1–3 courses)

Оценка здоровья	Не курит (%)	Курит иногда (%)	Курит много (%)
Хорошее (не более)	47	41	32
Среднее (иногда болею)	38	37	41
Плохое (болею часто)	15	22	27

Результаты, полученные в нашем исследовании, подтверждают данные В.И. Филоненко, Т.С. Киенко [2019] о взаимозависимости оценки своего здоровья и наличия вредных привычек.

Респондентам были заданы вопросы на понимание терминологии ЗОЖ, определенные отношения к здоровью и использование ресурсов получения информации в данной области.

Здоровый образ жизни, по мнению студентов, включает такие составляющие, как физическая активность (многие отметили посещение спортивных и фитнес-клубов), возможность выбора «правильной еды» (большинство студентов указали в качестве «правильной еды» фрукты и «вкусные овощи», достаточный сон (высыпаться), отсутствие вредных привычек, хорошее самочувствие, благополучие во всем (многие указали на физическое и психологическое благополучие, а также «развиваться духовно») (результаты представлены в табл. 2).

Отдельные результаты нашего исследования, касающиеся составляющих здорового образа жизни, коррелируют с результатами исследования А.В. Гариповой [2020], проведенного в НИУ «БелГУ».

Таблица 2
 Table2

Составляющие здорового образа жизни студенческой молодежи
 (множественный выбор)
 Components of a healthy lifestyle of student youth (multiple choice)

Варианты ответов	Количество выборов (%)
Активный образ жизни	62
Правильная еда	57
Достаточный сон	31
Отсутствие вредных привычек	71
Хорошее самочувствие	28
Психосоматическое благополучие	16
Духовное развитие	9
Другое	4

При этом студенты сами отметили негативные тенденции в формировании ЗОЖ: «иногда, выпивая с друзьями, можно повысить жизненный тонус, что не может привести к серьезным нарушениям здоровья», «нарушая иногда, можно спастись от стресса», «я не имею высокой мотивацию и силы воли», «мне все лень», «мой организм здоров, поэтому немного вредных привычек ему не повредит», «я много ем, и это, скорее негативный фактор самосохранения», «я часто сижу на диетах», «я редко обращаюсь к врачам». Отметим, что к врачу студенты обращаются чаще всего в связи с инфекционными респираторными заболеваниями для получения различного рода справок, либо в связи с диспансеризацией и участием в ГТО (62 % из тех, кто посещал врача в течение последнего года).

В анкете также был предложен блок вопросов, посвященных информационному просвещению в области формирования мотивации к здоровому образу жизни.

Нами выяснено, что студенты колледжей практически не смотрят передачи, мало читают научно-популярную литературу по формированию здоровьесберегающего поведения, они не озабочены (в большинстве случаев) профилактикой заболеваний (с точки зрения получения новой информации), все их знания основаны на опыте родителей, сверстников, либо на «увиденном случайно» в интернет-ресурсе (чаще в социальных сетях). Однако данный факт не означает, что у студенческой молодежи полностью отсутствует потребность в таком роде информации – подавляющее количество респондентов хотели бы иметь возможность получать знания о формировании здоровьесберегающего поведения (71 %). Следует указать, что студенты медицинского колледжа чаще всего получают информацию на лекциях (64 % – студенты 2 и 3 курса).

Формат просветительских мероприятий, который мог бы заинтересовать респондентов, сведен к следующим: психологические тренинги и мастер-классы (43 %), флешмобы, челленджи, квесты (32 %), участие в группах по интересам (14 %), фестивали и карнавалы (4 %), спортивные мероприятия (3 %), кинопоказы (4 %). Молодые люди склоняются к визуализации или личному участию в ЗОЖ-мероприятиях.

Результаты исследования позволяют говорить о негативном отношении студенческой молодежи к такому социальному явлению, как наркомания: 98 % респондентов выразили крайне негативное отношение, 2 % ответили, что им «безразлично».

Анализ ценностных установок студенческой молодежи на здоровый образ жизни позволил определить три группы респондентов, которые в той или иной степени задумываются о составляющих здорового образа жизни, имеют в разной степени самосохранительные установки.

К первой группе респондентов (условно названной «уверенные») относятся те, для кого здоровье и здоровый образ жизни являются абсолютными приоритетами (наряду с такими ценностями, как семья, развитие личности, физическая красота). Можно сказать, что у данной группы респондентов сформированы «здоровые» привычки, но иногда они проявляются в гипертрофированном виде. С данной группой необходима минимальная (направленная) работа.

Вторая группа включает в себя респондентов, которых мы условно можем назвать «колеблющиеся»: для них здоровье далеко не на первом месте как жизненная ценность, но при этом, как они сами считают, необходимо отличное психосоматическое состояние, красивое телосложение для авторитета у сверстников. Для данной группы необходимо систематическое привитие навыков здоровьесберегающего поведения, то есть, направленное воздействие посредством различного рода мероприятий, включающих изучение научно-популярной литературы.

Третья группа респондентов, условно названная «непоследовательные», приоритет отдают профессиональному становлению, гедонистическому образу жизни, но при этом считают, что человеку необходимы знания о работе организма, физическая активность. Для этой группы характерен образ жизни, не включающий здоровьесберегающее поведение как таковое, но эти респонденты задумываются о нем («ожидаящие знания»). Для данной группы в первую очередь необходимо формирование когнитивных здоровьесберегающих установок.

Большая часть студентов считают, что в современном обществе необходимо заботиться о состоянии своего организма посредством физической нагрузки (52 %), а 28 % ответили, что «невозможно считать человека культурным, если он находится в плохой физической форме». Менее половины респондентов (47 %) обладают знаниями о взаимозависимости личностного и физического развития и на этой основе строят свои поведенческие реакции. Однако студенты колледжей в основном личностное развитие связывают с совершенствованием своей физической формы (красоты).

Большая часть участников исследования указали на существование рекламы ЗОЖ в СМИ, и именно с этим фактом молодежь связывает формирование стереотипов сознания в аспекте «мода на здоровый образ жизни». Следует отметить, что результаты исследования В.Н. Терешкиной [2013] свидетельствуют о том, что мода является фактором формирования здоровьесберегающего поведения молодежи, а механизмом выступают СМИ.

Следующий блок вопросов анкеты касался непосредственно мотивации к здоровому образу жизни. Согласно результатам анкетирования, 78 % студентов, принимавших участие в исследовании, желали бы «улучшить состояние своего здоровья». При этом среди тех, кто отметил состояние своего здоровья, как «плохое», мотивация на его улучшение существенно сильнее у девушек, нежели у юношей (54 против 31 %).

Для существенного улучшения и сохранения своего здоровья, по мнению респондентов, в первую очередь следует «перестать нервничать» (53 %) и «рационально питаться» (46 %). Третью позицию заняли ответы «занятие физической нагрузкой» и «отсутствие вредных привычек» (36 % и 35 % соответственно). Кроме таких ответов, студентами были выбраны следующие: «своевременное обращение в поликлинику» (28 %), «соблюдение гигиены» (21 %), «правильный режим дня» (14 %).

В заключительной части анкеты нами был задан вопрос (вопрос-фильтр) относительно проведения свободного времени (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Распределение ответов на вопрос
 «Чем бы вы предпочли заниматься в свободное время?» (множественный выбор)
 Distribution of answers to the question
 "What would you prefer to do in your free time?" (multiple choice)

Варианты ответа	Количество выборов (%)
Коммуникации личные и через Интернет с друзьями	71
Прослушивание музыки и просмотр контента	68
Посещение развлекательных заведений	67
Хобби	34
Занятие физкультурой или спортом	29
Ничего не делать (отдыхать)	18
Другое	7

Как показало исследование (см. табл. 3), только треть респондентов свободное время предпочли «отдать» физкультуре и спорту. Как нам видится, предпочтение других видов деятельности для проведения досуга может свидетельствовать о недостаточно высокой мотивации к сохранению здоровья посредством физической нагрузки.

Влияние на осознание студенчеством необходимости физкультуры оказывает стереотипизация сознания (формируемая зачастую СМИ), следствием которого являются:

- во-первых, польза физической нагрузки для организма недооценивается;
- во-вторых, молодежь зачастую переоценивает состояние своего здоровья;
- в-третьих, имея невысокую мотивацию, молодые люди не справляются с режимом ограничения (регулярная физическая нагрузка, отказ от вредных привычек, определенный режим дня и т.п.);
- в-четвертых, физическая активность в общей системе жизненных приоритетов молодежи имеет невысокий статус;
- в-пятых, в представлениях молодежи отсутствует взаимозависимость между физической активностью и состоянием здоровья, физической активностью и будущей профессиональной деятельностью.

Немаловажные вопросы мотивационного характера позволили выяснить отношение студентов к проблеме их личного отношения к здоровью и формированию собственного самосохранительного поведения. Так, респонденты считают, что вести ЗОЖ необходимо по следующим причинам: «чтобы хорошо выглядеть», «чтобы иметь здоровое потомство», «чтобы не травмировать родителей», «чтобы долго жить», «занимаясь спортом и соблюдая режим дня – больше уважаешь себя», «чтобы уйти от стресса», «чтобы в дальнейшем не возникли болезни» (результаты представлены в табл. 4).

Полученные данные позволяют утверждать, что внутренняя мотивационная составляющая, направленная на самосохранение, выражается в желании иметь «подтянутое накаченное тело» (юноши), «красивую фигуру» (девушки); сохранить здоровье и предотвратить заболевания; улучшить психическое самочувствие и снимать стресс. Практически такие же мотивы (за исключением экономической составляющей, когда студенты хотят бросить курить из-за высокой стоимости на табачную продукцию) наблюдаются у студентов, желающих бросить курить (хотят бросить курить 78 % из числа курящих). Таким образом, самосохранение как продление жизни студентами практически не рассматривается, и, видимо, различным социальным институтам необходимо его пропагандировать.

Таблица 4
Table 4Причины, по которым необходимо вести здоровый образ жизни
(множественный выбор)

Reasons why you need to lead a healthy lifestyle (multiple choice)

Вариант ответа	Мужчины (%)	Женщины (%)
Чтобы хорошо выглядеть	41	46
Чтобы иметь здоровое потомство	23	29
Чтобы не травмировать родителей	13	15
Чтобы долго жить	16	17
Занимаясь спортом и соблюдая режим дня – больше уважаешь себя	28	14
Чтобы уйти от стресса	44	49
Чтобы в дальнейшем не возникли болезни	18	14
Чтобы вылечить уже имеющиеся болезни	17	16

Несколько вопросов было посвящено пищевому поведению. Как мы выяснили, у респондентов преобладают уже сформированные привычки неправильного пищевого поведения: потребление фастфуда (каждый день – 32 % опрошенных, 2–3 раза в неделю – 42 %, редко – 16 %, вообще никогда – 10 %); потребление газированных сладких напитков (63 %), потребление сладостей (82 %). При этом овощи (кроме картофеля) и зелень, вообще не пользуются популярностью у студенчества (частое употребление только у 18 % респондентов). Кроме того, студенты достаточно редко употребляют рыбу и достаточно часто – «сладкую молочку» (творожки, йогурты и т.п.).

Интересен тот факт, что сами студенты (74 %) считают свое питание «не сбалансированным и даже вредным», но для изменения ситуации, как правило, ничего не предпринимают. При этом девушки чаще (52 % из тех, кто старается питаться «правильно»), чем юноши (48 %) употребляют «здоровую еду» и чаще задумываются об этом. Кроме того, студентки чаще смотрят программы, связанные с формированием здорового образа жизни.

Студенты колледжей определили факторы риска: «различные аддикции» (71 %) (курение, употребление алкоголя), «отсутствие или недостаток физической активности» (58 %), «плохая экология» (43 %), «несбалансированное питание» и «плохие продукты» (58 %), «конфликты, приводящие к нервным перегрузкам» (38%).

Причины, по которым студенты поддерживают свое «физическое состояние» определены следующие: «уважение от сверстников» и желание «понравится противоположному полу» (51 %), «удовольствие от физической активности» и «удовольствие от собственного тела» (46 %), «поддержка работоспособности» (23 %), «быть здоровым» (17 %), «достижение спортивных результатов» (5 %). Таким образом, физическую активность как фактор сохранения и поддержания здоровья выделили менее пятой части респондентов, что может свидетельствовать скорее о гедонистической составляющей в системе ценностных ориентаций, но не о сформированной четкой позиции и понимании самосохранения и здоровьесбережения.

Студентами определены такие причины отсутствия внимания к физической активности: «не хватает времени» (33 %), «нет силы воли» (28 %), «нет ясности в понимании» (25 %), «не вижу смысла, не нахожу взаимосвязи между физической активностью и общим самочувствием» (14 %). При этом составляющие поддержания физического состояния в гендерном разрезе несколько различаются: девушек заботит прежде всего идеаль-

ный вес и фигура (достигается посредством аэробных нагрузок и диеты), у юношей усилия направлены на развитие мускулатуры (достигается посредством анаэробных нагрузок). Скорее всего, такие ответы могут свидетельствовать о том, что физкультура и спорт не воспринимаются молодыми людьми как одна из составляющих ЗОЖ и самосохранения, а воспринимается как способ формирования внешности, направленный на достижение целей в других сферах жизнедеятельности.

Отдельные вопросы анкеты касались влияния дистанционного образования (во время пандемии) на здоровье и самочувствие студентов. Респонденты отмечали, что в весенний семестр 2020 года получение образование сопровождалось отдельными негативными явлениями. Так, студенты отметили (в общей выборке проблемы со здоровьем отметили 18 % обучающихся) некоторые проблемы со зрением, головные боли (отдельные студенты указали на проблемы с артериальным давлением), сидячий образ жизни, и, соответственно, заболевания позвоночника (чаще всего в анкете указан остеохондроз), незначительный набор веса (100 % (все курсы) из числа отметивших проблемы со здоровьем) (результаты приведены в табл. 5)

Таблица 5
Table5

Проблемы со здоровьем, возникшие во время пандемии
Health problems during the pandemic

Вариант ответа	1 курс (%)	2 курс (%)	3 курс (%)
Ухудшение зрения	6	4	9
Частые головные боли	4	3	3
Заболевания различных отделов позвоночника	9	7	13
Набор веса	7	6	7
Нервные перегрузки	4	4	6
Другое	2	2	4

Выводы

1. Студенческая молодежь в систему жизненных ценностей включает здоровье как одну из главных ценностных ориентаций. В студенческой среде есть понимание здорового образа жизни и положительное отношение к нему. Однако большая часть студентов недостаточно мотивированы на сохранение и поддержание своего здоровья.

2. Большая часть студентов, которые имеют вредные привычки, выражают готовность отказаться от них, рассматривая их как фактор, негативно влияющий на сохранение здоровья. Имея положительные установки, большая часть студенческой молодежи не придерживается здорового образа жизни, что указывает на необходимости формирования здоровьесберегающего и самосохранительного поведения путем развития и поддержки системной работы образовательных учреждений в этом направлении, например, путем развития тематических программ и проектов. У студентов колледжей не сформировано четкое понимание самосохранения и здоровьесбережения, что также указывает на необходимость проведения систематической работы в данном направлении.

3. Студенты, выражая интерес к получению информации о здоровом образе жизни вообще и самосохранении в частности, в большей части не озабочены поиском системной тематической информации на уровне научных (теоретических и практических) исследований в данной области, и, как правило, их информационная активность сводится к получению отрывочной разрозненной информации из СМИ и от сверстников. И здесь также существует необходимость проведения просветительской работы в образовательной среде, причем на постоянной основе. При этом огромную роль в формировании поведения студентов

играют ценностные и поведенческие установки родительской семьи. Именно поэтому начинать работу по формированию здоровьесберегающего поведения необходимо в среде студенческой молодежи, в том, числе и для того чтобы свои поведенческие самосохранительные установки они могли транслировать своим детям, в процессе социализации.

Список литературы

1. Акименко Г.В., Начева Л.В. 2019. Проблема формирования здорового образа жизни у студентов медицинского университета. Электронный научный журнал «Дневник науки», 8. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/8/psychology/Akimenko_Nacheva.pdf (дата обращения: 21 января 2021).
2. Били-Лазарь А.А., Вахрушева П.В., Безызвестных В.Г., Вольский В.В. 2018. Причины ухудшения состояния здоровья студенческой молодежи. Научные исследования, 3(22): 64–67.
3. Гарипова А.В. 2020. Мотивация здорового образа жизни студентов. Форум молодёжной науки, 3. URL: <https://doi.org/10.35599/forummn/01.03.02/> (дата обращения: 17 февраля 2021).
4. Гернега К.С., Бриль А.Е. 2016. Особенности процесса здоровьесбережения студентов университета. Современная высшая школа: инновационный аспект. Т. 8, 4: 125–130. DOI: 10.7442/2071-9620-2016-8-4-125-130.
5. Журавлева И.В. 2000. Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем. Социологические исследования, 5: 66–74.
6. Кобыляцкая И.А., Осыкина А.С., Шкатова Е.Ю. 2015. Состояние здоровья студенческой молодежи. Успехи современного естествознания, 5: 74–75
7. Кожевникова Н.Г. 2011. Роль факторов риска образа жизни в формировании заболеваемости студентов. Земский врач, 6: 13–17.
8. Корниенко Д.С. 2014. Взаимосвязь характеристики «поиск ощущений» с характеристиками самосохранительного поведения. Вестник ПГГПУ. Серия 1. Психологические и педагогические науки, 13: 5–16.
9. Мартыненко А.В. 2004. Здоровый образ жизни молодежи. Знание. Понимание. Умение. Энциклопедия гуманитарных наук, 1: 136–138.
10. Немова О.А., Кутепова Л.И., Ревитина В.В. 2016. Здоровье как ценность: мечта или реальность. Журнал научных статей здоровье и образование в XXI веке. Вып. 18, 11: 155–157.
11. Павлов В.И. 2011. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи. Ученые записки, 3 (73): 154–158.
12. Танеева Е.Ш., Троицкая Н.Г. 2014. Исследование практики внедрения вузами технологии здоровьесбережения студентов. Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса, 1: 33–36.
13. Терешкина В.Н. 2013. Мода как фактор развития здорового образа жизни молодежи: Автореф. дисс. канд. социол. наук. 2013 Архангельск, 27с.
14. Ушакова Я.В. 2007. Здоровье студентов и факторы его формирования. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 4: 197–202.
15. Филоненко В.И., Киенко Т.С. 2019. Социальные ценности и проблемы здоровьесбережения студенческой молодежи. Власть, 2: 164–170.
16. Шилова Л.С. 2000. Трансформация женской модели самосохранительного поведения. Социологические исследования, 11: 134–140.
17. Vakouei F, Jalil Seyedi-Andi S, Bakhtiari A, Khafri S. 2018. Health Promotion Behaviors and Its Predictors among the College Students in Iran. Int Q Community Health Educ, 38(4): 251–8. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29914336/> (Date of treatment March 13, 2021).
18. Burrows TL, Whatnall MC, Patterson AJ, Hutchesson MJ. 2017. Associations between Dietary Intake and Academic Achievement in College Students. A Systematic Review. Healthcare, 5(4): 60 p. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28946663/>. (Date of treatment March 13, 2021).
19. Heidari M, Borjian Borujeni M, Ghodusi Borujeni M, Shirvani M. 2017 Relationship of Lifestyle with Academic Achievement in Nursing Students. J Clin Diagn Res, 11(3): JC01–JC03. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28511411/> (Date of treatment March 01, 2021).
20. Mohammed Mahmoud Al-Momani. 2021. Health-promoting lifestyle and its association with the academic achievements of medical students in Saudi Arabia. Pak J Med Sci. Mar–Apr; 37(2): 561–566. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7931320/> (Date of treatment March 01, 2021). doi: 10.12669/pjms.37.2.3417.

21. Sadeghi Bahmani D, Faraji P, Faraji R, Lang UE, Holsboer–Trachsler E, Brand S. 2018. Is emotional functioning related to academic achievement among university students? Results from a cross-sectional Iranian sample. *Rev Bras Psiquiatr*, 40(3): 290–5. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29538489/> (Date of treatment March 23, 2021).

22. Lazurenko N.V., Podporinova N.N., Polenova M.E., Kovalchuk O.V., Koroleva K. Iu. 2020. Social factors of spreading of tobacco smoking among college students. *Revista San Gregorio*, 37. URL: <http://revista.sangregorio.edu.ec/index.php/REVISTASANGREGORIO/article/view/1290/23-lazurenko> (Date of treatment March 30, 2021).

References

1. Akimenko, G.V., Nacheva, L.V. 2019. Problema formirovaniya zdorovogo obraza zhizni u studentov medicinskogo universiteta [The problem of forming a healthy lifestyle among medical university students]. *Electronic scientific journal «Diary of Science»*, 8. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/8/psychology/Akimenko_Nacheva.pdf (accessed: January 21, 2021).

2. Bili-Lazar' A.A., Vahrusheva P.V., Bezyzvestnyh V.G., Vol'skij V.V. 2018. Prichiny uhdsheniya sostojaniya zdorov'ja studencheskoj molodezhi [The reasons for the deterioration of the health status of student youth]. *Nauchnye issledovaniya*, 3(22): 64–67.

3. Garipova, A.V. 2020. Motivaciya zdorovogo obraza zhizni studentov [Motivation of a healthy lifestyle of students]. *Forum molodyozhnoj nauki*, 1 (3). URL: <https://doi.org/10.35599/forummn/01.03.02/> (accessed: february 17, 2021).

4. Gernega K.S., Bril' A.E. 2016. Osobennosti processa zdorov'esberezheniya studentov universiteta, [Features of the process of health preservation of university students]. *Sovremennaja vysshaja shkola: innovacionnyj aspect*, 8 (4): 125–130. DOI: 10.7442/2071–9620–2016–8–4–125–130

5. ZHuravleva, I.V. 2000. Samosohranitelnoe povedeniye podrostkov I zabolevaniya peredaiushimisya polovum putem [Self-preserving behavior of adolescents and sexually transmitted diseases]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 66–74.

6. Kobyljackaja I.A., Osykina A.S., Shkatova E.Ju. 2015. Sostojanie zdorov'ja studencheskoj molodezhi [The state of health of student youth]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*, 5: 74–75

7. Kozhevnikova N.G. 2011. Rol' faktorov riska obraza zhizni v formirovanii zabolevaemosti studentov [The role of lifestyle risk factors in the formation of student morbidity]. *Zemskij vrach*, 6: 13–17.

8. Kornienko D.S. 2014. Vzaimosvyaz' harakteristiki poisk oshusheniuy s harakteristikami samosohranitel'nogo povedeniya [The relationship of the «sensation search» characteristic with the characteristics of self-preserving behavior]. *Vestnik PGGPU. Ser. 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 5–16.

9. Martynenko A.V. 2004. Zdorovyj obraz zhizni molodezhi. Znanie. Ponimanie. Umenie [Healthy lifestyle of youth. Knowledge. Understanding. Skill]. *Enciklopediya gumanitarnyh nauk*, 1: 136–138 (in Russian).

10. Nemova O.A., Kutepova L.I., Revitina V.V. 2016. Zdoroviye kak cennost': mechta ili real'nost' [Health as a value: a dream or a reality]. *The Journal of scientific articles "Health and Education Millennium"*, 18 (11): 155–157.

11. Pavlov V.I. 2011. Formirovaniye zdorovogo obraza zhizni studencheskoj molodezhi [Formation of a healthy lifestyle of student youth]. *Uchenye zapiski*, 3(73): 154–158 (in Russian).

12. Taneeva E. Sh., Troickaja N. G. 2014. Issledovanie praktiki vnedreniya vuzami tehnologii zdorov'esberezheniya studentov [Research of the practice of implementation of the technology of students' health preservation by universities]. *Vestnik asociacii vuzov turizma i servisa*, 1: 33–36.

13. Tereshkina V.N. 2013. Moda kak facto razvitiya zdorovogo obraza zhizni molodezhi [Fashion as a factor in the development of a healthy lifestyle for young people Avtoref. diss. kand. sociol. nauk 2013, Arhangel'sk, 27 p.

14. Ushakova YA.V. 2007. Zdorov'ye studentov i faktory yego formirovaniya [Students health and factors of its formation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 4: 197–202.

15. Filonenko V.I., Kienko T.S. 2019. Sotsial'nyye tsennosti i problemy zdorov'yesberezheniya studencheskoj molodezhi [Social values and problems of health saving of student youth]. *Vlast'*, 2: 164–170 (in Russian).

16. Shilova L.S. 2000. Transformatsiya zhenskoy modeli samosokhranitel'nogo povedeniya [Transformation of the female model of self-preservation behavior]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 11: 134–140 (in Russian).
17. Bakouei F, Jalil Seyedi-Andi S, Bakhtiari A, Khafri S. 2018. Health Promotion Behaviors and Its Predictors among the College Students in Iran. *Int Q Community Health Educ*, 38(4): 251–8. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29914336/> (Date of treatment March 13, 2021).
18. Burrows TL, Whatnall MC, Patterson AJ, Hutchesson MJ. 2017. Associations between Dietary Intake and Academic Achievement in College Students. A Systematic Review. *Healthcare*, 5(4): 60 p. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28946663/>. (Date of treatment March 13, 2021).
19. Heidari M, Borjian Borujeni M, GhodusiBorujeni M, Shirvani M. 2017 Relationship of Lifestyle with Academic Achievement in Nursing Students. *J Clin Diagn Res*, 11(3): JC01–JC03. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28511411/> (Date of treatment March 01, 2021).
20. Mohammed Mahmoud Al-Momani. 2021. Health-promoting lifestyle and its association with the academic achievements of medical students in Saudi Arabia. *Pak J Med Sci*. Mar-Apr; 37(2): 561–566. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7931320/> (Date of treatment March 01, 2021). doi: 10.12669/pjms.37.2.3417.
21. Sadeghi Bahmani D, Faraji P, Faraji R, Lang UE, Holsboer–Trachsler E, Brand S. 2018. Is emotional functioning related to academic achievement among university students? Results from a cross-sectional Iranian sample. *Rev Bras Psiquiatr*, 40(3): 290–5. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29538489/> (Date of treatment March 23, 2021).
22. Lazurenko N.V., Podporinova N.N., Polenova M.E., Kovalchuk O.V., Koroleva K. Iu. 2020. Social factors of spreading of tobacco smoking among college students. *Revista San Gregorio*, 37. URL: <http://revista.sangregorio.edu.ec/index.php/REVISTASANGREGORIO/article/view/1290/23-lazurenko> (Date of treatment March 30, 2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковальчук Ольга Викторовна, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Лазуренко Наталия Вячеславовна, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород Россия

Нифонтова Виктория Анатольевна, ассистент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Kovalchuk, associate professor of the department of sociology and organization of work with youth of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Nataliya V. Lazurenko, associate professor of the department of social work of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Victoria A. Nifontova, assistant of the department of philosophy and theology of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 34

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-474-480

Мировоззрение современного человека в контексте виртуальной реальности

Кропивка Н.В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116а
E-mail: ringo__02@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ технологий виртуальной реальности, являющихся знаковым, характерным феноменом, полностью отвечающим современной мировоззренческой ситуации. Показано, что в контексте виртуальной реальности информационное воздействие внешних факторов влияет на изменение состояния мировоззрения современного человека, приводит системы внутренней программы к их активному отражению. Сделан вывод, что естественно-культурная виртуальная событийность, обогащённая достаточно глубокой символикой, фактически конечна и ограничена, духовный мир человека невозможно имитировать или произвести его замену. По заключению автора, виртуальная реальность воздействует на горизонт нашего повседневного опыта и поведение в реальном мире, расширяет границы человеческого общения и совместной деятельности, а значит, меняет мировоззрение современного человека.

Ключевые слова: виртуальная реальность, интерактивность, искусственный мир, компьютеризация, коммуникация, информация.

Для цитирования: Кропивка Н.В. 2021. Мировоззрение современного человека в контексте виртуальной реальности. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 474–480. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-474-480

Worldview of Modern Man in the Context of Virtual Reality

Natalya V. Kropivka

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a Sadovaya St, Belgorod, 308023, Russia
E-mail: ringo__02@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of virtual reality technologies, which are a symbolic, characteristic phenomenon that fully corresponds to the modern worldview situation. It is shown that in the context of virtual reality, the informational impact of external factors affects the change in the state of the worldview of a modern person, leads the systems of the internal program to their active reflection. It is concluded that natural-cultural virtual eventfulness, enriched with sufficiently deep symbolism, is in fact finite and limited, the spiritual world of a person cannot be imitated or replaced. According to the author's conclusion, virtual reality affects the horizon of our everyday experience and behavior in the real world, expands the boundaries of human communication and joint activities, and therefore changes the worldview of a modern person.

Keywords: virtual reality, interactivity, artificial world, computerization, communication, information.

For citation: Kropivka N.V. 2021. Worldview of Modern Man in the Context of Virtual Reality. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 474–480 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-474-480

Введение

Информационные технологии настолько глубоко проникли в жизнь практически каждого человека, что на современном этапе развития составляют неотъемлемую часть нашей жизнедеятельности, поэтому выделить их из общего мировоззренческого и социокультурного контекста не представляется возможным. Непрерывный процесс развития новейших технологий, всевозрастающие темпы компьютеризации социокультурного пространства привели к тому, что в нашей жизни появилась новая для человечества реальность – виртуальная. Это обстоятельство не может не влиять на человеческую психику и мировосприятие. Отсюда – необходимость изучения данного явления: что такое виртуальная реальность, и какова её роль в жизни современного человека?

Автор данного понятия американский учёный Д. Ланье даёт такое определение: «Виртуальность является иллюзорной реальностью, порожденной компьютерными технологиями» [Ланье, 2019, с. 81]. Подобный взгляд в отечественных научных исследованиях поддерживает А.И. Воронов: «Виртуальная реальность – кибернетическое пространство, созданное на базе компьютера за счёт технических средств, изолированность от внешнего мира перекрывает все каналы тактильного, слухового, зрительного и других отношений с окружающей средой» [Воронов, 2009, с. 7]. Ф. Хаммет под виртуальной реальностью подразумевает отсутствие чёткого разделения объективного и субъективного плана в осмыслении, где эти разнообразные содержания переходят друг в друга, делаясь неотличимыми» [Хаммет, 2009, с. 174]. В определении Е.В. Ковалевской «виртуальность имеет действительные последствия» и проявляется в виде снов, трансформированного состояния сознания, вымыслов, символических реальностей [Ковалевская, 2009, с. 62]. Представим также дефиниции виртуальной реальности Таратуты Е.Е., которая называет её «индикатором состояния общества» [Таратута, 2007, с. 74]. Речь идёт о связи с общественным потенциалом прочтения виртуальной реальности, то есть она рассматривается как социальный процесс и как проявления действительных последствий состояния сознания человека. В первом случае виртуальность психологизируется, во-втором – она не только информатизируется, но и социализируется. Отсюда вытекает, что в рамки виртуализации попадает и современное информационное общество, и порождённая им личность, то есть общество движется к виртуальности.

Отечественный учёный Носов Н.А. виртуальную реальность предлагает понимать как реальность, обладающую такими определёнными свойствами, как «порождённость, актуальность, автономность и интерактивность», вне зависимости от её природных качеств: физических, геологических, психологических, социальных, технических и других [Носов, 1999, с. 152–165].

Естественно, что мировоззрение человека и научная, познавательная революция XXI века взаимосвязаны. В данной статье мы остановимся на анализе мировоззрения современного человека в контексте виртуальной реальности. Ориентированность, активность человека в современном мире предполагают использование результатов внешних воздействий, несущих определённую информацию об окружающей среде и отражающихся в мировоззрении каждого с учётом всех реалий его жизни. Отражение современной действительности, связанной с активным использованием полученной информации, является побудителем действий, мобилизуя возможности ориентации человека во внешней среде.

Современные условия техногенной культуры

В контексте виртуальной реальности информационное воздействие внешних факторов влияет на изменение состояния мировоззрения современного человека, приводит системы внутренней программы к их активному отражению. Восприятие внешних информационных воздействий через призму внутренних программ предполагает определённые критерии отношения человека к окружающему миру в виде мировоззренческой ориента-

ции, и проявляется это в опережающем характере избирательности как основном и важнейшем свойстве отражения. Относиться к миру избирательно – значит строить свои отношения с окружающей средой и использовать ее факторы для самосохранения и развития человека.

В конце XX века во всём мире происходят события и возникают различные, прежде всего, в информационной сфере, феномены, которые существенно трансформируют социальные и культурные реалии современности. Мы говорим об активном проникновении во все сферы повседневной жизни новых информационных технологий, в основе которых лежит бурное развитие электроники и компьютерной техники, информационно-кибернетических машин, воспроизводящих специфическую виртуальную реальность. Одновременно происходит формирование и распространение особого типа мировоззрения, которое концептуализируется в философской, социологической и культурологической теориях, получивших большую известность под общим названием «Информационные технологии как феномен, который принадлежит исключительно миру техники». Технологии виртуальной реальности являются знаковым, характерным для современности феноменом, они полностью отвечают мировоззренческой ситуации. Возникновение технологии и изменение мировоззрения – коррелирующие явления.

В данной статье мы не будем рассматривать вопрос, что является первичным: стимулируют ли технологии ментальные изменения или мировоззренческая структура современности продуцирует технологии. Можно утверждать с уверенностью – они взаимосвязаны. Вопрос о выдвигании новых технологий виртуальной реальности важен по двум причинам. Во-первых, именно развитие технологий виртуальной реальности привели к появлению идеи полионтичности. Данный термин введён Н.А. Носовым, главой Центра виртуалистики Института человека Российской академии наук, который понимает полионтичность как «многоуровненность» реальности [Носов, 1999, с. 152–165]. Во-вторых, технологии виртуальной реальности не только воплощают философско-мировоззренческие тенденции переосмысления категории бытия и реальности, но и являются активным фактором их изменения.

На этом фоне происходящие изменения мировоззренческих ориентаций актуализируются и наиболее адекватно, на наш взгляд, отражаются в философии постмодернизма, которая своей задачей выдвигает не только деконструкцию основных понятийных категорий, предшествующих европейской философской мысли, но и формирование определённых мировоззренческих постулатов и принципов, коррелирующих с мироощущением информационного общества. Под постмодернизмом мы будем понимать распространённое в конце XX века мировоззрение, наиболее адекватно отражающее состояние новых социокультурных реалий наших дней. В настоящий момент на всеобщий метод познания претендует синергетика, значимость которой как теории самоорганизации и концептуализма не вызывает сомнения, а произрастающий из неё эволюционизм предстаёт в качестве нового универсального мировоззрения.

Не случайно В.А. Кутырев справедливо обозначает изменения в отношении к категории бытия:

1. Синергетика – «от бытия к становлению». Синергетика как теория структурной, а не субстратной модели мира, которую он называет «линией перехода человеческого духа от принципа бытия как выражения сохранения и тождественности вещей к принципу небытия как выражению их временности и непрерывному превращению в нечто иное». Причём, синергетика является теорией принципиально неравновесных систем и мировоззрения непрерывного становления.

2. Виртуалистика – «от бытия к мышлению». Произшедшие изменения отношений идеализма с наукой и современная трактовка бытия вступают в фазу решительного перелома, человек ориентируется на пространство, которое неадекватно его телесности, а познания опираются на невидимые, неосязаемые, несоизмеримые пространственно-

временные параметры, изменяет своё мышление. Потеряв наглядность и множество собственных ей критериев, наука перестает быть «реалистической», тем самым сближаясь с метафизикой. Необходимо признать, что «переориентация науки на идеализм происходит благодаря информационной революции, которая приводит к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды – искусственного-2» [Кутырев, 2000, с. 17]. По мнению В.А. Кутырева, возникновение виртуальной реальности привело к окончательному онтологическому торжеству идеализма.

Виртуальная реальность является интерактивной средой зарождения и манипулирования объектами, которые становятся похожими на реальные или воображаемые предметы, технически конструируются с их физическими свойствами (объём, движение и т.д.), симуляцией их способностей воздействовать и самостоятельно присутствовать в пространстве. Современные технологии располагают возможностью создавать специальные дополнительные средства для компьютера (джойстик, руль и педали, 3D очки и т.п.), чтобы человек почувствовал эффект присутствия в виртуальной среде, которое сопровождается ощущениями единения с компьютером. В такой нереальной среде материальные субстанции заменяются опосредованными, чужими отношениями и функциями, вовлекающими в процесс только лишь сознание человека. Естественным следствием этого будет являться изменение сознания и предметов как таковых. В виртуальном пространстве материальность тела и вещей создают лишь помехи, они действительно ничто. Умножение и усложнение виртуального пространства приводит к уменьшению телесности и все большему уничтожению материальных условий виртуальности. «Как долго продолжится этот процесс перед крахом? Мыслительная деятельность, воображение разрастаются, а окружающий мир и инфраструктура деградируют – это месть материи» [Крокер, 1997, с. 70]. Слово «виртуальный» в американском языке становится синонимом слова «фактический». Уже сегодня существует определённое сообщество людей, которые являются интернет-зависимыми. «Жители виртуально-экранного мира» считают его наиболее реальным, чем первичную реальность. Онтология замещается виртуологией. Подобный поворот в воззрении на бытие и судьбу человека начинает набирать темп, происходит серьёзное осмысление воздействия виртуальности на окружающий мир, на жизнь всего общества. «Однако всё существующее не есть виртуальность» [Хоружий, 1997, с. 67]. Для большинства людей это пока справедливо.

Сейчас нельзя не признать существование тенденции ко все большей замене современных реалий, в которых человек взаимодействует как целостное телесно-духовное существо, виртуальным состоянием. На такое состояние «безбытия», обезличенной «предметной пустоты» начинают ориентироваться, из него исходят, им наполнены некоторые, особенно последние, философские направления» [Кутырев, 2000, с. 19]. Воспринимая окружающий мир, психика оперирует имеющимися в её активе перцептивными моделями, разлагая действительность на структуры, соответствующие этим моделям. В дальнейшем перцептивные модели разделяют мир на классы определенных чувственных объектов, тем самым снимая надобность раз за разом создавать предметы на основании чувств человека.

Из этого следует, что по своей сути перцептивные модели восприятия становятся разновидностью (видопроявлением) виртуальной реальности, и при восприятии существует эффект «гипертрофированного роста» объёма схем или количества виртуальных реальностей. Категориальное понятие «виртуальность» позволяет по-новому посмотреть на прошлое, в особенности на объективность реального мира. Человеку предоставляются сенсорные стимуляторы зрительной системы, поэтому он сам строит из них предметные образы, чувства, переживания, которые сопровождают объектное восприятие. В свою очередь это означает виртуальность образов объективного мира со всеми его характеристиками виртуальной реальности. Программы и системы виртуальной реальности предоставляют возможность включения в происходящее действо как бы в реальных условиях, – так, во всяком случае, воспринимает сам человек. Поскольку образы внутреннего мира в

виртуальной (мысленной) реальности ничем не отличаются от образов внешнего, то человеку легко запутаться, если отсутствуют специальные метки, и определить – мир внешний или внутренний, принадлежность образа, место происходящего события: мир, порожденный самим человеком, или мир, независимый от него.

Иногда образы внутреннего мира находятся на том же статусном положении существования и реальности, как и образы внешнего мира. Следует, конечно, при этом принять во внимание, что все мысленные образы, схемы и структуры, которые в данном случае ассоциируются с термином «виртуальные», есть не что иное, как отражение взаимодействия с реальным материальным миром, есть духовный и абстрактный продукт этого взаимодействия. Именно поэтому виртуальность нельзя абсолютизировать как совершенно независимый от внешнего мира фактор современного социального бытия. Сегодня виртуальная реальность лишь один из продуктов технических достижений общества на очередном новом этапе развития. Однако некоторые мыслители определенно преувеличивают существенные технологические возможности компьютерных сетей. Духовный мир человека невозможно имитировать или произвести его замену. Многие исследователи отмечают негативное воздействие компьютерных игр, программ и коммуникаций на психологическое состояние, интеллектуальное развитие и даже на поведение человека.

Современные технические возможности предполагают моделирование любых субъективных переживаний. Функции компенсации виртуального в современных условиях техногенной культуры приобретают образ заметно-превращенного характера. С точки зрения положений культуры можно увидеть, что естественно-культурная виртуальная событийность, обогащённая достаточно глубокой символикой, фактически конечна и ограничена. Виртуальная реальность – пространство социокультурных взаимодействий имеет важнейшее свойство – интерактивность, то есть взаимодействие людей с искусственной средой, в которой реализуются эффекты полного присутствия. Именно это свойство качественно отличается от различных жанров традиционного искусства. Можно играть разные роли и создавать уникального персонажа в сети Интернет по своему желанию, который будет существовать с субъективно задуманными определённой моралью и физическими данными в глобальной сети. Здесь мировоззрение индивида и его сознание раздваивается и обладает реальной и виртуальной составляющей. Мышление человека в компьютерной культуре происходит по-новому – слияние образного и логического отражений реальности, объединение понятий и наглядности, быстроты и гибкости мысли, пусть даже и фантастической. Сам процесс компьютерной коммуникации в значительной степени становится определяющим в формировании будущей культуры, приобретает новые качества – утрачивая полноценное ощущение жизни, человек современной культуры теряет реалистическое чувство и реальные ощущения.

Заключение

Итак, мы видим, что в науке и философии XX века произошли перемены в понимании «бытия» и «реальности», усилилась тенденция к дискредитации бытия. Бытие предстает как проблема современности. Эти термины обрели иное наполнение, фиксируя мировоззренческие изменения в сознании современного человека. В данном контексте феномены «Интернет» и «виртуальная реальность» являются показательными и способствующими этим изменениям. Процесс виртуализации мировоззренческих ориентаций человека и влияние виртуальной реальности на культуру современного общества воспринимаются довольно неоднозначно. Изучение влияния виртуальной реальности может выступать эффективным методологическим основанием исследований в различных сферах деятельности человека и становления его мировоззрения. Сегодня виртуальная реальность провоцирует людей по-новому переосмыслить роль воображений и фантазий, воздействует на опыт, жизненное пространство и, соответственно, на поведение в реальном мире, а значит, меняет мировоззрение современного человека.

Список литературы

1. Акчурин И.А. 2003. Новая фундаментальная онтология и виртуалистика. Вопросы философии, 9: 95–113.
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. 2018. Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложности. Вопросы философии, 3: 49–58.
3. Бахманн-Медик Д. 2017. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., Новое литературное обозрение, 504 с.
4. Гаврилов А.А. 2012. Основные подходы к определению категории «виртуальная реальность» в современном философском дискурсе. Молодой ученый, 9: 162–166.
5. Горшков М.К. 2017. Российское общество в контексте новой реальности. Москва, Весь мир: 104 с.
6. Джекобс Д. 2017. Смерть и жизнь больших американских городов. Пер. с англ. М.: Новое издательство: 460 с.
7. Игнатъева В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н. 2009. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 308 с.
8. Касаткина С.С. 2018. Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец, Издательство Череповецкого государственного университета: 160 с.
9. Крокер А. 1997. Политическая экономия виртуальной реальности: панкапитализм. Виртуальная реальность и современный мир, 3: 70 с.
10. Кутырев В.А. 2000. Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика). Вопросы философии, 5: 15–32.
11. Ланье Д. 2019 На заре новой эры. Пер. Воронович Э. Ред. Истомина Е. Издательство: Эксмо, 496 с., С.81.
12. Носов Н.А. 1999. Виртуальная реальность. Вопросы философии, 10: 152–165.
13. Таратута Е.Е. 2007. Философия виртуальной реальности. СПб., АПОРИ, 148 с.
14. Тощенко Ж.Т. 2020. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., Весь мир. 352 с
15. Хоружий С.С. 1997. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. Вопросы философии, 6: 53–68.
16. Falasca K. 2018. How does the political parties use social media? Available at: <https://www.miun.se/en/Research/archive/how-do-the-parties-use-social-media-who-is-actually-working-for-whom/> (accessed 19 July 2018).
17. Frankl V. 1990. Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. М., Progress: 368 p. (in Russian).
18. Fromm E. 2004. Anatomiiia chelovecheskoi destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. М., AST: 635 p. (in Russian).
19. Khirshman A.O. 2010. Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost' [Rhetoric of reaction: perversion, futility, danger]. М., GU – VShE. 207 p. (in Russian).
20. Garritzmann Ju., Busemeyer M., Neimanns E. 2018. Public demand for social investment: new supporting coalitions for welfare state reform in Western Europe? Journal of European Public Policy, 25: 844–861. DOI: 10.1080/13501763.2017.1401107

References

1. Akchurin I.A. 2003. Novaya fundamental'naya ontologiya i virtualistika [New fundamental ontology and virtualistics]. Voprosy filosofii, 9: 95–113.
2. Arshinov V.I., Budanov V.G. 2018. Konceptsiya seti v optike paradigmy sinergeticheskoy slozhnostnosti [Network Concept in optics slozhnostnosti synergistic paradigms]. Voprosy filosofii, 3: 49–58.
3. Bahmann-Medik D. 2017. Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture [Cultural turns. New benchmarks in the sciences of culture]. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 504 p.
4. Gavrilov A.A. 2012. Osnovnyye podkhody k opredeleniyu kategorii «virtual'naya real'nost'» v sovremennom filosofskom diskurse [The main approaches to the definition of the category of “virtual reality” in modern philosophical discourse]. Molodoy uchenyy, 9: 162–166.

5. Gorshkov M.K. 2017. Rossiyskoye obshchestvo v kontekste novoy real'nosti [Russian society in the context of a new reality]. Moscow, Publ. Ves' mir, 104 p.
6. Jacobs J. 2017. Smert' i zhizn' bolshih amerikanskih gorodov [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoe izdatelstvo. (Jacobs J. 1993 [1961]. The Death and Life of Great American Cities. N.Y.: Random House: 460 p.)
7. Ignat'yeva V.I., Vladimirova T.V., Stepanova A.N. 2009. Sotsial'naya sistema kak informatsionnoye vzaimodeystviye: kollektivnaya monografiya [The social system as an information interaction: collective monograph]. Novosibirsk, NSTU Publishing House, 308 p.
8. Kasatkina S.S. 2018. Urbosfera: praktiki osmysleniya gorodskogo prostranstva [Urbosphere: practices of understanding urban space]. Cherepovec, Publ. Cherepovetskogo gosudarstvennogo univesiteta, 160 p.
9. Crocker, A. 1997. Politicheskaya ekonomiya virtual'noy real'nosti: pankapitalizm. [Political Economy of Virtual Reality: Pancapitalism]. Virtual'naya real'nost' i sovremennyy mir, 3: 70 p.
10. Kutyrev V.A. 2000. Opravdaniye bytiya (yavleniye nigitologii i yego kritika) [Justification of Being (the phenomenon of nititology and its criticism)]. Voprosy filosofii, 5: 15–32.
11. Lanier D. 2019. At the dawn of a new era. Per. Voronovich E. Ed. Istomina E. Publisher: Eksmo, 496 p. (in Russian).
12. Nosov N.A. 1999. Virtual'naya real'nost' [Virtual reality]. Voprosy filosofii, 10: 152–165.
13. Taratuta E.E. 2007. Filosofiya virtual'noy real'nosti [The philosophy of virtual reality]. St. Petersburg, Publ. APORI, 148 p.
14. Toshchenko Zh.T. 2020. Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opytte-oreticheskogo i empiricheskogo analiza) [Trauma society: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)]. Moscow, Publ. Ves' mir, 352 p.
15. Khoruzhiy S.S. 1997. Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti [Genus or crop failure? Notes to the ontology of virtuality]. Voprosy filosofii, 6: 53–68.
16. Falasca K. 2018. How does the political parties use social media? Available at: <https://www.miun.se/en/Research/archive/how-do-the-parties-use-social-media-who-is-actually-working-for-whom/> (accessed 19 July 2018).
17. Frankl V. 1990. Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. M., Progress: 368 p. (in Russian)
18. Fromm E. 2004. Anatomiiia chelovecheskoi destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. M., Publ. AST: 635 p. (in Russian)
19. Khirshman A.O. 2010. Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost' [Rhetoric of reaction: perversion, futility, danger]. M., Publ. GU – VShE. 207 p. (in Russian)
20. Garritzmann Ju., Busemeyer M., Neimanns E. 2018. Public demand for social investment: new supporting coalitions for welfare state reform in Western Europe? Journal of European Public Policy, 25: 844–861. DOI: 10.1080/13501763.2017.1401107

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кропивка Наталья Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Kropivka, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-481-488

Літаратурна-эстэтычная і філасофская рэфлексія А.А. Фета: взгляд из XXI века

Липич Т.И., Липич В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lipich@bsu.edu.ru; lipich_v@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена художественной рефлексии А.А. Фета в контексте творческого взаимодействия поэта с романтической традицией своей эпохой. Авторы исследуют проблему литературно-философской рефлексии и анализируют специфику фетовского поэтического феномена. С опорой на сравнительно-исторический принцип познания, а также философско-антропологический и философско-культурологический подходы проанализирована динамика критических оценок и откликов современных поэту критиков, рассматривавших поэзию А. Фета. Сделан вывод о необходимости преодоления неоправданного исследовательского равнодушия к творческому наследию А. Фета и важности исследовательских стремлений, направленных на осмысление своеобразия его поэзии.

Ключевые слова: творчество, литературно-философский романтизм, лирика, двоемирие, эстетика, поэтическое вдохновение, рефлексия, самобытность, лирический герой, субъективность, мироотношение.

Для цитирования: Липич Т.И., Липич В.В. 2021. Литературно-эстетическая и философская рефлексия А.А. Фета: взгляд из XXI века. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 46 (3): 481–488. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-481-488

Literary-aesthetic and Philosophical Reflection of A.A. Fet: A View from the 21th Century

Tamara I. Lipich, Vasiliy V. Lipich

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: lipich@bsu.edu.ru; lipich_v@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the artistic reflection of A. A. Fet in the context of the poet's creative interaction with the romantic tradition of his era. The authors investigate the problem of literary and philosophical reflection and analyze the specifics of the Fetov poetic phenomenon. Based on the comparative-historical principle of cognition, as well as philosophical-anthropological and philosophical-cultural approaches, the dynamics of critical assessments and responses of contemporary critics who considered the poetry of A. Fet is analyzed. The conclusion is made about the need to overcome the unjustified research indifference to the creative heritage of A. Fet and the importance of research aspirations aimed at understanding the originality of his poetry.

Keywords: creativity, literary and philosophical romanticism, lyrics, duality, esthete, poetic inspiration, reflection, originality, lyrical hero, subjectivity, world attitude

For citation: Lipich T.I., Lipich V.V. 2021. Literary-aesthetic and Philosophical Reflection of A.A. Fet: A View from the 21th Century. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 481–488 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-481-488

Совсем недавно культурное сообщество страны отметило 200-летие со дня рождения замечательного русского поэта и прозаика А.А. Фета. Первое знакомство с творчеством этого удивительного и тонкого мастера слова происходит у нас еще в юности, в школьные годы, и его проникновенные строки остаются в памяти на всю жизнь:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало¹.

или:

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит².

Его стихи – романтически-трогательное и воздушное прикосновение к миру. Примеров этому в поэзии А. Фета можно найти немало. Многие известные русские композиторы считали за честь переложить его стихи на музыку, благодаря чему наша музыкальная культура имеет в своей сокровищнице романсы удивительной чистоты и свежести.

Как поэт-лирик, переводчик, мемуарист А. Фет интересовал не только своих современников, но и исследователей более поздних периодов, поэтому до сих пор не прекращаются споры об этой достаточно таинственной и загадочной личности. Сегодня литературная репутация творчества Фета как представителя «эстетического» направления часто сводится к реализации автором идеи «чистого искусства». Достаточно вспомнить современных авторов, занимающихся исследованием творчества А. Фета, например: В.А. Шеншина [2011], В.А. Кошелева [2011], В.И. Коровина [2021], С.Я. Левит [2020], И.С. Пигулевскую [2020].

Одним из первых современных поэту критиков, обративших внимание на творчество А. Фета, был Н. Кудрявцев, профессор Московского университета, который, исходя из традиционных для того времени эстетических принципов непреднамеренности поэтического творчества, писал: «Песня складывается прежде, чем поэт думал о ней, она сама собою сливается у него с губ...» [Кудрявцев, 1850а, с. 9]. Талант Фета, по мнению критика, лежит у поэта в груди, «словно в какой-то бессознательности и нисколько не зависит ни от воли, ни от мысли его» [Кудрявцев, 1850а, с. 2].

Многие из современников сравнивали поэтическое творчество Фета с философской поэзией Гете, Гейне, сопоставляли с Пушкиным и Жуковским. Так, известный критик тогдашней эпохи А. Григорьев писал: «Самобытность и даже резкая самобытность составляет, если хотите, недостаток этого таланта, по крайней мере, в глазах многих... соприкасаясь всему и ни с чем не роднясь глубоко, без определенной тенденции, кроме тенденции художника, это дарование стоит как-то уединенно, как-то отдельно в нашей литературе» [Григорьев, 1850, с. 53]. Вместе с тем критик, выделяя художественно-эстетические особенности поэзии А. Фета, отмечал «способность сообщать осязаемость тонким, неопределенным, для других неподмеченным впечатлениям» [Григорьев, 1850, с. 55], а также необыкновенную пластичность и ясность лирической формы Фета. Позже в своих критических статьях А. Григорьев называл поэзию А. Фета «болезненной поэзией», потому что «это поэзия углубленного анализа мира человека, анализа, отличающегося отсутствием

¹ Фет А.А. 1978. Стихотворения. Проза. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, с. 63

² Там же, с. 46.

типичности и преобладанием особенности и случайности в выражении, доходящих до неясности и причудливого уродства» [Григорьев, 1850, с. 72].

Нельзя не сказать и об отношении к творчеству А. Фета таких собратьев по творческому цеху, как И.С. Тургенев, Н.А. Добролюбов, позже Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин и других. Их постоянные споры о правах «разума» и «вдохновения» выливались в острый спор о творческом методе, который в конечном счете, по мнению исследователя Б.Я. Бухштаба, мог быть назван «импрессионизмом» [1990, с. 60]. Упомянутые современники порицали А. Фета за неопределенность, неясность, расплывчатость его поэтических образов, за взаимопереплетение оттенков, красок, звуков. В этом смысле Фет выступает прямым предшественником декадентов, символистов. Как справедливо отмечает Д.Д. Благой, «уже почти с самого начала, с сороковых годов, романтизм Фета – его поэзия, способная улавливать... неуловимо музыкальные впечатления, зыбкие душевные движения в них, как и в природе, окружающей человека, "трепете", "дрожь", живой динамике переливов красок и звуков, "волшебных изменений милого лица", "непрестанных колебаниях", "переходах, оттенках", диалогическом сочетании противоположностей – был окрашен чертами, которые значительно позднее получили название "импрессионизма"» [Благой, 1975, с. 107].

Тесное переплетение философии и литературы в творчестве Фета увидел и его «литературный советчик» Н.Н. Страхов, который в своих работах, посвященных анализу творчества А. Фета («Юбилей поэзии Фета», «Несколько слов памяти Фета» и др.), отмечал удивительную свежесть и «незаношенность» его стихов. В этих статьях критик называл лирику Фета «пробным камнем для способности понимать поэзию» [Страхов, 1912, т. I, с. 14].

Для понимания и уяснения отношения Фета к Н.Н. Страхову приведем слова из его письма, отправленного в ноябре 1877 г., в котором поэт, в частности, пишет: «Не буду говорить, до какой степени, после мимолетной встречи в Питере, меня тянуло сблизиться с Вами как с мыслителем. В нашей умственной пустыне такое влечение более чем понятно; но, увидав Вас ближе, я открыл в Вас то, что для меня едва ли не дороже мыслителя»¹.

Н. Страхов отвечал ему дружеской взаимностью. Анализируя творчество А. Фета, философ постоянно подчеркивал связь его поэзии с будничными событиями и явлениями жизни, которые пробуждают возвышенные настроения и впечатления. Н. Страхов отмечает удивительную особенность А. Фета видеть со стороны «разлитую в нас самих» действительность с позиций красоты. Он писал: «Его стихи – как будто внезапная молния поэтического озарения действительности» [Страхов, 2000, с. 425].

В этой связи можно привести слова Д.Д. Благого, который, сравнивая поэзию Пушкина и Фета, писал: «Романтическая по пафосу и по методу, лирика Фета вместе с тем сродни пушкинской "поэзии действительности", представляет своеобразный романтический ее вариант. Только говоря о Пушкине, в этом словосочетании логическое ударение следует ставить на каждом из этих двух слов, говоря о Фете – на первом из них» [Благой, 1975, с. 55].

Уже после смерти поэта Н.Н. Страхов пытался отбивать атаки и утверждения критиков, что поэзия Фета противостоит действительности. В некрологе «Несколько слов памяти Фета» критик писал следующее: «Он хотел только со всею резкостью выразить, до какой степени поэзия преобразует действительность, возводит ее в "перл создания"; как истый лирик, он хотел научить нас, что внешний мир есть только повод к поэзии, что она коренится и растет лишь в нашем внутреннем мире» [Страхов, 2000, с. 427]. И здесь Страхов солидарен с мнением других критиков, отмечавших связь поэзии Фета с гегелевским пониманием творчества.

¹ Фет А.А. 1982. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М., Художественная литература, с. 79.

Так, некоторые из них – С.П. Шевырев [1844], А. Григорьев [1988], В.П. Боткин [1982] – сравнивали поэзию А. Фета с теорией лирической поэзии Гегеля, которая «развивается из принципа субъективности, вынужденной извлекать и оформлять субстанциальный и объективный элемент, как нечто ей принадлежащее, причем, она все более и более осознает эту субъективную внутри себя сосредоточенность» [Гегель, 1958, т. 14, с. 297].

Другой современник А. Фета – В. Соловьев также разделял точку зрения на его творчество, как творчество в духе символизма, в духе «чистого искусства», так как корни его поэзии «темны, бледны и бесформенны» [Соловьев, 1990, с. 217] и отражаются в «беспредметных» стихах, в которых очень тонко фиксируются различные оттенки и нюансы человеческих отношений, а также душевные порывы.

Особый интерес представляют противоположные вышеназванным трактовки творчества А. Фета другого его современника А.В. Дружинина, который, с одной стороны, соглашался с оценкой запутанности и темности его стихов, а с другой – считал, что автор «умеет забираться в сокровенные тайники души человеческой. Область его не велика, но в ней он полный властелин» [Дружинин, 1983, с. 89].

Дружинин также отмечал, что поэт видел поэтическое в самых простых вещах, он отмечал особенно его пейзажную лирику. Вместе с тем, сравнивая талант А. Фета с талантом А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, другой критик – Боткин В.П. отмечал, что «крайней несправедливостью было бы требовать от него не того, что дает и что может дать талант его, тем более, что в нем есть свойства и достоинства, бесценные для истинных любителей поэзии» [Боткин, 1984, с. 213].

Уже в XX веке В.Я. Брюсов, читая лекцию о творчестве А. Фета в Московском литературно-художественном кружке, отмечал, что все творчество поэта – это «экстатическое прозрение», «сверхчувственная интуиция», это призыв к настоящей жизни.

Можно сказать, что так или иначе, но поэзия А. Фета волновала многие умы XX века. В их числе – Ю. Айхенвальд [1908], А. Архангельский [2001], Б.Я. Бухштаб [2000], Е.А. Маймин [1989] и многие другие литературные критики и исследователи. Необходимо также отметить, что ряд исследователей – Б.В. Никольский [1894], А. Белый [1994], Г.П. Козубовская [1994], – говоря о романтической компоненте поэзии Фета, считают его творчество переходным периодом от романтизма к символизму. И действительно, на наш взгляд, литературно-философский романтизм А. Фета, сложившийся еще во времена В. Жуковского, явился тем связующим звеном, который соединил две эпохи: эпоху А.С. Пушкина и эпоху А.А. Блока.

Своеобразным этапом постижения творчества Фета можно считать и оценки, данные Б.Н. Никольским, известным в конце XIX – начале XX века пушкинистом. В статье «Основные элементы лирики Фета» он детально и тонко анализировал творчество поэта [Никольский, 1912 а, б]. В качестве особенных характеристик поэзии Фета исследователь отмечал легкость, прозрачность, неуловимость, некоторую туманность. И, что очень важно, он увидел удивительную связь философских и поэтических смыслов в творчестве Фета. Б.Н. Никольский характеризовал творчество поэта как «золотой мост между философией и поэзией» [Никольский, 1912б, т. 2, с. 29]. В частности, ученый определил место поздней философской лирики поэта между Пушкиным и Тютчевым. Он характеризовал поэзию Фета как пантеистическую, но Фет улавливал настроение природы и показывал гармонию человека и природного мира без той болезненности мировосприятия, которая была свойственна Тютчеву.

Если для Тютчева человек является «грезой природы», то для Фета – природа выступает как «мимолетный сон», и поэтому только ночью человек может полнее слиться с

природой. В фетовском космосе природа приобретает красоту-грезу, при помощи которой у человека появляется возможность забыть о тех страданиях, которые она, природа, приему носит. Это дает возможность погрузиться в созерцание ее творческого великолепия. Благодаря этому, человек видит в природе высший смысл и высшую мудрость. Человек не отделен от природы, составляет с ней единство, он слит с ней в полном восторге и испытывает чувства красоты, величия и жизненности Вселенной, космоса, с которыми он слит воедино. Так, в стихотворении «Заря прощается с землею»¹ Фет проводит романтическую мысль о «жизни двойной», которую чувствует вся природа и человек, погружаясь во мглу вместе с нею, – то есть налицо романтическое видение мира.

Особо хотелось бы отметить А. Фета как певца любви, которой он придает универсальное значение. Вслед за И.С. Тургеневым, провозгласившим: «Только ею, только любовью держится и движется жизнь»² [Тургенев И. С.1956, с. 474], Фет обозначает любовь «центром, на который навивается всякая поэтическая нить» [Бухштаб, 1990, с. 89].

Фетовская романтическая поэзия любви сочетает полную гамму противоречивых, доходящих до противоположностей, чувств. Любовь, отмечает поэт, это такое чувство, перед которым даже смерть бессильна. Любовь у Фета приобретает особую благоуханность, «ароматичность». В лирике А. Фета символом любви становится образ соловья, который поет в ликующем гимне. Вспомним стихотворение «Соловей и роза»³:

Зацелую тебя, закачаю
Но боюсь над тобой задремать.
На заре лишь уснешь ты; я знаю
Что всю ночь будешь петь ты опять.

Мелодия любви звучит в лирике Фета, словно «переливаясь» из одного стихотворения в другое, фоном для которых становится лунный свет, звездное небо, музыка:

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей⁴.

Но постепенно от свежести и «лирической дерзости» у Фета прорисовывается чувство трагичности любви. Вероятно, это связано было и с некоторыми событиями в личной жизни поэта. Его трагическая любовь к Марии Лазич закончилась гибелью девушки. И даже спустя 40 лет после ее смерти, стихи поэта пронизаны верностью к своей возлюбленной: «Нет, я не изменил. До старости глубокой // Я тот же преданный, я раб твоей любви...»⁵.

И совершенно точен в своих оценках Я. Полонский [1899], писавший, что А. Фет всем своим творчеством не сопротивлялся судьбе и оставался всегда убежденным в своем призвании «чистого лирика».

¹ Фет А.А. 1978. Стихотворения. Проза. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, с. 63

² Тургенев И.С. 1956. Собрания сочинений: в 12 т. Т. 8. М., Госполитиздат, 474 с.

³ Фет А.А. 1982. Сочинения: в 2-х тт. Т. 1. М., Художественная литература, с. 79.

⁴ Там же, с. 130.

⁵ Там же, с. 68.

Заключение

Наступивший XXI век развенчал многие идеалы двух предыдущих веков, охладев к прежним кумирам, «властителям дум» и душ. В условиях бесконечного и не во всем успешного реформирования в сфере образования, переоценке «старого», пересмотра прежних аксиологических констант, разрушения заслуженных авторитетов, в условиях, как выразился Н. Бердяев, «расщепления человека» меняется отношение и к слову, и к художникам слова. В произошедшей переоценке некогда незыблемых ценностей, смене политических и нравственных ориентиров, тотальной коммерциализации стратегий и пресловутого бизнес-мышления изменилось и отношение общества к такому неподражаемо проникновенному лирику, как А.А. Фет. Увы, и не только к нему одному! Целый ряд великих русских поэтов и прозаиков становятся «непрочитанной гордостью» современного молодого человека. Очень жаль...

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. 1908. Силуэты русских писателей. Вып. 2. М., Научное слово, 166 с.
2. Архангельский А. 2001. Для звуков сладких и молитв. Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892). Литература, 24: 5–8.
3. Белый А. 1994. Символизм как миропонимание. М., Республика, 395 с.
4. Благой Д.Д. 1975. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А. Фета. М., Художественная литература, 110 с.
5. Боткин В.П. 1984. Литературная критика: Публицистика: Письма. М., Советская Россия, 320 с.
6. Боткин В.П. 1982. Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., Искусство, 487 с.
7. Бухштаб Б.Я. 1990. Фет: очерки жизни и творчества. Л., Наука, 138 с.
8. Бухштаб Б.Я. 2000. Фет и другие. Избранные работы. СПб., Академический проект, 560 с.
9. Гегель Г.Ф. 1958. Сочинения: в 14 т. Т. 14. М., Государственное социально-экономическое издательство «Полиграфкнига», 440 с.
10. Григорьев А.А. 1850. Отечественные записки. Том 68. М., тип. Н. Степанова, 162 с.
11. Григорьев Ап. 1988. Мои литературные и нравственные скитальчества. М., Наука, 237 с.
12. Дружинин А.В. 1983. Литературная критика. М., Советская Россия, 384 с.
13. Козубовская Г.П. 1994. А.А. Фет и проблема мифологизма в русской поэзии XIX – начала XX века. Дисс. ... д. филол. н. СПб, 345.
14. Коровин В.Л. Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892): очерк жизни и творчества. URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37127.php?ELEMENT_ID=37127&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 10 марта 2021).
15. Кошелев В.А. 2011. О месте Фета в истории русской культуры и о его новом собрании сочинений. Литературоведческий журнал, 30: 18–47.
16. Кудрявцев Н. 1850а. Русские второстепенные поэты. А. Фет. Современник, 3. (отд. VI): 4–22.
17. Кудрявцев Н. 1850б. Стихотворения А. Фета. Современник, 3 (отд. V): 161–210.
18. Левит С.Я. 2020. Поэтическая философия Ф.И. Тютчева. Вестник культурологии, 1 (92): 162–175.
19. Маймин Е.А. 1989. Афанасий Афанасьевич Фет. М., Просвещение, 302 с.
20. Никольский Б.В. 1912. Основные элементы лирики Фета. В кн.: А.А. Фет. Полное собрание стихотворений. Т. 1. СПб., Издание А.Ф. Маркса, 603 с.
21. Никольский Б.В. 1894. Поэт философов. Русское обозрение, 12: 1102–1104.
22. Пигулевская И.С. 2020. Фет Афанасий Афанасьевич. М., Центрполиграф, 220 с.
23. Полонский Я.П. 1899. Философские течения русской поэзии. Изд. 2. СПб., Тип. М. Меркушева. 384 с.
24. Соловьев В.С. 1990. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., Книга, 574 с.

25. Страхов Н.Н. 1912. Юбилей поэзии Фета. В кн.: А.А. Фет. Полное собрание стихотворений. Т. 1. СПб., Издание А.Ф. Маркса, 603 с.
26. Страхов Н.Н. 2000. Литературная критика. СПб., Искусство, 464 с.
27. Шевырев С.П. 1844. Перевод из Горация г. А. Фета. Москвитянин, 1 (I): 27 с.
28. Шеншина В.А. 2011. Изучение жизни и творчества Фета на современном этапе. Литературоведческий журнал, 30: 5–17.

References

1. Aykhenval'd Yu. 1908. Siluety russkikh pisateley. Vyp. 2. [Silhouettes of Russian writers. Issue 2.]. Moscow, Publ. Nauchnoye slovo, 166 p.
2. Arkhangelsky A. 2001. Dlya zvukov sladkikh i molitv. Afanasiy Afanas'yevich Fet (1820–1892). [For sweet sounds and prayers. Afanasy Afanasyevich Fet (1820–1892)]. Literatura, 24: 5–8.
3. Bely A. 1994. Simvolizm kak miroponimaniye. [Symbolism as a world view]. Moscow, Publ. Respublika, 395 p.
4. Blagoy D.D. 1975. Mir kak krasota. O "Vechernikh ogn'yakh" A. Feta. [The world as beauty. About "Evening Lights" A. Fet]. Moscow, Publ. Khudozhestvennaya literatura, 110 p.
5. Botkin V.P. 1984. Literaturnaya kritika: Publitsistika: Pis'ma. [Literary criticism: Journalism: Letters]. Moscow, Publ. Soviet Russia, 320 p.
6. Botkin V.P. 1982. Russkaya estetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka. [Russian aesthetics and criticism of the 40–50s of the XIX century.]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 487p.
7. Bukhstab B.Ya. 1990. Fet: ocherki zhizni i tvorchestva. [Fet: sketches of life and work]. Leningrad, Publ. Nauka, 138 p.
8. Bukhstab B.Ya. 2000. Fet i drugiye. Izbrannyye raboty. [Fet and others. Selected works]. St. Petersburg, Publ. Akademicheskii proyekt, 560 p.
9. Gegel' G.F. 1958. Sochineniya. [Works]. Vol. 14. Moscow, Publ. State socio-economic publishing house "Poligrafkniga", 440 p.
10. Grigoriev A.A. 1850. Otechestvennyye zapiski. [Domestic notes]. Vol. 68. Moscow, Printing house of N. Stepanov, 162 p.
11. Grigor'yev Ap. 1988. Moi literaturnyye i nrvstvennyye skital'chestva. [My literary and moral wanderings]. Moscow, Publ. Nauka, 237 p.
12. Druzhinin A.V. 1983. Literaturnaya kritika. [Literary Criticism]. Moscow, Publ. Sov. Russia, 384 p.
13. Kozubovskaya G.P. 1994. A.A. Fet i problema mifologizma v russkoy poezii XIX – nachala XX veka. [A.A. Fet and the problem of mythologism in Russian poetry of the XIX – early XX century.] Dis. D. philol. n. St. Petersburg, 345 p.
14. Korovin V.L. Afanasiy Afanas'yevich Fet (1820–1892): ocherk zhizni i tvorchestva. [Afanasy Afanasyevich Fet (1820–1892): an essay on life and creativity]. URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37127.php?ELEMENT_ID=37127&SHOWALL_1=1 (accessed: 10 March 2021).
15. Koshelev V.A. 2011. O meste Feta v istorii russkoy kul'tury i o yego novom sobranii sochineniy. [About Fet's place in the history of Russian culture and about his new collected works]. Literaturovedcheskiy zhurnal, 30: 18–47.
16. Kudryavtsev N. 1850a. Russkiye vtorostepennyye poety. A. Fet. [Russian minor poets. A. Fet]. Sovremennik, 3. (vol. VI): 4–22.
17. Kudryavtsev N. 1850b. Stikhotvoreniya A. Feta. [Poems by A. Fet]. Sovremennik, 3 (vol. VI): 161–210.
18. Levit S. Ya. 2020. Poeticheskaya filosofiya F.I. Tyutcheva. [Poetic philosophy of F.I. Tyutchev]. Vestnik kul'turologii, 1 (92): 162–175.
19. Maymin E.A. 1989. Afanasiy Afanas'yevich Fet. [Afanasy Afanasyevich Fet]. Moscow, Publ. Prosveshchenie, 302 p.
20. Nikol'skiy B.V. 1912. Osnovnyye elementy liriki Feta. [The main elements of Fet's lyrics]. In: A.A. Fet. Polnoye sobraniye stikhotvoreniy. [A.A. Fet. The complete collection of poems]. Vol. 1. St. Petersburg, Edition of A.F. Marx, 603 p.
21. Nikolsky B.V. 1894. Poet filosofov. [Poet of the Philosophers]. Russkoye obozreniye, 12: 1102–1104.

22. Pigulevskaya I.S. 2020. Fet Afanasiy Afanas'yevich. [Fet Afanasiy Afanasyevich]. Moscow, Publ. Tsentrpoligraf, 220 p.
23. Polonskiy Ya.P. 1899. Filosofskiye techeniya russkoy poezii. Izd. 2. [Philosophical currents of Russian poetry. Ed. 2.] St. Petersburg, Publ. M. Merkusheva. 384 p.
24. Solovyov V.S. 1990. Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika. [Poems. Aesthetics. Literary criticism]. Moscow, Publ. Kniga, 574 p.
25. Strakhov N.N. 1912. Yubiley poezii Feta. [Anniversary of Fet's poetry]. In: A.A. Fet. Polnoye sobraniye stikhotvoreniy. [A.A. Fet. The complete collection of poems]. Vol. 1. St. Petersburg, Edition of A.F. Marx, 603 p.
26. Strakhov N.N. 2000. Literaturnaya kritika. [Literary criticism]. St. Petersburg, Publ. Iskusstvo, 464 p.
27. Shevyrev S.P. 1844. Perevod iz Goratsiya g. A. Feta. [Translation from Horace by Mr. A. Fet]. Moskvityanin, 1 (I): 27 p.
28. Shenshina V.A. 2011. Izucheniye zhizni i tvorchestva Feta na sovremennom etape. [Studying the life and work of Fet at the present stage]. Literaturovedcheskiy zhurnal, 30: 5–17.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Липич Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 321; 342

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-489-498

«Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ

¹ Римский А.В., ² Римский В.П.

¹ Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

² Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308000, Белгород, ул. Королева, 7
E-mail: rimskiy87@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Одной из главных проблем в политико-воспитательной и правовой профилактике экстремизма является уровень и эффективность научного понимания данного феномена и его субъектов. Необходимо исследовать экстремистские сообщества как особые коллективные субъекты, так как «экстремист-индивидуал» – это скорее «экстремал», индивидуальные практики которого выходят за пределы общепринятого поведения (нормы), но не нарушают законы, не оказывают никакого влияния на «большое общество» и текущую политику властной системы. Экстремистские сообщества представляют собой субкультурные и антисистемные структуры, способные взрывать современные цивилизационные системы, политический строй и правовой порядок государств в протестах и «цветных революциях». В статье выявляется их природа и условия правовой идентификации в научной экспертизе.

Ключевые слова: насилие, ненасилие, экстремальное, экстремизм, общество, сообщество, чрезвычайное положение, революция, экстремистское сообщество.

Для цитирования: Римский А.В., Римский В.П. 2021. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права. 46 (3): 489–498. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-489-498

"The Destruction Together" or On the Specifics of Extremist Communities

Viktor P. Rimskiy, Alexey V. Rimskiy

¹ Putilin Belgorod law Institute of the Ministry,
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia

² Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St, Belgorod, 308000, Russia
E-mail: rimskiy87@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Annotation. One of the main problems in the political, educational and legal prevention of extremism is the level and effectiveness of scientific understanding of this phenomenon and its subjects. It is necessary to study, first of all, extremist communities as special collective subjects, since "extremist-individual" is rather "extreme", whose individual practices go beyond the limits of generally accepted behavior (norms), but do not violate laws, do not have any influence on the "big society" and the current policy of the power system. Extremist communities are subcultural and anti-system structures that can blow up modern civilizational systems, the political system and the legal order of States in protests and "color revolutions". The article reveals their nature and conditions of legal identification in scientific expertise.

Key words: violence, non-violence, extreme, extremism, society, community, emergency, revolution, extremist community.

For citation: Rimskiy V.P., Rimskiy A.V. 2021. "The Destruction Together" or On the Specifics of Extremist Communities. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 489–498 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-489-498

Введение

Попытка очередной цветной революции в Белоруссии показала, что эффективному противодействию протестам и их «мягкой» нейтрализации помешали чрезмерно жёсткие действия силовых органов в виду отсутствия правильной политико-правовой идентификации и различения «мирного протеста» (при всей спорности самого этого понятия и гибридности феномена) и «экстремистских практик», как правило, связанных не столько с поведением отдельных индивидов, сколько с целеполаганием и реализацией политических проектов неких организационных структур и «сообществ».

В статье мы попытаемся реализовать предварительную экспликацию специфики и роли экстремистских сообществ в социальных протестах, в культурных коммуникациях и сетях гражданского общества, что в первом приближении ведёт к созданию комплексной теоретической модели, позволяющей проводить политико-правовую диагностику и разрабатывать практические технологии и рекомендации по устранению или минимизации социально-политических и антропологических угроз и рисков, связанных с институализированными и неинституализированными формами протестов городских масс, часто инициированных экстремистскими сообществами.

Помимо метода критического анализа современного политико-правового дискурса в исследовании заявленной проблематики имеет смысл опираться на принципы юридической аксиологии и правовой аксиологической экспертизы, которые дают возможность выявить ценностные основы (аксиология гражданской ответственности), регулятивный и воспитательный потенциал отечественных правовых документов, норм и законов в сопряжении с современными парламентскими практиками и ценностями социальной справедливости и прямого народовластия, которые почти всегда возникают в различного рода социальных протестах.

Экстремизм и экстремальность

Ранее мы уже касались проблематики экстремизма и давали собственное определение концепта «экстремизм», логически увязывая его с более «родовыми» концептами «насилие» и «терроризм» и пытаясь уйти от поверхностных значений и смыслов изучаемых феноменов [См.: Борисов, Римский 2012]. Мы исходили из *формально-логической иерархии* понятий «сила – насилие – экстремизм – терроризм», что и позволяло уже на первых этапах исследования проблематики преодолеть ограниченность социобиологических версий насилия-агрессии и экстремизма, их политических и моралистических трактовок. Ранее нами были даны такие определения насилия и экстремизма: «**Насилие** – в широком смысле лишение объекта формы или её нарушение, де/формация во всех её вариантах. В узком смысле явление нарушения сложившейся формы субъекта, которое оценивается им как принуждение, признается насилием. **Экстремизм** – явление, в своих метафизических смыслах сводящееся к 1) *избыточному исключению* (сублимация и рационализация жизненной и социальной энергии), 2) *неопределенности* (размывание культурных основ бытия человека и социума), 3) *жизненной и социальной чрезмерности* (чрезвычайная ситуация, кризис, пограничная ситуация)» [Римский, 2012, с. 132]. На первый взгляд и в правовых текстах российских законов обнаруживаются подобные логические связи и значения. Однако мы испытываем неудовлетворение собственными определениями и хотели бы далее их уточнить.

Прежде всего следует выстроить формально-логическую иерархию применительно и к концептам (терминам) «экстремальное», «экстрим», «экстремал», «экстремист» и «экстремизм». «Экстремальный» (от лат. *extremus, extreme* – крайний) во всех словарях определяется как крайний, сложный, трудный, необычный по трудности и сложности, опасный, выходящий из рамок обычного, предельный, рискованный, аномальный, аномальный, невообразимый, необычный, чрезмерный, глубокий, величайший, чрезвычайный и т.п. Соответственно, «экстремизм», как и весь выше обозначенный терминологический ряд связан с этими значениями и смыслами. При этом «экстремизм» определяется чаще всего весьма упрощённо, как «приверженность в политике и идеологии к крайним взглядам, мерам и действиям» [Безопасность: теория, парадигма..., с. 787; Экстремизм и его причины..., 2013], девиантная, отклоняющаяся от норм и правил деятельность и сознание человека в идеологии и политике.

Экстремизм часто не отличается от экстремальности, например, от экстремального спорта, включающего многообразие его видов: от альпинизма и гонок на аквабайках до сёрфинга, паркура и фигурного катания. Появляется соблаз отождествить экстремала с экстремистом, а сообщества экстремалов (экстремальные субкультуры) объявить экстремистскими. Таким образом, уже на уровне терминологии возникает проблема экстремистского сообщества, так как экстремисты-одиночки и даже экстремалы-одиночки в качестве предмета исследования относятся скорее к психологии или психиатрии («больные на голову»).

Следует отметить, что и экстремизм, и экстремальность, как и соответствующие им феномены, если с позиций метафизики и логики спуститься к социальной и правовой «физике», всегда предполагают некоторого *субъекта*, индивидуального или коллективного, и проблема упирается в соотношение индивидуального и общего и не может быть разрешена только формально-логическими определениями без обращения к содержательной диалектике социальной и политико-правовой реальности.

Итак, на данный момент концепт «экстремизм», как и «экстремальное», строго не представлен в научном тезаурусе, встречается только в контексте других понятий [Красиков, 2006; Руднев, 1997], а в политологическом и юридическом дискурсах трактуется упрощённо, до сих пор строго не определён, в политико-правовых текстах часто понимается достаточно прямолинейно и часто сугубо субъективистки. Например, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» локализован специфический понятийный круг, а именно: «конституционный строй», «насилие и угроза его совершения», «терроризм», «социальная, расовая, национальная, религиозная рознь», «права», «свободы», «законные интересы гражданина», «избирательные права» и т.д. А это всё относится именно к сфере гражданского общества, где речь идёт о «нормах» и «правилах», т.е. о *законах* и *праве* [Римский, 2020]. Но приведённый выше понятийный круг является очень ограниченным, так как не учитывает всей сложности социально-экономических и политико-правовых противоречий между запросами гражданского общества на социальную справедливость, самоуправление, вертикальную и горизонтальную мобильность и невозможностью реализовать данные потребности в условиях устаревших политических структур представительской демократии эпохи модерна, рождённой почти три столетия назад в Западной Европе и отражающей по-прежнему интересы частного капитала и государственной бюрократии. Вот эти противоречия в основном и проявляются в социальных протестах и деструктивной деятельности экстремистских сообществ. В таком понимании проблематики возникают определённые сложности в самом понимании буквы закона.

Законодательство об экстремизме

Продолжим критический анализ «законодательства об экстремизме». Статья 1. Основные понятия Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ определяют экстремизм как

«насильственное изменение основ конституционного строя», «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность», но при этом не даётся определение самих понятий «насилие» и «терроризм» (в научной юридической и политологической литературе часто исходят из их «феноменологической очевидности»). Уместно задать ряд вопросов: например, будут ли насилем психологические манипуляции по вовлечению индивида в ту или иную группу или организацию? И в чём же различие между «насилием» и «принуждением», «насилием» и «ненасилием» [см.: Руднев, 1997]? Будет ли насилем психологическое принуждение человека к участию в различных протестах, «мирных» и «немирных»? За примерами не надо далеко ходить: «мирные аплодисменты» на проходных белорусских предприятий, понуждающие рабочих к забастовкам – это насилие или «мирная демонстрация солидарности»? Как в данном случае квалифицировать действия силовиков, препятствующих (правовым принуждением) таким «коридорам солидарности»? Оппозиция сразу же заявила, что будто бы это – насилие над «мирным протестом», а власть объявила «нарушением закона».

Если мы рассматриваем сферу гражданского общества и соответствующие принципы правоприменения по отношению к экстремистской деятельности, то странным выглядит положение Указа Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», где обозначено: «субъекты противодействия экстремизму – федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления» [Об утверждении... 2020]. Где здесь «гражданское общество», даже если считать «органы местного самоуправления» таковыми? Мы знаем, что они пока столь же далеки от гражданского общества, как в своё время декабристы от народа.

В Указе Президента РФ от 29.05.2020 № 344 понятийные определения экстремизма и радикализма сведены к «экстремистской идеологии» и «идеологии насилия» (но радикализм гораздо сложнее, чем просто «насилие!»), что при наличии в статье 13 Конституции Российской Федерации признания «идеологического многообразия» и «необязательности» любой идеологии почти наверняка делает трудно выполнимой идентификацию экстремистской идеологии, как и идеологии радикализма. Например, существует феномен философского радикализма – будет ли он идеологией насилия, если это всего лишь «чрезмерность» мышления индивида, занятого духовным производством? Есть радикальные течения в литературе и искусстве... Экстремизм и радикализм – отнюдь не только идеологические, но даже и не только политико-правовые, а более сложные феномены, требующие междисциплинарного исследования и понимания.

Ещё больше вопросов возникает, когда мы пытаемся определить субъект экстремизма. Если экстремизм – это всегда нарушение закона, нормы и правила, то с правовой точки зрения ответственными за нарушение закона всегда будут конкретные индивиды. Так, комментированное прочтение статьи 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ говорит: «Субъектом данного преступления являются граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, достигшие 16-летнего возраста» [Комментарий к Уголовному... 2017]. Но как быть с ответственностью коллективных субъектов экстремизма? И как их определить и идентифицировать?

Следует отметить, что и здесь наблюдается понятийный разнобой и прямолинейность. Прежде всего, отсутствует строгое понимание того, что считать экстремистским сообществом. В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ в статье 282.1 мы находим такое его определение: «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его

частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности...» [Уголовный кодекс РФ... 2020]. В Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ мы читаем: «Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности» [О противодействии... 2020]. А разве до судебного запрета мы не можем достаточно достоверно установить, что та или иная «организация» или «объединение» являются экстремистскими или диагностировать его эволюцию в этом направлении? При этом в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ, как и в Указе Президента РФ от 29.05.2020 № 344, фактически исчезает понятие «экстремистское сообщество», которое гораздо шире, чем «экстремистская организация» и «экстремистское объединение». Здесь и возникает проблема соотнесения «общества» и «сообщества» с феноменом «экстремистских сообществ» и отличие последних от экстремистских организаций и объединений.

Что есть «общество», «общность» и «сообщество»?

Для осмысления того или иного феномена будет уместным обратиться к словарным и энциклопедическим статьям, чтобы распутать некоторые логические нити, ведущие из лингвистических коннотаций слов «общество», «общность» и «сообщество». Современные западные авторы (например, Ж. Дидье) дают весьма абстрактные определения: «Общество: организованное сообщество индивидов, связанных общим интересом. В более узком смысле понятие общества означает экономический обмен между индивидами, отношения интереса. Отличается от понятий общины и государства» [Дидье, 2000, с. 292]. Столь же абстрактно определяет «общество» и «сообщество» А. Конт-Спонвиль: «Общество – нечто противоположное одиночеству, точнее говоря, изоляции, рассеянию или, как говорил Гоббс, войне всех против всех. Вот почему людям необходимо общество. Они не могут жить поодиночке и не могут жить только в противостоянии одних другим. Человек может жить изолированно, говорил Маркс, но только внутри общества. Но человеческие сообщества более хрупки, чем, скажем, сообщества насекомых, потому что царящие в первых правила носят культурный характер. Это значит, что члены общества вольны нарушать или соблюдать эти правила» [Конт-Спонвиль, 2012, с. 367]. И у Ж. Дидье, и у А. Конт-Спонвиля, как и у корифея американской социологии Т. Парсонса [2002, с. 786] мы видим смысловое и терминологическое поглощение «сообщества» концептом «общество». Следует отметить, что и в более фундаментальных «марксистско-ленинских» компендиумах [Левада, 1967, с. 120; Марксистско-ленинская теория..., 1981; Марксистско-ленинская теория..., 1983] при всех обещаниях категориальной проработки марксистских понятий «общество» поглощает «сообщество» и соответствующую проблематику.

Подобный абстрактный и размытый подход к пониманию общества возник ещё тогда, когда данное понятие только формировалось в контексте теории гражданского общества, рационализированной Гегелем в «Философии права», итоговом его труде, изданном и отредактированном ещё при жизни философа [Гегель, 1990, с. 233, 228, 277]. Он включал в сферу гражданского общества экономические интересы, собственность и производство; права и свободы человека; безопасность (полиция!) и сословия (корпорации). Чуть позже он отнёс сюда и семью. Для Гегеля было важным доказать, что именно сословное представительство (особенное) становится посредствующим перед воплощением во всеобщем (принцип монархии).

Критика Марксом гегелевской философии права и теории гражданского общества уже в первых его работах и рукописях была направлена на абстрактную диалектику Гегеля, в которой «общее» подавляет в конечном «единичное» и «особенное» [Маркс, 1955, с. 309, 310]. И молодой Маркс, критикуя такую диалектику, ставит здесь, в диалектике единичного, особенного и всеобщего, проблему *прямой демократии* (хотя пока и в ограниченных рамках либерального представительства) [Маркс, 1955, с. 355]. Это и есть та проблема – как могут «все» в качестве «единичных» быть представлены через «особенное» (депутаты) во «всеобщем»? – и диллема прямого участия или парламентского представительства, которая чётко и впервые была поставлена В.И. Лениным [1969], но до сих пор никем не решена ни теоретически, ни практически. Ни в либеральной, ни в советской демократии, хотя невозможность решить данную диллему и возникает в последнее время почти во всех протестных акциях, в том числе и в «цветных революциях» [Римский, Рязанова, 2019; Римский, Аббасов, 2018].

Современная ситуация характеризуется тем, что в условиях индустриальной массофикации некогда устоявшееся деление на профессионально-сословные корпорации и социальные классы всё больше отходит на второй план, уступая место самоидентификации человека в качестве участника многочисленных субкультурных сообществ. Гражданское общество уже в XX веке в отличие от эпохи раннего индустриального модерна стратифицировано не только и не столько семьями, профессионально-сословными и классовыми корпорациями, как во времена Гегеля и молодого Маркса, сколько разнообразными субкультурными сообществами. Всё это, соответственно, меняет запросы индивидов и положение сообществ в гражданском обществе конца XX и начала XXI столетий, как и сами структуры гражданского общества.

Вульгаризация марксистских трактовок общества, классов и классового подхода не позволяет исследовать реальные процессы, происходящие в современном мире, в котором *культурно-цивилизационные «волны»* определяются не столько некими устойчивыми социальными структурами типа «классов» или «сословий», сколько субкультурными стратификациями. Общество *иерархически, вертикально организовано властной системой*, навязывает – насильственно и ненасильственно – индивидуальным и социальным субъектам и образованиям (сообществам) собственные цели и правила деятельности, хотя ассоциации, коллективы, корпорации и субкультурные сообщества могут быть организованы и *горизонтальным, сетевым* способом.

Но тогда где обитают сообщества в постоянном присутствии общества? И где здесь место экстремистским или экстремальным сообществам? Сообщества в присутствии общества всегда стремятся от него обособиться, поэтому они носят субкультурный и субсоциальный характер. Нами во многих публикациях было дано понимание субкультур, которое было связано с концептом «сообщество», а также понятие «субкультурные революции» [Римский, Аббасов, 2018; Учреждающая дискурсивность...; и др.]. Субкультурные сообщества чаще всего являются *горизонтально организованными системами*, которые со временем могут превращаться в жёсткие коллективы и корпорации, организации и объединения, в том числе тоталитарного и экстремистского толка. Поэтому нельзя подходить к исследованию протестных масс с позиций «социологии масс и толпы», которая была создана в XIX веке Г. Тардом, так как любая «толпа» так или иначе структурируется малыми сообществами и отдельными индивидами, которые и создают «броуновское движение» в социальных протестах и субкультурных революциях, а экстремистские сообщества часто структурируются с использованием манипуляций и криптократических технологий.

Заключение

В исследовании революций даже Маркс, часто указывая на сложные социальные процессы хаотизации и отката социальных систем назад, в царство отживших обще-

ственных и культурных форм, всегда стремился видеть прогресс (это была попытка соединить в марксизме либерально-демократический прогрессизм и революционный радикализм). Но революционный взрыв *всегда* ведёт и приводит к *откату назад* и *упрощению* социальных систем. Революционные взрывы, политические протесты и переходные общественные процессы всегда *чрезвычайны* и *чрезмерны* и связаны с учреждением *чрезвычайного положения* в тех или иных институализированных политико-юридических формах [Агамбен, 2005]. Именно в этих революционных взрывах и откатах появляются *антисообщества* и *контркультуры*, которые имеет смысл номинировать в качестве *экстремистских сообществ*.

И если ранее мы писали [Римский, 2012, с. 11, 36], употребляя агамбеновскую и лакановскую психоаналитическую терминологию, об *избыточном исключении* (сублимации и рационализации жизненной и социальной энергии) и *неопределённости* (размывании культурных основ бытия человека и социума), жизненной и социальной *чрезмерности* (чрезвычайная ситуация, кризис, пограничная ситуация), то здесь уместно дополнить эти определения *недостаточным* исключением, *нехваткой* «жизненной энергии». *Избыточность* жизненной энергии скорее характеризует не экстремиста, а *экстремала*, которых также достаточно в революционных, чрезвычайных ситуациях и переходных общественных состояниях: это и есть «революционеры-пассионарии» (Л.Н. Гумилёв).

Но революции никогда не совершаются без примкнувшим к ним субпассионариев, которые всегда испытывают *нехватку жизненной энергии* (и ума!). Поэтому они компенсируют свою ограниченность и убогость стремлением объединиться (сбиться) в сообщество – *антисистемное, экстремистское сообщество*, каковые часто структурируются революционными кружками, ячейками, группами, организациями и объединениями – достаточно жёсткими дисциплинированными структурами, объединёнными сетевым способом в сложные, вертикально интегрированные «революционные партии». Эти экстремистские сообщества маргиналов-субпассионариев и возглавляют экстремалы-пассионарии. Экстремал часто сам моделирует и создаёт для себя и других ситуацию сверхмерности и чрезмерности.

Экстремист всегда носитель экстремальной практики разрушения общества в «антисистемном бытии-вместе» и убийстве другого и других, часто и через самоубийство «на миру», в экстремистском сообществе...

Список источников

1. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. 2005. Словарь-справочник. URL: <http://slovari.yandex.ru/книги/Безопасность> (дата обращения: 19 мая 2021).
2. Даль В. 1881. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Том 2 (И–О). СПб., М., 634 с.
3. Дидье Ж. 2000. Философский словарь: Пер. с франц. М., Междунар. отношения, 544 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020). СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2017. В 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный). Том 4. Отв. ред. В.М. Лебедев. Изд. «Юрайт, СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
7. Конт-Спонвиль А. 2012. Философский словарь. Пер. с фр. Е.В. Головиной. М., Этерна, 752 с.

8. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. 1981. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., Наука, 463 с.
9. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. 1983. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., Наука, 535 с.
10. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. 2020. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
11. Ожегов С.И. 1987. Словарь русского языка. М., Русский язык, 796 с.
12. О противодействии экстремистской деятельности. 2020. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020.)

Список литературы

1. Аббасов Р.Г. Римский В.П., 2018. 1968 год: первая субкультурная революция. Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право», 43 (3): 437–442.
2. Агамбен Дж. 2011. Номо сасег. Чрезвычайное положение. М., Издательство «Европа», 256 с.
3. Антонян Ю.М., Ростокинский А.В., Гишинский Я.И. Экстремизм и его причины. 2013. М., Издательство «Логос», 312 с.
4. Борисов С.Н., Римский А.В. 2012. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну. Ученые записки Орловского государственного университета, 5: 114–123.
5. Борисовский А.В., Римский А.В. 2018. Дискурс экстремизма, радикализма и терроризма. Наука. Искусство. Культура, 4 (20): 98–115.
6. Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Пер. с нем. М., Мысль, 524 с.
7. Красиков В.И. 2006. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., Водолей, 496 с.
8. Левада Ю. 1967. Общество. В кн.: Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. М., Сов. энц.: 120–123.
9. Ленин В.И. 1969. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. В кн.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Политиздат: 1–120.
10. Маркс К. 1955. К критике гегелевской философии права. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. М., Политиздат: 219–368.
11. Маркс К. 1955. К критике гегелевской философии права. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. М., Политиздат: 414–429.
12. Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. М., Политиздат: 419–459.
13. Парсонс Т. 2002. О социальных системах. М., Академический Проект, 832 с.
14. Римский А.В. 2012. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма. Дис. канд. филос. наук. Белгород, 159 с.
15. Римский А.В. 2019. Молодежный экстремизм: сфера социально-правового контроля. Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право», 44 (3): 427–433.
16. Римский А.В. 2020. Экстремизм и дестабилизация гражданского общества. В кн.: Государство и гражданское общество на современном этапе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 17 октября 2019 г. Белгород: БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина: 76–81.
17. Римский А.В., Рязанова Н.А. 2019. Экстремизм и насилие в практиках «цветных переворотов»: «сакральная жертва» и «чрезвычайное положение». Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право», 44 (4): 704–713. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-704-713

18. Руднев В.П. 1997. Экстремальный опыт. В кн.: Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., Наука: 376–378.

19. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллеktуал в интерьере культурного капитала. 2017. Под ред. В.П. Римского. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.

References

1. Abbasov R.G. Rimskiy V.P., 2018. 1968: the First Subcultural Revolution. Belgorod State University Scientific bulletin Philosophy. Sociology. Law, 43 (3): 437–442. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-3-437-442.

2. Agamben Dzh. 2011. Homo sacer. Chrezvychaynoye polozheniye. [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Publ. Yevropa, 256 p.

3. Antonyan Yu.M., Rostokinskii A.V., Gilinskii Ya.I. Ekstremizm i yego prichiny. [Extremism and its causes]. 2013. Moscow, Publ. Logos, 312 p.

4. Borisov S.N., Rimskiy A.V. 2012. Kul'turno-istoricheskkiye formy religioznogo ekstremizma: ot traditsionalizma k modernu. [Cultural and Historical Forms of Religious Extremism: from Traditionalism to Modernism]. Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 5: 114–123.

5. Borisovskiy A.V., Rimskiy A.V. 2018. Diskurs ekstremizma, radikalizma i terrorizma. [Discourse of Extremism, Radicalism and Terrorism]. Publ. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura, 4 (20): 98–115.

6. Gegel' G.V.F. 1990. Filosofiya prava. [Philosophy of Law]. Translated from the Ger. Moscow, Publ. Mysl', 524 p. (in Germany).

7. Krasikov V.I. 2006. Ekstrim: mezhdistsiplinarnoye filosofskoye issledovaniye prichin, form i pattenov ekstremistskogo soznaniya. [Extreme: an interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of extremist consciousness]. Moscow, Publ. Vodoley, 496 p.

8. Levada YU. 1967. Obshchestvo. [Society]. In: Filosofskaya entsiklopediya. [Philosophical Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow, Publ. Sov. ents.: 120–123.

9. Lenin V.I. 1969. Gosudarstvo i revolyutsiya. Ucheniye marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii. [State and Revolution. The doctrine of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution]. In: Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy. [Lenin V.I. Full composition of writings]. Vol. 33. Moscow, Publ. Politizdat: 1–120.

10. Marks K. 1955. K kritike gegelevskoy filosofii prava. [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. In: K.Marks i F.Engel's. Sochineniya. [K. Marx and F. Engels. Compositions]. Vol. 1. Moscow, Publ. Politizdat: 219–368.

11. Marks K. 1955. K kritike gegelevskoy filosofii prava. [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. In: K.Marks i F.Engel's. Sochineniya. [K. Marx and F. Engels. Compositions]. Vol. 1. Moscow, Publ. Politizdat: 414–429.

12. Marks K., Engel's F. 1955. Manifest Kommunisticheskoy partii. [Manifesto of the Communist Party]. In: K.Marks i F.Engel's. Sochineniya. [K. Marx and F. Engels. Compositions]. Vol. 4. Moscow, Publ. Politizdat: 419–459.

13. Parsons T. 2002. O sotsial'nykh sistemakh [On social systems]. Moscow, Publ. Akademicheskii Proyekt, 832 p.

14. Rimskiy A.V. 2012. Kul'turno-ekzistentsial'nyye transformatsii religioznogo ekstremizma. [Cultural and Existential Transformation of Religious Extremism]. Dis. kand. filos. nauk. Belgorod, 159 p.

15. Rimskiy A.V. 2019. Molodezhnyy ekstremizm: sfera sotsial'no-pravovogo kontrolya. [Youth Extremism: the Sphere of Social and Legal Control]. Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo, 44 (3): 427–433.

16. Rimskiy A.V. 2020. Ekstremizm i destabilizatsiya grazhdanskogo obshchestva. [Extremism and Destabilization of Civil Society]. In: Gosudarstvo i grazhdanskoye obshchestvo na sovremennom etape: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 17 oktyabrya 2019 g. [State and civil society at the present stage: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, 17 October 2019]. Belgorod: BelYUI MVD Rossii imeni I.D. Putilina: 76–81.

17. Rimskiy A.V., Ryazanova N.A. 2019. Extremism and Violence in the Practices of "Color Coups": "Sacred Sacrifice" and "State of Emergency". *Belgorod State University Scientific bulletin Philosophy. Sociology. Law* 44 (4): 704–713. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-704-713
18. Rudnev V.P. 1997. Ekstremal'nyy opyt. [An Extreme Experience]. In: Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka*. [Dictionary of the culture of the twentieth century]. Moscow, Publ. Nauka: 376–378.
19. Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: Intellektual v inter'yere kul'turnogo kapitala. [Founding Discursiveness of Mikhail Petrov: The Intellectual in the Interior of Cultural Capital]. 2017. Edited by V. P. Rimsky. Moscow, Publ. Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, 456 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, младший лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor P. Rimskiy, doctor of philosophy, Professor, Professor of the Department of philosophy, cultural studies, and science of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Alexey V. Rimskiy, candidate of philosophy, second Lieutenant of police, teacher of the Department of civil law disciplines Belgorod law Putilin Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-499-505

Парадигма «эксперимент» в зарубежных конституциях и в теоретическом конституционализме

Аристов Е.В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: welfarestate1@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены вопросы о месте и значении эксперимента в сфере законодательного регулирования, государственного управления и государственной политики конституционного уровня. Автором показана существующая практика эксперимента в конституционном регулировании. В рамках анализа ряда конституций различных государств выявлены примеры конституционных положений, содержащих отсылки к понятию «эксперимент». В результате сделан вывод о том, что в конституционном праве и государственном строительстве конституционного уровня эксперимент обладает амбивалентностью: является наиболее редко артикулируемым инструментарием и одновременно имплицитно имманентен конституционному строительству и развитию.

Ключевые слова: конституционализм, конституционное право, эксперимент, конституция, конституционный дизайн.

Для цитирования: Аристов Е.В. 2021. Парадигма «эксперимент» в зарубежных конституциях и в теоретическом конституционализме. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право. 46 (3): 499–505. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-499-505

The Paradigm of the "Experiment" in Foreign Constitutions and in Theoretical Constitutionalism

Evgenii V. Aristov

Perm State University,
15 Bukireva St, 614990, Perm, Russia
E-mail: welfarestate1@gmail.com

Abstract. The article deals with the issues of the place and significance of the experiment in the field of legislative regulation, public administration and state policy of the constitutional level. The author shows the existing practice of experiment in constitutional regulation. As part of the analysis of a number of constitutions of various states, examples of constitutional provisions containing references to the concept of "experiment" were identified. As a result, it was concluded that in constitutional law and state building of the constitutional level, the experiment is ambivalent: the experiment is the most rarely articulated toolkit and at the same time is implicitly immanent in constitutional building and development.

Keywords: constitutionalism, constitutional law, experiment, constitution, constitutional design.

For citation: Aristov E.V. 2021. The Paradigm of the "Experiment" in Foreign Constitutions and in Theoretical Constitutionalism. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 499–505 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-499-505

Введение

Уже в течение десяти лет в практике правового регулирования в Российской Федерации (как на федеральном, так и региональном уровнях), а равно во многих зарубежных государствах активно задействуется экспериментальная линейка законотворческих инструментов, на сегодня еще недостаточно изученных и обоснованных правовой наукой.

Тема эксперимента в регулировании является сколь модной, столь же и мало изученной и объяснённой. Хотя постепенно число публикаций по этой теме растёт, классиков в ней не так уж и много. К их числу следует отнести работы целого ряда авторов [Сивицкий, Сорокин, 2016; Дмитрик, 2020; Ефремов и др., 2020; Дегтярев, 2020, 2021а, 2021б, 2021в, 2021г; Ефремов и др., 2020; Понкин и др., 2020а, 2020б; Понкин, Редькина, 2020; Понкин, Лаптева, 2021б].

Из указанных авторов следует выделить М.В. Дегтярева, который уже в нескольких десятках научных публикаций выстраивает собственную фундаментальную теорию нормативного экспериментирования, а также экспериментального моделирования в праве. И.В. Понкин, В.П. Куприяновский, А.И. Лаптева (Редькина) и др. активно прорабатывают экспериментальные законодательные подходы в сфере цифровизации в праве, отрабатывают теорию «регуляторных песочниц».

Однако почти никогда не затрагивается вопрос о пределах экспериментирования в исчислении уровней законодательства, а именно: возможно ли поднимать регулятивное экспериментирование на уровень конституции.

Вопрос, есть ли место эксперименту в сфере законодательного регулирования, государственного управления и государственной политики в текстах конституций, представляет высокий академический интерес. Исследованный нами массив конституций свыше 100 государств мира даёт некоторые ответы.

Общее понятие научного эксперимента

Согласно определению И.В. Понкина и А.И. Лаптевой (которого мы и станем придерживаться), «научный эксперимент – эмпирический метод научного исследования и научной проверки, состоящий в исследовательских подготовке к воспроизведению и контролируемом воспроизведении (изменении) определённого объекта (физического объекта, феномена, отношений, процесса, воздействия и т.д.) в целях получения и фиксации первичных данных об этом объекте эксперимента и, таким образом, его познания, либо в целях подтверждения или опровержения опытным путём (в том числе – в специально создаваемых условиях и с помощью специально создаваемого или привлекаемого оборудования) исходной научной гипотезы относительно поведения, онтологии или каких-то параметров этого объекта эксперимента» [Понкин, Лаптева, 2021а].

Понятие регулятивного эксперимента

Согласно определению М.В. Дегтярева (которого мы и станем придерживаться), *законодательный эксперимент* отвечает следующим существенным признакам:

1) поскольку эксперимент – это проверка гипотезы (гипотез), то в основе разработки экспериментального акта и запуска связанного с ним экспериментального законодательного процесса должна быть заложена законодательная гипотеза, на тестирование которой и направлен принимаемый в экспериментальном режиме нормативный правовой акт;

2) внешний характер (эксперимент во внутреннем (подготовительном) законодательном процессе) действия законодательного эксперимента (действия повлекут последствия, выходящие далеко за пределы законодательного органа – актора законодательного эксперимента);

3) зафиксированный конечный (как правило, достаточно короткий) срок действия принимаемого в экспериментальном режиме нормативного правового акта;

4) фреймированная (ограниченная динамическими рамками) предметно-объектная область регуляторного действия принимаемого в экспериментальном режиме нормативного правового акта с четко фиксируемыми ограничениями по территории действия и/или кругу лиц и/или кругу правоотношений, а также исключений, освобождений, автономизаций, привилегий;

5) зафиксированная обязанность проведения исследований (экспертиз) и оценок реально воплощаемых на практике векторов, градиентов, модальностей регуляторного воздействия, регуляторной результативности, валидности и эффективности (законодательного эффекта) принимаемого в экспериментальном режиме нормативного правового акта (это, помимо прочего, детерминирует существенное различие экспериментального закона и просто рассчитанного на временное действие закона); прежде всего подвергается проверке, были ли достигнуты поставленная в гипотезе цель и связанный с нею искомый результат, а при отсутствии искомого результата – причины сбоев; при этом речь идет о применении инструментов строгой и весомой научной и прикладной аналитической методологии, а не просто о субъективных суждениях или оценках;

6) зафиксированное условие конвертации нормативного правового акта из модальности «экспериментальный» в модальность «обычный, постоянного действия» или условие продолжения скорректированного эксперимента (для отложения принятия решения о конвертации, так же на зафиксированный срок) – сопрягаемость полученных результатов вышеуказанной оценки с доверительным интервалом экспертивно приемлемых результатов [Дегтярев, 2021].

Примеры конституционных норм, содержащих слова «эксперимент»

Общей нормой для многих зарубежных конституций является запрет бесчеловечных, опасных для человека и унижающих достоинство личности экспериментов (пункт «а» статьи 19 Конституции Республики Гватемала от 1985 г. [Конституции... Т. 1, 2006]), позиционирование значимого места государства в организации и проведении научных (в том числе медицинских) экспериментов (статья 60 Конституции Арабской Республики Египет от 18.01.2014 [Конституции... Т. 3, 2018], статья 147 Конституции Республики Гондурас от 11.01.1982 [Конституции... Т. 1, 2006]), определение границ биоэкспериментирования (часть 3 статьи 89 Политической Конституции Республики Эквадор от 05.06.1998 [Конституции... Т. 3, 2006]), в том числе селекционных экспериментов в сельском хозяйстве. Такого рода статей достаточно много, и нет особого смысла перечислять их, поскольку тема настоящей статьи посвящена иным вопросам.

Нас интересует отражение в текстах конституций эксперимента как набора императивов либо как масштабной активной акции (в том числе длящейся) или технологии именно в сфере законодательного регулирования, государственного управления и государственной политики. И в этом смысле соответствующие нормы в текстах конституции встречаются уже более чем редко.

Примеры конституционных норм об эксперименте в сфере законодательного регулирования, государственного управления и государственной политики

Референтно осмысливаемому тематическому горизонту встречается категория конституционных правоположений, определяющих или отражающих цивилизационные или конкретно-политические основы государственного строительства и развития.

Так, преамбула ранее действовавшей Конституции Арабской Республики Египет от 11.09.1971 (ред. от 1980 и 2007 гг.) содержала следующие слова: «Наш народ прошел через успешные эксперименты, в то же время предлагает богатый опыт на национальном и международном уровне, которым он руководствовался. Эти эксперименты нашли завершающее выражение в революции 23 июля, руководимой союзом трудовых сил нашего сражающегося народа. Этот народ сумел путем глубокого осознания и подлинными чувствами сохранить истинную суть этой революции, непрерывно освобождать ее путь и реализовать посредством полного соединения науки и веры политическую и социальную свободу, национальную независимость и свое объединение, с одной стороны, и борьбу против всех сил и остатков репрессии, господства и эксплуатации, с другой стороны» [Конституции... Т. 3, 2010]. В Конституции Арабской Республики Египет от 18.01.2014 [Конституции... Т. 3, 2018] это положение уже отсутствовало.

Преамбула ранее действовавшей Конституции Китайской Народной Республики от 17 января 1975 г. (действовала в течение 1975–1978 гг.) [Конституционные... 2014] включала сентенцию: «Мы должны развивать три великих революционных движения, – классовую борьбу, борьбу за производство и *научного эксперимента*». Преамбула ранее действовавшей Конституции Китайской Народной Республики от 7 марта 1978 г. (действовала в течение 1978–1982 гг.) [Конституционные... 2014] включала схожую сентенцию: «В соответствии с главной линией Коммунистической партии Китая в течение всего исторического периода социализма общая задача для народа страны в этот новый период заключается в следующем: упорно продолжать революцию, опираясь на диктатуру пролетариата, развивать три основных революционных движения классовую борьбу, борьбу за производство и *научный эксперимент* и к концу столетия превратить Китай в великое и сильное социалистическое государство с современным сельским хозяйством, промышленностью, национальной обороной, наукой и техникой».

Преамбула Закона о Конституции Королевства Свазиленд (Эсватини) от 25.07.2005 (ред. от 25.07.2005) [Конституции... Т. 3, 2019] гласила: «Поскольку Мы, народ Королевства Свазиленд, настоящим с Божией милостью предпринимаем попытку начать заново в рамках нового конституционного управления...; принимая во внимание... политические эксперименты и собрания Сибая, которые учреждались и предпринимались в последние тридцать лет в поисках устойчивого внутреннего политического порядка...».

С чистым попаданием в тему экспериментального регулирования мы, пожалуй, обозначим только статью 37-1 Конституции Французской Республики, гласящую: «Закон и регламент могут содержать, по ограниченному предмету ведения и на ограниченный срок, положения экспериментального характера» [Конституция Французской Республики, 2009].

Выборка таких примеров (а если брать референтные нормы, подходящие по смыслу, хотя и не содержащие напрямую слова «эксперимент», таких будет обнаружено много более) преследует далеко не праздные интересы, а обладает вполне конкретной привязкой к целому полю экспериментирования с конституционным дизайном.

Строго говоря, любой правящий режим является своего рода экспериментом. Неслучайно Авраам Линкольн признавал, выступая на специальной сессии Конгресса, созванной для борьбы с восстанием: «Наше народное правительство часто называют экспериментом. Два пункта в нем наши люди уже определили – успешное создание и успешное

управление им. Один все еще остается – его успешное поддержание против грозной внутренней попытки свергнуть его» (цит. по: [Поллак, 1975]).

Но более это интересно не в ретроспекции, а в перспективном взгляде.

Майкл С. Дорф и Чарльз Ф. Сэйбел [1998] выстраивают концепт демократического экспериментализма, при котором власть децентрализована, чтобы позволить гражданам и другим участникам использовать свои местные знания для решения своих индивидуальных проблем, но при этом региональные и национальные координационные органы требуют от акторов делиться своими знаниями с другими, сталкивающимися с аналогичными проблемами. Авторы утверждают, что этот тип самоуправления в настоящее время появляется в таких разнообразных условиях, как регулирование атомных электростанций, общественная полиция, закупка сложной военной техники, экологическое регулирование. Переход к демократическому экспериментализму, по их мнению, обещает сократить расстояние между мэдисонским идеалом ограниченного правительства, обеспечиваемого сложным разделением властей, и правительственной реальностью, характерной для синтетического нового публичного управления, в котором всемогущий Конгресс делегирует большую часть своих полномочий экспертным агентствам, которые проверяются судами, когда они нарушают права личности, но в остальном предполагается, что они действуют в общественных интересах. Майкл С. Дорф и Чарльз Ф. Сэйбел утверждают, что сочетание децентрализации и взаимного мониторинга, присущее демократическому экспериментализму, лучше защищает конституционный идеал, чем доктрины федерализма и разделения властей, которые настолько расходятся с текущими обстоятельствами, что суды признают бесполезность их последовательного применения на практике, ограничиваясь в принципе отрывочными декларациями об их действительности [Дорф, Сэйбел, 1998]. Анализ этого концепта показывает его небезынтересность, наличие в нём рациональных зёрен, хотя он, возможно, и не отстроен прет-а-порте, говоря языком высокой моды, то есть не доведён до технической способности быть реализованным, что называется, уже завтра.

И таких концептов на сегодня представлено и обсуждается весьма немало.

Заключение

Исследованный нам массив конституций свыше 100 государств и анализ научной литературы по конституционализму позволяют интегрально сделать вывод о том, что в конституционном праве и государственном строительстве конституционного уровня эксперимент обладает амбивалентностью: это одновременно и наиболее редко артикулируемый инструментарий, и инструментарий, имплицитно имманентный конституционному строительству и развитию, потому что конституционный дизайн ни в одном государстве не имеет, образно говоря, «высеченного в камне» (или «отлитого в бронзе») неизменного вида. Это всегда путь проб и ошибок, более чем активного поиска решений, экспериментов.

Список источников

1. Конституции государств Азии: В 3 т. Т.1: Западная Азия. 2010. Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Норма, 2010. 544 с.
2. Конституции государств Америки: В 3 т. Т. 1: Северная и Центральная Америка. 2006. Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 832 с.
3. Конституции государств Америки: В 3 т. Т. 3: Южная Америка. 2006. Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1168 с.
4. Конституции государств Африки и Океании. Т. 1: Северная и Центральная Африка. 2018. Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 952 с.

5. Конституции государств Африки и Океании: сборник. Т. 3: Южная Африка. 2019. Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 992 с.

6. Конституционные акты Китая : хрестоматия. 2014 / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 190 с.

7. Конституция Французской Республики. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf.

Список литературы

1. Дегтярев М.В. 2021а. Концепт регуляторного эксперимента в правовых позициях судебных инстанций США. Право и государство: теория и практика, 5: 154–158.

2. Дегтярев М.В. 2021б. Применение эксперимента в законодательной практике: опыт Китайской Народной Республики. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 1: 11–19.

3. Дегтярев М.В. 2021в. Применение эксперимента в законодательной практике: опыт Польши и Финляндии. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2: 22–30.

4. Дегтярев М.В. 2021г. Экспериментальное законодательство: вопросы теории. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46 (1): 126–133.

5. Дегтярев М.В. 2021д. Экспериментальное законодательство: некоторые концептуальные подходы к объяснению. Государственная служба, 23 (2): 16–23.

6. Дегтярев М.В. 2020. Экспериментальные правовые режимы: постановка научной проблемы. Право и государство: теория и практика, 11: 152–155.

7. Дмитрик Н.А. 2020. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект. Закон, 6: 64–72.

8. Ефремов А.А., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. М.: Дело, 2020. 126 с.

9. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морева С.Л., Понкин Д.И. 2020а. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология. *International Journal of Open Information Technologies*, 8(8): 60–68.

10. Миронов А. 2009. Эксперимент в правовой сфере. Государственная служба, 5: 115–116.

11. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Понкин Д.И. 2020б. Fintech, Regtech и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы. Современные информационные технологии и ИТ-образование, 16(1): 224–234.

12. Понкин И.В., Лаптева А.И. 2021а. Методология научных исследований и прикладной аналитики. М., Буки Веди, 567 с. URL: <http://moscou-ecole.ru/2021/01/31/methodology-sci-research/>.

13. Понкин И.В., Лаптева А.И. 2021б. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве. М.: Буки Веди, 174 с. URL: http://moscou-ecole.ru/wp-content/uploads/2021/03/Ponkin_Lapteva_Law-and-Digital-2021.pdf.

14. Понкин И.В., Редькина А.И. 2020. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВІМ) в праве. Государственная служба, 22(2): 64–69.

15. Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. 2016. Правовой эксперимент и развитие права. Право: журнал Высшей школы экономики, 4: 15–30.

16. Dorf M.C., Sabel C.F. 1998. A Constitution of Democratic Experimentalism. *Columbia Law Review*, 98: 267–473.

17. Pollak L.H. 1975. The Constitution as an experiment. *University of Pennsylvania Law Review*, 123: 1318–1341.

References

1. Degtyarev M.V. 2021a. Koncept reguljatornogo eksperimenta v pravovyh pozicijah sudebnyh instancij SSHA [The concept of a regulatory experiment in the legal positions of the US courts]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 5: 154–158.

2. Degtyarev M.V. 2021b. Primenenie eksperimenta v zakonodatel'noj praktike: opyt Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Application of the experiment in legislative practice: the experience of the People's Republic of China]. *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 1: 11–19.

3. Degtyarev M.V. 2021v. Primenenie eksperimenta v zakonodatel'noj praktike: opyt Pol'shi i Finlyandii [Application of the experiment in legislative practice: the experience of Poland and Finland]. YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii, 2: 22–30.
4. Degtyarev M.V. 2021g. Eksperimental'noe zakonodatel'stvo: voprosy teorii [Experimental legislation: questions of theory]. Nomotnetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 46 (1): 126–133.
5. Degtyarev M.V. 2021d. Eksperimental'noe zakonodatel'stvo: nekotorye konceptual'nye podhody k ob'yasneniyu [Experimental legislation: some conceptual approaches to explanation]. Gosudarstvennaya sluzhba, 23 (2): 16–23.
6. Degtyarev M.V. 2020. Eksperimental'nye pravovye rezhimy: postanovka nauchnoj problem [Experimental legal regimes: formulation of a scientific problem]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 11: 152–155.
7. Dmitrik N.A. 2020. Eksperimental'nye pravovye rezhimy: teoretiko-pravovoj aspect [Experimental legal regimes: theoretical and legal aspect]. Zakon, 6: 64–72.
8. Efremov A.A., Dobrolyubova E.I., Talapina E.V., YUzhakov V.N. 2020. Eksperimental'nye pravovye rezhimy: zarubezhnyj opyt i rossijskij start [Experimental legal regimes: foreign experience and Russian start]. M., Publ.: Delo, 126 p.
9. Ponkin I.V., Kupriyanovskii V.P., Moreva S.L., Ponkin D.I. 2020a. Podryvnye tekhnologicheskie innovacii: ponyatie, znachenie i ontologiya [Disruptive technological innovations: concept, meaning and ontology]. International Journal of Open Information Technologies, 8(8): 60–68.
10. Mironov A. 2009. Eksperiment v pravovoj sfere [An experiment in the legal sphere]. Gosudarstvennaya sluzhba, 5: 115–116.
11. Ponkin I.V., Kupriyanovskij V.P., Ponkin D.I. 2020b. Fintech, Regtech i regulatorynye pesochnicy: ponyatie, cifrovaya ontologiya, perspektivy [Fintech, Regtech and regulatory sandboxes: concept, digital ontology, prospects]. Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie, 16(1): 224–234.
12. Ponkin I.V., Lapteva A.I. 2021a. Metodologiya nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki [Methodology of scientific research and applied analytics]. M., Publ.: Buki Vedi, 567 p. URL: <http://moscou-ecole.ru/2021/01/31/methodology-sci-research/>.
13. Ponkin I.V., Lapteva A.I. 2021b. Pravo i cifra: Mashinochitaemoe pravo, cifrovye modeli-dvojniki, cifrovaya formalizaciya i cifrovaya onto-inzheneriya v prave [Law and Digital: Machine-readable law, digital twin models, digital formalization and digital onto-engineering in law]. M., Publ.: Buki Vedi, 174 p. URL: http://moscou-ecole.ru/wp-content/uploads/2021/03/Ponkin_Lapteva_Law-and-Digital-2021.pdf.
14. Ponkin I.V., Red'kina A.I. 2020. Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie: metod cifrovyh modelej-dvojnikov (BIM) v prave [Digital public administration: the method of digital twin models (BIM) in law]. Gosudarstvennaya sluzhba, 22(2): 64–69.
15. Sivickij V.A., Sorokin M.YU. 2016. Pravovoj eksperiment i razvitie prava [Legal experiment and development of law]. Pravo: zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki, 4: 15–30.23.
16. Dorf M.C., Sabel C.F. 1998. A Constitution of Democratic Experimentalism. Columbia Law Review, 98: 267–473.
17. Pollak L.H. 1975. The Constitution as an experiment. University of Pennsylvania Law Review, 123: 1318–1341.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аристов Евгений Вячеславович, доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenii V. Aristov, Associate Professor, Doctor of Law, Professor of the Administrative and Constitutionale Law Department of Perm State University, Perm Russia.

УДК 348.01/.07

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-506-515

История научных исследований в каноническом праве в России в XVIII – начале XX века

Баган В.В., священник

Смоленская Православная Духовная Семинария
Смоленской Епархии Русской Православной Церкви,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Тимирязева, 5
E-mail: baganvlad@mail.ru

Аннотация. Представлен обзор истории научных исследований в каноническом праве в Российской Империи в период кон. XVIII – нач. XX вв. Преподавание церковного права в российских духовных и светских учебных заведениях имело своим последствием появление всё новых и всё более многочисленных научных трудов по этому предмету. Автор анализирует развитие методов, подходов, ведущих направлений дисциплины «каноническое право». Историю научных исследований канонического права в России можно разделить на несколько этапов. В первый, узко богословский период (конец XVIII в. – 50-е гг. XIX в.) каноническое право формировалась исследователями духовного направления. В 60-х гг. XIX в. произошло смещение церковноправовых исследований из сферы богословия в область юриспруденции. Это связано с активным изучением дисциплины канонического права светскими юристами. Автор фиксирует изменение тематических приоритетов и ведущих исследовательских областей в процессе развития научной дисциплины «церковное право» в Российской Империи в XIX в.

Ключевые слова: церковное право, каноническое право, система церковного права, источник церковного права, наука церковного права, богословская дисциплина, Российская империя.

Для цитирования: Баган В.В., свящ. 2021. История научных исследований в каноническом праве в России в XVIII – начале XX века. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 506–515. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-506-515

The History of Scientific Research in Canon Law in Russia in the 18th – early 20th Centuries

Vladislav V. Bagan, Priest

Smolensk Theological Seminary,
5 Timiryazev St, Smolensk, 214000, Russia
E-mail: baganvlad@mail.ru

Abstract. The article presents an overview of the history of scientific research in canon law in the Russian Empire in the period of the late 18th – early 20th century. The teaching of church law in Russian ecclesiastical and secular educational institutions has resulted in the appearance of more and more numerous scientific works on this subject. The author analyzes the development of methods, approaches, leading directions of the discipline "canon law". The history of scientific research of canon law in Russia can be divided into several stages. In the first, narrowly theological, period (the end of the 18th century–the 50s 19th century) canon law was formed by researchers of the spiritual direction. In the 60s of the 19th century. There has been a shift in church law research from the field of theology to the field of jurisprudence. This is due to the active study of the discipline of canon law by secular lawyers. The author records the change of thematic priorities and leading research areas in the development of the scientific discipline "church law" in the Russian Empire in the nineteenth century.

Keywords: ecclesiastical law, canon law, the system of ecclesiastical law, the source of ecclesiastical law, the science of ecclesiastical law, theological discipline, the Russian Empire.

For citation: Bagan V.V., priest. 2021. The History of Scientific Research in Canon Law in Russia in the 18th – early 20th Centuries. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 506–515 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-506-515

Введение

Областью истории научных исследований в каноническом праве в России в XVIII – начале XX века активно занимались такие ученые-канонисты рубежа XVIII–XX вв., как М.А. Остроумов [1893], П.А. Прокошев [1895], И.С. Бердников [1903]. Среди современных правоведов постсоветского периода проблематикой становления канонического права как научной дисциплины занималась А.А. Дорская [2008]. Изучение истории научных исследований в области канонического права в России важно потому, что за короткий период с кон. XVIII до нач. XX века эта дисциплина претерпела ряд фундаментальных изменений. М.А. Остроумов в историко-каноническом обзоре «Очерк православного церковного права» [1893] дал четкую периодизацию истории канонического права как научной дисциплины. Каноническое право последовательно прошло три стадии: критико-экзегетическую (1776–1814 гг.), богословскую (1814–1869 гг.) и юридическую (с 1870 г.) [Остроумов, 1893, с. 89–90].

К XVIII в. был зафиксирован факт заинтересованности светских исследователей в предметной сфере церковного права. Исследовательская работа, связанная с областью канонического права, заключалась в изучении и публикации церковноправовых источников. В 1744 г. ректору Московской славяно-греко-латинской академии архимандриту Порфирию (Крайскому) было поручено сличать с правилами святых отцов издание Номоканона, опубликованного в Киево-Печерской типографии в 1624 г. Многие книги и переводы канонического содержания, напечатанные в московской типографии в первой половине XVIII в., проходили цензуру в Московской Духовной Академии [Смирнов, 1855]. На начальном этапе своего существования богословская дисциплина канонического права представляла из себя последовательную экзегезу церковных правил из Кормчей. К этим толкованиям в рамках одного учебного предмета добавлялось изучение Книги о должностях пресвитеров приходских [Знаменский, 1881], заменявшей тогда предмет пастырского богословия.

К началу XIX в. система канонического права еще не сформировалась, поэтому познания в этой области «приобретались в Российской Церкви почти только частным упражнением любителей церковного благоустройства и опытом в церковных судилищах, а не наставлением в училищах духовных» [Чистович, 1857, с. 422]. Каноническое право оставалось сферой начетнических интересов и практическим ответвлением церковного суда. Уже существовали первые попытки систематизации знания канонического права. Некоторые разделы канонического права читались в Казанской духовной академии при прохождении философских наук преподавателем Б. Поликарповым в нач. XIX в. [Благовещенский, 1875].

Теологическое направление церковного права

1814 год стал датой рождения канонического права как самостоятельной дисциплины в России. Именно в этом году Комиссией духовных училищ было издано следующее предписание: академическое правление обязуется составить по каноническому праву «краткую систему», куда бы входили правила «св. апостолов, соборов и отцов» и Духовный Регламент как правовой документ, регулирующий жизнь Православной Церкви в Российском государстве. Делалось пояснение, что, хотя само по себе каноническое право

не игнорировалось ранее и частично изучалось вместе с догматикой, тем не менее «системы права не было составлено» [Чистович, 1857, с. 291].

В начале необходимо отметить исследовательскую деятельность святителя Филарета Московского. В 1814 г. ректор Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов) составил для второго курса академии конспект по всему спектру богословских дисциплин, в том числе по церковному праву. Данное учебное пособие получило следующее название: «Обозрение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах» [Филарет Дроздов, 1814]. Опыт архимандрита Филарета был не самостоятельным и обладал сугубо богословским характером, без отсылок к юриспруденции.

Положительный импульс интенсивному становлению канонического права как самостоятельной учебной дисциплины дали многочисленные труды по церковной истории и различным областям теологии в XIX в. Вышеупомянутый митрополит Платон (Левшин) в своем пособии «Краткая церковная российская история» [1805] часто обращался к области канонического права в преломлении отечественной истории. А пятитомный «Церковный словарь» П.А. Алексеева (одобрен митрополитом Платоном) закрепил ряд дефиниций таким значимым понятиям канонического права, как «закон», «законоучитель», «закон веры», «канон», «канонник», «правило», «правда» и др. [Алексеев, 1817–1819] Традицию исторических обозрений митрополита Платона (Левшина) в 1820-е гг. продолжили митрополит Евгений (Болховитинов) в работе «Историческое обозрение российского законоположения» [1826] и Г.А. Розенкамф в монографии «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» [1829]. Как и в предыдущем столетии, развитию канонического права поспособствовали многочисленные публикации источников церковного права. Важнейшим событием стало издание в 1839 г. сборника канонов «Книга Правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец» [Книга правил, 1839]. Далее в 1843–1848 гг. издавался многотомник «Творения святых отцов» [1843–1915], который хотя и не был посвящен непосредственно каноническому праву, содержал немалые объемы референтных толкований.

Среди общих работ по теологии, поспособствовавших развитию канонического права как самостоятельной учебной дисциплины, следует упомянуть труд митрополита Макария (Булгакова) «Введение в православное богословие» [1884]. Своим «Введением...» митрополит Макарий обеспечил и движение в области канонического права. Многие канонисты впоследствии брали за основу систему церковного права, предложенную митрополитом Макарием (Булгаковым) [Прокошев, 1895].

Современные исследователи объясняют резкое увеличение с 40-х гг. XIX в. монографий по церковному праву Русской Церкви обстоятельствами политического характера. Период с 1770 до 1840 г. обозначился смягчением правового положения для иных христианских конфессий. Российская Империя предоставила больше обязанностей, прав и институциональных структур, чем уже имели православные. Это и было одним из важных факторов, воздействовавших на усиление изучения церковного права.

Новаторами в области развития канонического права стали учебные заведения Киева. До середины XIX в. характер преподавания дисциплины канонического права не зависел от утвержденного учебной программой плана. В 1837 г. в Киевском университете была учреждена кафедра церковного права, которую возглавил протоиерей Иоанн Скворцов. В том же году Киевская духовная академия предложила ввести в преподавательскую программу науку церковного права, поручив её все тому же отцу Иоанну, как уже занимающемуся данным предметом в другом высшем учебном заведении [Аскоченский, 1863]. В 1848 г. был опубликован церковноправовой учебник «Записки по церковному законоведению» за авторством протоиерея Иоанна Скворцова [1848]. Как дореволюционные исследователи [Прокошев, 189], так и современные историки церковного права [Цыпин,

2012] считают данное пособие первой попыткой систематического изложения церковного права, первым русским учебником по каноническому праву.

В Петербургской духовной академии такой отдельной дисциплины, как церковное право не было до 1842 г. Ранее она соединялась с догматическим богословием [Чистович, 1857]. В 1842 г. каноническое право (церковное законоведение) получило значение самостоятельной науки и учебной дисциплины с поручением её наставнику – архимандриту Иоанну (Соколову) [Чистович, 1857]. Кафедра церковного законоведения стала действовать там к 1844 г. [Русский архив, 1871, с. 490] Архимандрит Иоанн (Соколов) в декабре 1844 г. был переведен в Петербургскую академию на кафедру каноники, которую и преподавал по 1854 г. включительно. На основании лекций по церковному законоведению было составлено учебное пособие «Опыт курса церковного законоведения» [Русский архив, 1871, с. 491], за которое архимандрит Иоанн (Соколов) получил степень доктора богословия, репутацию первого русского канониста и «отца новой науки православного церковного права» [Никодим Милаш, 1897, с. 25]. Эту работу он превратил в полноценный учебник, увидевший свет в 2 томах ещё в 1851 г. [Иоанн Соколов, 1851] Продолжение этого его труда вышло отрывками в «Православном собеседнике» в 1858–1863 гг. и в «Христианском чтении» в 1863–1866 гг. [Русский архив, 1871, с. 491] Учебник архимандрита Иоанна (Соколова) явился «первой серьёзной попыткой не компилятивного, а научного изложения системы церковного права» и отличался «ясностью изложения, богословской глубиной интерпретации древних канонов, проницательным историзмом в оценке источников» [Цыпин, 2012, с. 390].

В 1844 г. профессор богословия и канонического права в Казанском университете архимандрит Гавриил (Воскресенский) опубликовал небольшую работу «Понятие о церковном праве и его история», которое стало впоследствии классическим введением в предмет «церковного права» [Воскресенский, 1844]. Архимандрита Гавриила прежде всего волновало концептуальное разграничение «церковного права». Он представил систему церковного права, состоящую из нескольких концептуальных областей: право церкви вообще, церковных лиц, церковных вещей, священнодействия, церковного судоустройства [Воскресенский, 1844, с. 5-6]. Можно смело утверждать, что данное тематическое разделение стало господствующим впоследствии в дисциплине канонического права.

В 1868 году вышла программная статья «О судьбе науки церковного права» известного правоведа, профессора Московского университета Н.К. Соколова [1868], а в 1870 году другая публикация – «О влиянии Церкви на историческое развитие права» [1870]. В 1874 году увидел свет его авторский учебный курс «Из лекций по церковному праву» [1874–1875]. Учебное пособие «Из лекций по церковному праву» отличалось «ясностью изложения и основательностью» [Цыпин, 2012, с. 390]. Но скоропостижная смерть помешала профессору издать весь курс. Опубликованы лишь введение и первая часть (состав церковного общества). Как отмечают дореволюционные исследователи, профессор Н.К. Соколов был приверженцем теологического направления «канонического права» и продолжателем концепции Преосвященного Иоанна (Соколова) [Остроумов, 1893, с. 113].

Необходимость создания «полной и цельной системы науки церковного права» отмечал в 1882 г. профессор богословия в Военно-Юридической академии, священник Михаил Альбов [1882]. Интересно, что сам профессор Альбов в своем «Кратком курсе лекций по церковному праву» от изложения «полной и цельной системы науки церковного права» отказался в пользу отражения лишь «существенного – государственных и церковных законов» в отношении церковной жизни [Альбов, 1882, с. 4]. Труд Альбова демонстрирует то, какой мощный скачок совершила научная дисциплина «церковное право» буквально за полстолетия; некоторые разделы «Краткого курса...», в частности посвя-

щенные области церковной власти и исследованию церковных источников, до сих пор выглядят актуально.

Юридическое направление церковного права

Ярким защитником юридического направления в развитии церковного права стал профессор Н.С. Суворов. Хотя Н.С. Суворов и отрицал нахождение церковного права в реестре теологических наук, он признавал важность догматических формулировок как Церкви в целом, так и церковных институций в частности. Н.С. Суворова можно считать одним из основоположников отечественной науки церковного права и ярчайшим представителем юридического подхода в этой учебной дисциплине. Н.С. Суворов как апологет юридического направления отмечал «неизбежное сближение начал церковного права с воззрениями времени, со светским правосостоянием и, следовательно, с наукой права в обширном смысле» [1876]. В 1877 году вышла вступительная лекция Н.С. Суворова по церковному праву, предвещающая последующие старания в этой области [1877]. Публикацию фундаментального труда «Курс церковного права» Н.С. Суворова можно считать вершиной его исследовательской карьеры. В 1889 году вышел первый том «Курса церковного права» Н.С. Суворова [1889]. Его структура традиционно раскрывалась вводными темами: понятие и определение церковного права, место церковного права в системе наук, источники церковного права. Второй том включал уже изложение конкретных явлений церковного права: церковное управление, церковное устройство, внешнее право Церкви [Суворов, 1890]. Н.С. Суворов предвещает вторую книгу «Курса церковного права» интересным замечанием: западное церковное право и ее богатый опыт, ввиду своего юридически ориентированного построения, должны оцениваться как «отправная точка для целесобразного освещения институтов русского церковного устройства» [Суворов, 1890, с. 1]. Его учебное пособие было хорошо тем, что в нем был переработан громадный массив материалов, связанный с достижением западноевропейской науки. «Курс церковного права» Н.С. Суворова в дореволюционный период переиздавался целых пять раз. Курс церковного права» Н.С. Суворова воспринимался исследователями как продолжение научной линии священника Михаила Альбова [Прокошев, 1895].

Профессор Н.А. Заозерский – один из наиболее известных церковных правоведов XIX в. и автор многочисленных монографий по церковному праву. Главной концептуальной работой, где можно было раскрыть авторское понимание церковного права как научной дисциплины, является его монография «Право православной греко-восточной русской церкви как предмет специальной юридической науки» [1888]. В данной монографии он пошел от общего к частному, проанализировав прежде всего категорию права, исследовав все вводные темы, касающиеся правоведения: происхождение права, классификация права, виды права, публичное и частное право.

Профессор Императорского Санкт-Петербургского университета протоиерей М.И. Горчаков не оставил учебного пособия по церковному праву. Тем не менее на основании его лекций можно охарактеризовать видение проблемы систематизации церковного права [Горчаков, 1894].

Профессор кафедры церковного права Таврического университета Михаил Андреевич Остроумов предложил оригинальную периодизацию истории церковного права как научной дисциплины, состоящую из трех стадий: критико-экзегетической, богословской и юридической [Остроумов, 1893, с. 89]. М.А. Остроумов также ввел трехчастную систему церковного права: «публичное церковное право – нормы регулируют отношения внутри церковного общества как целого; частное церковное право – нормы регламентируют приватную жизнь верующих; общее церковное право – нормы регулируют деятельность от-

дельных корпораций, в частности, приходских общин или монастырей» [Остроумов, 1893, с. 43]. Остроумов предложил общее введение к церковному праву и систематизировал памятники церковного права.

Самым выдающимся учебным пособием рубежа XIX–XX вв. стала публикация «Курса церковного права» профессора А.С. Павлова. Это издание было осуществлено по-смертно в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в 1902 г. как итог отдельных публикаций на протяжении 1899–1902 гг. в журнале «Богословский вестник» [Павлов, 1902]. В пособии Павлова уже видна ясная система и четкая структура церковного права. Учебник А.С. Павлова состоит из традиционных разделов: источники церковного права; церковное устройство; церковное управление; внешнее право церкви [Павлов, 1902, с. 7]. Коллега А.С. Павлова, профессор И.С. Бердников положительно оценивал работу «Курса церковного права»: «изложение ясное, доступное всякому, стройное, увлекательное... система одна из лучших» [Бердников, 1903, XX]. И действительно, означенный «Курс церковного права» знакомил со всеми основными областями церковного права.

Профессор М.Е. Красножен оставил большое количество работ, посвященных области церковного права. В «Кратком очерке церковного права» [1900], учебном пособии, опубликованном в 1900 г., ученый предложил собственную систему церковного права: общие основы церковного права, источники церковного права; внешнее право церкви; внутреннее право Церкви (устройство Церкви и церковное управление). М.Е. Красножен считал, что в задачу церковного права входит необходимость «построить систему основных законов церковного устройства, управления и жизни на основании собственных положительных церковных начал и собственных источников» [1900, с. 10]. Профессор М.Е. Красножен ввел наиболее четкую классификацию источников церковного права [1900, с. 37–42]. Ее можно идентифицировать как «историческую». Источники церковного права в России классифицировались на три типа: унаследованные от греко-восточной Церкви; русское церковное законодательство; государственное законодательство по делам Церкви.

В 1880-е гг. вышло несколько значимых для исследуемого тематического горизонта трудов профессора И.С. Бердникова. На примере этого исследователя церковного права можно проследить развитие отечественной науки права в последние два десятилетия XIX в. В 1885 году вышла вводная лекция И.С. Бердникова по церковному праву [1885]. Далее, в 1888 г. выходит передовое на тот момент пособие «Краткий курс церковного права Православной греко-российской церкви с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права» [1888]. И.С. Бердников выдвигает самобытную систему «церковного права», состоящую из обширного числа разделов, куда входят определение церковного права как совокупности норм Церкви (ни относится к публичному или частному праву), источники церковного права и собрания церковных правил и пр. [1888, с. 1]. Учебник И.С. Бердникова «Краткий курс...» был переиздан со значительными изменениями и дополнениями в 1903 году [1903]. Труд увеличился в размерах и был поделен на две части. Первая часть была посвящена тематике источников церковного права. Вторая часть учебника была посвящена конкретной проблематике и явлениям церковного права, и вышла в 1913 г. [1913] Бердников ввел раздел о церковно-имущественном праве, сильно увеличил раздел церковно-государственных отношений, используя исторические прецеденты мировой и Российской истории, поместил «много нового материала о религиозно-просветительных и богослужебных полномочиях церковной власти» [1913]. «Краткий курс...» называют самым полным из учебников церковного права того времени [Цыпин, 2012, с. 390].

Вышеперечисленные труды выступили своего рода фундаментом для дальнейшего построения научной системы «канонического права».

Заключение

Историю научных исследований «канонического права» в России можно разделить на несколько этапов. В первый «узко богословский» период (конец XVIII в. – 50-е гг. XIX в.) «каноническое право» формировалась учёными-канонистами, принадлежащими духовному сословию. Исследовательский вектор был направлен в сторону систематического изучения источников «канонического права». Уже наметились попытки создания целостной концепции «канонического права» и выявления методологии представленной дисциплины. «Каноническое право» развивалось в фарватере теологических исследований. В 60-х гг. XIX в. происходит смещение церковноправовых исследований из сферы богословия в область юриспруденции. Это связано с активным изучением дисциплины «канонического права» светскими юристами. Тем не менее основы юридического направления в изучении «канонического права» заложены арх. Гавриилом (Воскресенским).

Далее попытки научной систематизации в области «канонического права» были предприняты в трудах отечественных канонистов Н.К. Соколова, М.И. Горчакова, М.П. Альбова, М.А. Остроумова, Н.С. Суворова, И.С. Бердникова, А.С. Павлова, М.Е. Красножена, Н.А. Заозерского и др. Подход данных исследователей связан с использованием юридических категорий и методологии для построения научной дисциплины «канонического права». Каждая система «канонического права» зависела от концептуальных предпочтений конкретного исследователя. Большинство отечественных канонистов пользовались наработками западноевропейских ученых. На протяжении XIX в. менялись тематические приоритеты, поэтому к концу столетия основными исследовательскими темами стали: корреляция светского и церковного права, место церковного права в структуре гуманитарных наук, влияние западноевропейских правовых институтов.

К концу XIX в. исследовательская область церковного права все более расширяется под воздействием общественных и законодательных изменений. Вне зависимости от направления церковного права предметом изучения этой науки стали конкретные институты, как церковно-имущественное право, пенитенциарное учреждение Церкви, семейное право, церковно-процессуальное право. Актуальными становятся вопросы существования и правового положения иных христианских конфессий в Российской Империи, гражданский статус и права российских подданных иных вероисповеданий, вопросы брака и семейного права, правовое положение приходов.

Список источников

1. Алексеев П. А. 1817–1819. Церковный словарь. СПб., Типография Ивана Глазунова.
2. Альбов М., священник. 1882. Краткий курс лекций по церковному праву. СПб., Типография В.С. Балашева, 249 с.
3. Бердников И.С. 1888. Краткий курс церковного права Православной Греко-российской Церкви с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права, составленный Профессором И.С. Бердниковым. Казань, Типография Императорского Университета, 468 с.
4. Бердников И.С. 1903. Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, Типография Императорского Университета, 324 с.
5. Бердников И.С. 1913. Краткий курс церковного права Православной церкви. Казань, Типография Императорского Университета, 1145 с.
6. Горчаков М.И., протоиерей. 1894. Записки церковного права по лекциям, читанным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета протоиереем М.И. Горчаковым, изданные студентами университета в 1893–1894 гг. СПб., 349 с.
7. Книга Правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец. 1839. СПб., Синодальная типография, 408 с.

8. Павлов А.С. 1902. Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А.С. Павлова, чит. в 1900–1902 г. Сергиев Посад, Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 539 с.
9. Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке Петром Бартеневым. Год девятый (1871). М., Типография Грачева, 2228 с.
10. Соколов Н.К. Из лекций по церковному праву. Вып. 1–2. М., Университетская типография, 1874–1875.
11. Суворов Н.С. 1877. Вступительная лекция по церковному праву. Ярославль.
12. Суворов Н.С. 1889. Курс церковного права в 2-х томах. Ярославль, Типолиитография Г. Фальк, 382 с.
13. Суворов, Н.С. 1890. Курс церковного права в 2-х томах. Ярославль, Типолиитография Г. Фальк, 515 с.
14. Творения Святых Отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. М., 1843–1915.

Список литературы

1. Аскоченский В.И. 1863. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее в 1819 году. СПб., Типография Э. Веймара, 282 с.
2. Бердников И.С. 1885. Церковное право как особая самостоятельная правовая область и его отношение к общей системе права. Казань, Типография Императорского Университета, 31 с.
3. Благовещенский А. 1875. История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 гг. Казань, Типография Императорского Университета, 207 с.
4. Гавриил (Воскресенский), архимандрит. 1844. Понятие о церковном праве и его история. Казань, Типография Императорского Университета, 32 с.
5. Дорская А.А. 2008. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв., Дисс... доктора юр. наук. М., 402 с.
6. Заозерский Н.А. 1888. Право Православной греко-восточной Русской Церкви как предмет специальной юридической науки. М., Типография Волчанинова, 144 с.
7. Знаменский П.В. 1881. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, Типография Императорского Университета, 807 с.
8. Иоанн (Соколов), архимандрит. 1851. Опыт курса церковного законоведения. Т. 1. СПб., Типография Фишера, 515 с.
9. Красножен М.Е. 1900. Краткий очерк церковного права. Юрьев, Типография К. Маттисена, 160 с.
10. Макарий (Булгаков), архимандрит. 1884. Введение в православное богословие. СПб., 486 с.
11. Никодим (Милаш), епископ. 1897. Православное церковное право, составлено по общим церковно-юридическим источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях. СПб, В.В. Комаров, 708 с.
12. Остроумов М.А. 1893. Очерк православного церковного права, Ч. 1. Харьков, Типография Губ. правления, 672 с.
13. Платон (Левшин), митрополит. 1805. Краткая церковная российская история. Сочиненная преосвященным Платоном митрополитом московским В Вифании. М., В Синодальной типографии, 388 с.
14. Прокошев П.А. 1895. Канонические труды Иоанна, епископа Смоленского. Казань, Типография Императорского Университета, 389 с.
15. Розенкамф Г.А. 1829. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 756 с.
16. Скворцов И.М. 1848. Записки по церковному законоведению. Казань, Университетская типография, 276 с.
17. Смирнов С., протоиерей. 1855. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., Типография В. Готье, 428 с.
18. Соколов Н.К. 1868. О судьбе науки церковного права, (Вступ. лекция, чит. 15 нояб. 1867 г.). М., Университетская типография, 14 с.

19. Соколов Н.К. 1870. О влиянии церкви на историческое развитие права. М., Университетская типография, 103 с.
20. Суворов Н.С. 1876. О церковных наказаниях, Опыт исследования по церковному праву Н. Суворова. СПб., Типография А. Траншеля. 337 с.
21. Филарет (Дроздов), святитель. 1814. Обозрение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах. СПб., в типографии И. Иоаннесова, 56 с.
22. Цыпин В., протоиерей. 2012. Каноническое право. Православная энциклопедия. Т. XXX, Каменец-Подольская и Городокская епархия – Каракал. М., Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 392 с.
23. Чистович И.А. 1857. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., Типография Я. Трея, 458 с.

References

1. Askochenskij V.I. 1863. Istoriya Kievskoj duhovnoj akademii, po preobrazovanii ee v 1819 godu [The history of the Kiev Theological Academy, after its transformation in 1819]. SPb., Printing house of E. Weimar, 282 p.
2. Berdnikov I.S. 1885. Cerkovnoe pravo, kak osobaya samostoyatel'naya pravovaya oblast' i ego otношение k obshchej sisteme prava [Church law as a special independent legal field and its relation to the general system of law]. Kazan, Printing House of the Imperial University, 31 p.
3. Blagoveshchenskij A. 1875. Istoriya staroj Kazanskoj duhovnoj akademii, 1797–1818 gg. [The history of the old Kazan Theological Academy, 1797–1818]. Kazan, Printing House of the Imperial University, 207 p.
4. Gavriil (Voskresenskij), arhimandrit. 1844. Ponyatie o cerkovnom prave i ego istoriya [The concept of church law and its history]. Kazan, Printing House of the Imperial University, 32 p.
5. Dorskaya A.A. 2008. Cerkovnoe pravo v sisteme prava Rossijskoj imperii konca XVIII – nachala XX vv. [Church law in the system of law of the Russian Empire of the late XVII – early XX centuries], Dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk [Dissertation for the degree of Doctor of Law]. M., 402 p.
6. Zaozerskij N.A. 1888. Pravo Pravoslavnoj greko-vostochnoj Russkoj Cerkvi kak predmet special'noj yuridicheskoy nauki [The law of the Orthodox Greek-Eastern Russian Church as a subject of special legal science]. M., Publ. Printing house of Volchaninov, 144 p.
7. Znamenskij P.V. 1881. Duhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda [Theological schools in Russia before the reform of 1808]. Kazan, Printing House of the Imperial University, 807 p.
8. Ioann (Sokolov), arhimandrit. 1851. Opyt kursa cerkovnogo zakonovedeniya [The experience of the course of church law studies]. Vol. 1. SPb., Publ. Tipografiya Fishera, 515 s.
9. Krasnozhen M.E. 1900. Kratkij ocherk cerkovnogo prava [A brief outline of Church law]. YUr'ev, Printing house of K. Mattisen, 160 p.
10. Makarij (Bulgakov), arhimandrit. 1884. Vvedenie v pravoslavnoe bogoslovie [Introduction to Orthodox Theology]. SPb., 486 p.
11. Nikodim (Milash), episkop. 1897. Pravoslavnoe cerkovnoe pravo, Sost. po obshchim cerkovno-yurid. istochnikam i chastnym zakonam, dejstvuyushchim v avtokefal'nyh cerkvah [Orthodox Church Law, Comp. according to the general church-law. sources and private laws in force in autocephalous churches]. SPb., Publ. V.V. Komarov, 708 p.
12. Ostroumov M.A. 1893. Ocherk pravoslavnogo cerkovnogo prava [An essay on Orthodox Church law], CH. 1. Kharkiv, Printing house of the Gubernatorial Board, 672 p.
13. Platon (Levshin), mitropolit. 1805. Kratkaya cerkovnaya rossijskaya istoriya [A Brief Russian Church History]. Sochinennaya preosvyashchennym Platonom mitropolitom moskovskim V. Vifanii [Composed by His Grace Platon, Metropolitan of Moscow V. Vifanii]. M., In the Synodal Printing House, 388 p.
14. Prokoshev P.A. 1895. Kanonicheskie trudy Ioanna, episkopa Smolenskogo [Canonical works of John, Bishop of Smolensk]. Kazan, Printing House of the Imperial University, 389 p.
15. Rozenkampf G.A. 1829. Obozrenie Kormchej knigi v istoricheskom vide [Review of the Helmsman's book in a historical form]. M., Publ. Society of History and Antiquities of the Russian Federation. at the Moscow University, 756 p.

16. Skvorcov I.M. 1848. Zapiski po cerkovnomu zakonovedeniyu [Notes on church jurisprudence]. Kazan, University Printing house, 276 p.
17. Smirnov S., protoierej. 1855. Istoriya Moskovskoj slavyano-greko-latinskoj akademii [The history of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy]. M., V. Gauthier Printing House, 428 p.
18. Sokolov N.K. 1868. O sud'be nauki cerkovnogo prava [About the fate of the science of Church law], (Vstup. lekcija, chit. 15 noyab. 1867 g.). M., University Printing House, 14 p.
19. Sokolov N.K. 1870. O vliyanii cerkvi na istoricheskoe razvitie prava [On the influence of the Church on the historical development of law]. M., University Printing House, 103 p.
20. Suvorov N.S. 1876. O cerkovnyh nakazaniyah, Opyt issledovaniya po cerkovnomu pravu N. Suvorova [About Church punishments, The experience of research on Church law by N. Suvorov]. SPb., Printing house of A. Tranchel. 337 p.
21. Filaret (Drozdov), svyatitel'. 1814. Obozrenie bogoslovskih nauk v otnoshenii k prepodavaniyu ih v vysshih duhovnyh uchilishchah [Review of the theological sciences in relation to their teaching in higher theological schools]. SPb., Publ. I. Ioannesov, 56 p.
22. Cypin V., protoierej. 2012. Kanonicheskoe pravo. Pravoslavnaya enciklopediya. Vol. XXX, Kamenec-Podol'skaya i Gorodokskaya eparhiya – Karakal [Canon law. Orthodox Encyclopedia. Vol. XXX, Kamenets-Podolsk and Gorodok diocese-Karakal]. M., Publ. Church Research Center Orthodox Encyclopedia, 392 p.
23. CHistovich I.A. 1857. Istoriya Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii [History of the St. Petersburg Theological Academy]. SPb., The printing house of Ya. Treya, 458 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баган Владислав Владимирович, священник, кандидат богословия, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской духовной семинарии, г. Смоленск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Bagan, Priest, candidate of theology, candidate of legal sciences, lecturer at the department of theological and church-historical disciplines of the Smolensk Theological Seminary, Smolensk, Russia.

УДК 342.5; 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-516-523

Формализация интересов социальных субъектов в конституциях стран СНГ

Белоусов Н.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1082388@bsu.edu.ru

Аннотация. Категория «интерес» выступает объектом гуманитарных наук, включая юриспруденцию. Построение современного правового государства, гражданского общества, развитие в них личности зависит от реализации интересов всех указанных субъектов. В юридической науке интерес, как правило, рассматривается с точки зрения теории права, однако отсутствуют систематизированные конституционной отраслью знания. В этой связи цель исследования – на основе метода сравнительного правоведения выявить зарубежный опыт формализации интересов социальных субъектов в конституциях стран СНГ. В результате осуществленного сравнительно-правового анализа установлено многообразие интересов в их корреляции с индивидуальными (гражданин, человек, работник, иные лица, соотечественники, ребенок, несовершеннолетний, потребитель) и коллективными (народ, население, общество, партия и другие общественно-политические организации, общественные объединения) социальными субъектами.

Ключевые слова: интерес, конституционные правоотношения, человек, гражданин, общество, социальные субъекты.

Для цитирования: Белоусов Н.В. 2021. Конституционная формализация интересов социальных субъектов в странах СНГ. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 516–523. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-516-523

Formalization of the Interests of Social Subjects in the Constitutions of the CIS Countries

Nikolay V. Belousov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 1082388@bsu.edu.ru

Abstract. The category of "interest" is the object of the humanities, including law. The construction of a modern legal state, civil society, the development of the individual in them depends, among other things, on the realization of the interests of all these subjects. In legal science, as a rule, interest is considered from the point of view of the theory of law. However, there is no knowledge systematized by the constitutional branch. In this regard, it is important to identify foreign experience in formalizing the interests of social subjects in the constitutions of the CIS countries on the basis of the method of comparative jurisprudence. As a result of the comparative legal analysis, the diversity of their interests in correlation with individual (citizen, person, employee, other persons, compatriots, child, minor, consumer) and collective (people, population, society, party and other socio-political organizations, public associations) social subjects is established. The presented species diversity of interests of social subjects of constitutional legal relations contributes to the isolation and meaningful content of the theory of interests in constitutional law.

Keywords: interest, constitutional legal relations, person, citizen, society, social subjects.

For citation: Belousov N.V. 2021. Formalization of the Interests of Social Subjects in the Constitutions of the CIS Countries. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 516–523 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-516-523

Введение

Развитию современного правового государства, гражданского общества и личности имманентны интересы. В данной связи категория интересов объективно интегрирована в юридическую науку [Першина, 2002; Кравченко, 2004; Евстифеев, 2007; Субочев, 2009; Даньков, 2014] и практику с учетом современных вызовов и угроз [Новикова, Анисимов, 2008; Kornuushkina, Markhgeym, Novikova., Doronina., Zajcev, 2017; Новикова, 2019], а также процессов глобализации [Макогон, 2007, 2012, 2012 (a)]. Юриспруденция рассматривает интерес в праве с различных позиций: как критерий разграничения частного и публичного права; как элемент, предпосылку или цель субъективного права; как «благо», «выгода», «польза» (в узко материальном смысле) [Шершень, с. 10].

В прикладном аспекте интерес формализован в нормативных правовых актах, начиная от конституционного уровня и завершая муниципальным. К примеру, в Конституции России категория интересов встречается 6 раз.

На наш взгляд, современная специфика категории интересов в праве связана с тем, что она в равной степени присуща различным субъектам конституционных отношений, даже при широком подходе, согласно которому такими субъектами могут быть все, на кого правовые нормы данной отрасли возлагают определенные обязанности и предоставляют права¹. Полагаем, обращение к сравнительно-правовому опыту закрепления интересов в конституциях зарубежных государств способствует раскрытию видового многообразия интересов в конституционном праве и обособления самостоятельной одноименной теории.

В рамках данной работы в связи с общностью исторического развития исследовательское внимание уделено конституциям стран СНГ².

Интересы индивидуальных социальных субъектов

Итак, в структурном аспекте категория интересов может быть расположена в различных частях конституций, включая преамбулу (Молдова и Туркменистан): «Власть народа» (Азербайджан), «Основы государства» (Азербайджан), «Основы конституционного строя» (Беларусь, Киргизия, Таджикистан, Туркмения), «Основные принципы» (Узбекистан), «Основные права и свободы человека и гражданина» / «Основные права, свободы и обязанности» (Армения, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), «Личность, общество, государство» / «Общество и личность» (Беларусь, Узбекистан), «Человек и гражданин» (Казахстан), «Национальное Собрание» / «Парламент» (Армения, Беларусь, Казахстан, Молдавия), «Президент» (Армения, Киргизия, Россия, Узбекистан), «Правительство – Совет Министров» (Беларусь), «Система законодательства» (Азербайджан), «Суды и правосудие» / «Судебная власть» (Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения), «Прокуратура и следственные органы» (Армения), «Иные государственные органы» (Киргизия), «Законодательные гарантии и основные цели политики государства в экономической, социальной и культурной сферах» / «Национальная экономика и публичные финансы» / «Экономика и финансово-кредитная система» (Арме-

¹ Конституционное право Российской Федерации : учебник / М.Б. Смоленский, М.В. Мархгейм. Ростов-на-Дону : 2007. Феникс, 445 с.

² Конституции государства (стран) мира // <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 11.05.2021).

ния, Молдавия, Туркмения), «Местное самоуправление» / «Местное управление и самоуправление» / «Местное государственное управление и самоуправление» / «Местные органы государственной власти» / «Основы государственной власти на местах» (Армения и Киргизия, Беларусь, Казахстан, Россия, Туркмения, Узбекистан).

Что касается индивидуальных субъектов социальной природы, то применительно к ним преобладает категория интересов граждан.

Как нами ранее было отмечено, Конституция Молдовы является одним из учредительных документов, который в своей преамбуле отразил интересы граждан иного этнического происхождения, составляющих вместе с молдаванами народ Республики Молдова в контексте стремления к их удовлетворению.

Наиболее распространена формулировка интересов граждан в качестве содержания материалов, с которыми уполномоченные субъекты (государственные органы, общественные объединения, должностные лица и др.) обязаны ознакомить граждан или обеспечить их предоставление (ст. 34 Конституции Беларуси, ч. 3 ст. 18 Конституции Казахстана, ст. 30 Конституции Узбекистана). Аналогичен подход в ст. 25 Конституции Таджикистана с той лишь разницей, что вместо словосочетания «интересы граждан» употреблено словосочетание «интересы каждого», что позволяет распространить действие обязанности не только на граждан, но и иных лиц, находящихся на территории государства.

Интересы граждан также выступают императивом уважения (ч. 2 ст. 55 Конституции Молдовы), основанием для обращения в суд в случае нарушения (ч. 1 ст. 20 Конституции Молдовы), предметом ведения органов местного самоуправления (ч. 4 ст. 86 Конституции Казахстана, ст. 110 Конституции Туркменистана).

Более многочисленная в аспекте количества субъектов категория «интересы человека» обнаружена лишь в одной Конституции – Туркменистана: «...Интересы человека в научном, техническом творчестве, а также художественной, литературной и культурной деятельности охраняются законом» (ст. 56). Как видим, охрана законом распространяется на интересы человека в ограниченных сферах деятельности.

Уточним, что интересы каждого в ином смысле, нежели в ст. 25 Конституции Таджикистана, сформулированы в ч. 1 ст. 30 Конституции России, как основание для реализации права на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Идентично содержание ч. 1 ст. 45 Конституции Армении с той лишь разницей, что в ней фигурируют «трудовые интересы каждого». Указанное субъективное право исключительно в связи с интересами работника также закреплено в ч. 1 ст. 42 Конституции Молдовы, ст. 59 Конституции Узбекистана. Кроме того, ч. 2 ст. 42 Конституции Молдовы дана конкретизация, что профессиональные союзы содействуют защите профессиональных, экономических и социальных интересов работников. В аналогичном ключе ч. 2 ст. 4 Конституции Киргизии представила политические, экономические, социальные, трудовые, культурные и иные интересы граждан. Тем самым, интересы граждан/работников получили характеристики. Кроме того, в приведенной норме Конституции Киргизии встречается формулировка общности интересов при объединении граждан в политические партии, профессиональные союзы и другие общественные объединения.

Защите профессиональных/трудовых интересов работников экономического и социального характера способствует субъективное право на забастовку, о чем свидетельствуют установления ч. 1 ст. 58 Конституции Армении, ст. 41 Конституции Беларуси и 1 ст. 45 Конституции Молдовы.

Полагаем, в качестве интересов каждого можно идентифицировать норму ст. 22 Конституции Беларуси, согласно которой все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

В конституциях Беларуси и России интересы других/иных лиц формализованы в связи с невозможностью их нарушения при осуществлении права собственности (ст. 44 и 2 ст. 36 соответственно); реализацией каждым обязанности их уважения (ст. 53 Конститу-

ции Беларуси); их защитой при ограничении федеральным законом прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55 Конституции России).

В статусном сопряжении с категорией гражданства находятся соотечественники, интересы которых обнаружены в ч. 3 ст. 69 российской Конституции, согласно которой государство «оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в... обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности».

Если рассматривать интересы, адресованные различным статусам индивидуальных социальных субъектов, то среди таких, к примеру, интересы ребенка (Армения). В ч. 5 ст. 16 Конституции Киргизии зафиксированы не просто интересы ребенка, а наилучшие интересы ребенка «в качестве принципа, действующего в Кыргызской Республике».

По статусу к интересам ребенка близка категория интересов несовершеннолетних, обнаруженная в ч. 2 ст. 63 Конституции Армении. Примечательно, что в указанной норме эти интересы закреплены совместно с интересами правосудия как основанием для их защиты при проведении судебного производства или его части в установленных законом случаях и порядке по решению суда при закрытых дверях.

Среди интересов невластных субъектов обнаружены интересы потребителей: основными целями политики государства в экономической, социальной и культурной сферах являются защита интересов потребителей (ст. 86 Конституции Армении).

Оригинальны материальные и моральные интересы, зафиксированные в ч. 2 ст. 33 Конституции Молдовы: «Право граждан на интеллектуальную собственность, их материальные и моральные интересы, возникающие в связи с различными видами интеллектуального творчества, охраняются законом».

Среди интересов индивидуальных субъектов, обличенных властью, обнаружены интересы судей в ч. 2 ст. 102 Конституции Киргизии. На ее основе Совет судей является выборным органом судейского самоуправления, действующим в период между съездами судей и осуществляющим защиту прав и законных интересов судей.

В смешанном формате (сочетание индивидуального и коллективного, властной и невластной природы) отметим интересы благосостояния человека и общества в ст. 14 Конституции Узбекистана («государство строит свою деятельность на принципах социальной справедливости и законности в интересах благосостояния человека и общества»), интересы физических и юридических лиц в ст. 14 Конституции Азербайджана («без ущерба для прав и интересов каких-либо физических и юридических лиц природные ресурсы принадлежат Азербайджанской Республике»), интересы граждан и организаций в ч. 1 ст. 76 Конституции Казахстана («судебная власть... имеет своим назначением... защиту законных интересов граждан и организаций») и интересы кредиторов и вкладчиков в ст. 138 Конституции Туркменистана («Центральный банк Туркменистана обеспечивает... защиту интересов кредиторов и вкладчиков кредитных учреждений»).

Интересы коллективных социальных субъектов

Далее рассмотрим интересы, аффилированные с базовым коллективным субъектом в стране, как правило, выступающим источником и носителем власти – народом.

Так интересы народа являются:

– неотъемлемым признаком реализации одной из форм прямой демократии – референдума: народ Азербайджана путем референдума может решить любой вопрос, затрагивающий его права и интересы (ч. 1 ст. 3 Конституции Азербайджана);

– принципиальным ориентиром осуществления власти государственными органами и органами местного самоуправления. В ст. 3 Конституции Киргизии зафиксировано, что государственная власть основывается на «принципах... осуществления государственными органами и органами местного самоуправления своих полномочий в интересах народа». Содержательно в этом смысле совпадают установления ст. 2 и 7 Конституции Узбекистана;

– условием для интеграции государства в международные организации, а также установления связей с зарубежными странами, на пример, ст. 11 Конституции Таджикистана, согласно которой государство, руководствуясь высшими интересами народа, может входить в содружества и другие международные организации, а также выходить из них, устанавливая связи с зарубежными странами;

– объектом государственного гарантирования эффективного использования земли, ее недр, воды, воздушного пространства, животных и растительного мира и других природных ресурсов, являющихся исключительной собственностью государства (ст. 13 Конституции Таджикистана).

Для конституций Армении, Киргизии и России также типична формулировка «интересы населения», аффилированная лишь с населением определенной территории, как правило, муниципального уровня. К примеру, в Конституции Армении речь идет исключительно о местном самоуправлении как праве и способности органов местного самоуправления в соответствии с Конституцией и законами решать под собственную ответственность общественные вопросы общинного значения, исходя из интересов населения общины (ч. 1 ст. 179). Аналогичен подход в ч. 1 ст. 110 Конституции Киргизии.

Для России ч. 3 ст. 132 является новеллой 2020 года. Она сформулирована через единство органов местного самоуправления и органов государственной власти в системе публичной власти Российской Федерации, а также взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Оригинальностью отличается подход в Конституции Казахстана, генерально в содержании совпадающий с перечисленными вариантами Армении и Киргизии, но ограниченный интересами не населения территории, а самой территории муниципального образования (ч. 1 ст. 87).

Обратимся к интересам такого социального субъекта, как общество. Его интересы, подобно интересам граждан выступают в качестве цели при ограничении законом субъективных прав личности (ч. 7 ст. 47 Конституции Армении).

В Конституции Армении конкретизированы субъективные права и свободы, которые могут ограничены в целях защиты общественных интересов, а именно: право на получение информации (ч. 2 ст. 51); право на забастовку (ч. 2 ст. 58); возможные виды монополии и их допустимые размеры (ч. 2 ст. 59); право собственности (ч. 3 ст. 60).

Среди субъективных прав преобладает корреляция интересов общества с правом собственности. Так, согласно ч. 4 ст. 127 Конституции Молдовы все богатства недр, воздушное пространство, воды и леса, используемые в общественных интересах, являются объектами исключительно публичной собственности. В данной же Конституции государство гарантирует собственнику реализацию права собственности во всех формах, не вступающих в противоречие с интересами общества (ч. 2 ст. 27).

На основании ч. 5 ст. 60 Конституции Армении отчуждение собственности в целях обеспечения приоритетных интересов общества осуществляется в установленных законом исключительных случаях и порядке, только с предварительной и равноценной компенсацией.

Отметим, что в контексте ограничения субъективных прав речь также идет об интересах государственной или национальной безопасности. Так, пользование правом мирно и без оружия собираться, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование может ограничиваться законом в интересах государственной безопасности (ст. 32 Конституции Казахстана).

На основании ст. 23 Конституции Беларуси ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности.

Категория общественных интересов также выступает основанием для создания или формирования органов власти / специальных комиссий; объединения или разделения территориальных образований, а также обсуждения актуальных тем в органах власти. Так, согласно ч. 1 ст. 108 Конституции Армении по требованию как минимум одной четверти от общего числа депутатов в целях установления фактов, касающихся вопросов, входящих в компетенцию Национального Собрания и представляющих общественный интерес, создается следственная комиссия Национального Собрания.

В ч. 2 ст. 50 Конституции Казахстана отражено, что пятнадцать депутатов Сената назначаются Президентом Республики с учетом необходимости обеспечения представительства в Сенате национально-культурных и иных значимых интересов общества.

В соответствии с ч. 1 ст. 122 Конституции Армении в целях защиты установленных Конституцией общественных интересов законом могут создаваться автономные органы.

В ч. 1 ст. 189 и ст. 190 Конституции Армении определено, исходя из общественных интересов межобщинные объединения могут создаваться законом по предложению Правительства, а общины могут объединяться или разделяться.

Что касается инициации обсуждения актуальных тем, то, согласно ст. 114 Конституции Армении, на одном из заседаний очередной сессии по требованию как минимум одной четверти от общего числа депутатов может быть проведено обсуждение актуальной темы, представляющей общественный интерес.

Аналогичен смысл в ст. 66 Конституции Молдовы, согласно которой Парламент организует изучение и заслушивание любых вопросов, касающихся интересов общества.

Интересы общества также упоминаются в совокупности с интересами человека. В конституциях Беларуси (ст. 13) и Туркменистана (ст. 13) в идентичной формулировке отражено, что государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества.

Кроме того, в Конституции Туркменистана в интересах общества и каждого человека проводится научно-техническая политика государства.

В данной части работы уместны интересы институтов гражданского общества. К примеру, «интересы партий и других общественно-политических организаций» и «интересы общественных объединений» легализованы в ч. 3 ст. 41 Конституции Молдовы и в ст. 58 Конституции Узбекистана в контексте их обеспечения государством.

Еще одна разновидность искомых интересов выявлена в Конституции Беларуси: «интересы социальных, национальных и других общностей» как принцип их уважения при регулировании государством отношений между заявленными субъектами.

Особое внимание хотелось бы уделить двум разновидностям категории интересов – равным интересам и законным интересам. Полагаем, первая из них является универсальной по аффилированным субъектам различной правовой природы. Встретилась данная формулировка единожды в ч. I ст. 149 Конституции Азербайджана: «Нормативно-правовые акты должны основываться на праве и справедливости (равное отношение к равным интересам)». Эта же категория в ч. I ст. 150 Конституции Азербайджана посвящена актам муниципалитетов.

Что касается законных интересов, то это все-таки миксовая категория, поскольку в различных конституциях она сопоставляется с различными субъектами. К примеру, в ст. 20 Конституции Узбекистана законные интересы, права и свободы других лиц, государства и общества являются ограничителем при осуществлении прав и свобод гражданином.

В ст. 122 Конституции Беларуси зафиксированы исключительно законные интересы граждан в контексте процесса обжалования в судебном порядке решений местных Со-

ветов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, ограничивающих или нарушающих права, свободы и законные интересы граждан.

Заключение

Подводя итоги осуществленного исследования, уточним, что в конституциях стран СНГ категория интересов была выявлена в их многообразии в корреляции с индивидуальными и коллективными социальными субъектами.

Применительно к индивидуальным социальным субъектам формализованы интересы граждан, человека, работника, иных лиц, соотечественников, ребенка, несовершеннолетних, потребителей.

Применительно к индивидуальным социальным субъектам формализованы интересы народа, населения, общества, партий и других общественно-политических организаций, общественных объединений.

Уточним, что нами также выявлены интересы в смешанном формате (сочетание индивидуального и коллективного, властной и невластной природы): интересы физических и юридических лиц, интересы граждан и организаций, интересы кредиторов и вкладчиков, интересы общества и человека.

Считаем обоснованным конституционный подход, фиксирующий в многообразии интересы субъектов социальной, но не властной природы.

Список литературы

1. Даньков А.А. 2014. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 238 с.
2. Евстифеев Д.Н. 2007. Конституционно-правовые интересы личности в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 21 с.
3. Кравченко О.Ю. 2004. Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 27 с.
4. Макогон Б.В. 2007. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 26 с.
5. Макогон Б.В. 2012. Современное государство в условиях глобализации. Проблемы в российском законодательстве, 2: 29-31.
6. Макогон Б.В. (а) 2012. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации. Общество и право, 2 (39): 36–41.
7. Новикова А.Е. 2019. Риск как объект конституционно-правовой науки. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 98 с.
8. Новикова А.Е., Анисимов А.П. 2008. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики. Адвокатская практика, 4: 5–7.
9. Першина И.В. 2002. Интерес в праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 183 с.
10. Субочев В.В. 2009. Теория законных интересов: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Тамбов, 57 с.
11. Шершень Т.В. 2002. Частный и публичный интерес в договорном регулировании семейных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 23 с.
12. Korniyushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication, 7 (S-APRLSPCL): 352–356.

References

1. Dan'kov A.A. 2014. Obespechenie balansa publichnyh i chastnyh interesov v sfere pravosudiya [Ensuring a balance of public and private interests in the field of justice]: Dis. ... cand. yurid. sciences. M., 238 p.

2. Evstifeev D.N. 2007. Konstitucionno-pravovye interesy lichnosti v Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoj aspekt) [Constitutional and legal interests of the individual in the Russian Federation (theoretical and legal aspect)]: Abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 21 p.
3. Kravchenko O.YU. 2004. Publichnye i chastnye interesy v prave: politiko-pravovoe issledovanie [Public and private interests in law: political and legal research]: Abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences. Kazan, 27 p.
4. Makogon B.V. 2007. Processy globalizacii v sovremennom prave i ih proyavlenie v rossijskom zakonodatel'stve [The processes of globalization in modern law and their manifestation in Russian legislation]: Abstract dis. ... cand. jurid. sciences. M., 26 p.
5. Makogon B.V. 2012. Sovremennoe gosudarstvo v usloviyah globalizacii [The modern state in the context of globalization]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve, 2: 29–31.
6. Makogon B.V. 2012(a). Sposoby internacionalizacionnogo nacional'nogo prava v usloviyah globalizacii [Methods of internationalization of national law in the context of globalization]. Obschestvo i pravo, 2 (39): 36–41.
7. Novikova A.E. 2019. Risk kak ob"ekt konstitucionno-pravovoj nauki [Risk as an object of constitutional and legal science]. M., Publishing house Yur-VAK, 98 p.
8. Novikova A.E., Anisimov A.P. 2008. Ekologicheskie pravozashchitnye riski: problemy teorii i praktiki [Environmental human rights risks: problems of theory and practice]. Advokatskaya praktika, 4: 5–7.
9. Pershina I.V. 2002. Interes v prave [Interest in law]: Dis. ... cand. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 183 p.
10. Subochev V.V. 2009. Teoriya zakonnyh interesov [The theory of legitimate interests]: Abstract. dis. ... doct. jurid. sciences. Tambov, 57 p. (In Russian)
11. SHershen' T.V. 2002. CHastnyj i publichnyj interes v dogovornom regulirovanii semejnyh otnoshenij [Private and public interest in the contractual regulation of family relations]: Abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 23 p. (in Russian)/
12. Kornushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication, 7 (S-APRLSPCL): 352–356.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белоусов Николай Васильевич, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay V. Belousov, postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 340.114.5

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-524-532

Векторы сбережения человеческого капитала в системе современных правовых преобразований

¹Буцько Л.В., ²Лепешкина О.В.

¹Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия
Россия, 308015, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187/1
E-mail: lvbutko@mail.ru

²Кубанский государственный университет,
Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: ovlepushkina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы правового регулирования одного из ключевых векторов сбережения человеческого капитала – сферы мировоззрения, идеологии, нравственности через призму соотношения сознания, правосознания и права. Автором проведен анализ правовых, исторических, философских и иных источников в контексте конституционных изменений 2020 года с целью обоснования приоритетности исследуемой сферы как идеологического вектора сбережения человеческого капитала с использованием комплекса общенаучных, междисциплинарных и частно-научных методов. В процессе анализа рассмотрена последовательность суждений об актуализации вопросов сбережения человеческого капитала в современном мире, дано обоснование приоритетности сферы правового регулирования для успешного сбережения человеческого капитала, определена роль сознания и правосознания в формировании идеологических основ жизни человеческого сообщества. В результате исследования сделаны выводы о противоречиях правосознания и права, предложены варианты их разрешения; представлены роль и значение многоаспектности правосознания в механизмах сбережения человеческого капитала; с философских позиций обоснована целесообразность дефинитивного и методологического обновления концептуальных положений учения о правовом регулировании общественных отношений в сфере сбережения человеческого капитала.

Ключевые слова: сбережение человеческого капитала, приоритетность, мировоззрение, нравственность, идеологический вектор, конституция, правовое регулирование, правосознание.

Для цитирования: Буцько Л.В., Лепешкина О.В. 2021. Векторы сбережения человеческого капитала в системе современных правовых преобразований. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 524–532. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-524-532

Vectors of Saving Human Capital in the System of Modern Legal Transformations

¹Ludmila V. Butko, ²Olga V. Lepeshkina

¹North-Caucasian branch of the of the Russian State University of Justice,
Levanevsky str., 187/1, Krasnodar, 350002, Russia
E-mail: lvbutko@mail.ru

²Kuban State University,
149 Stavropol St, Krasnodar, 350040, Russia
E-mail: ovlepushkina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of legal regulation of one of the key vectors of saving human capital—the sphere of worldview, ideology, morality through the prism of the correlation of

consciousness, legal consciousness and law. The author analyzes legal, historical, philosophical and other sources in the context of the constitutional changes of 2020 in order to substantiate the priority of the studied sphere as an ideological vector of saving human capital using a complex of general scientific, interdisciplinary and private scientific methods. In the course of the analysis, the sequence of judgments on the actualization of the issues of saving human capital in the modern world is considered, the justification of the priority of the sphere of legal regulation for the successful saving of human capital is given, the role of consciousness and legal consciousness in the formation of the ideological foundations of the life of the human community is determined. As a result of the research, conclusions are drawn about the contradictions of legal consciousness and law, options for their resolution are proposed; the role and significance of the multidimensional legal consciousness in the mechanisms of saving human capital are presented; the expediency of a definitive and methodological update of the conceptual provisions of the doctrine on the legal regulation of public relations in the field of saving human capital is justified from a philosophical point of view.

Keywords: saving of human capital, priority, worldview, morality, ideological vector, constitution, legal regulation, legal awareness.

For citation: Butko L.V., Lepeshkina O.V. 2021. Vectors of Saving Human Capital in the System of Modern Legal Transformations. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 524–532 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-524-532

Введение

Современная ситуация в мире и в стране, обусловленная целым рядом долговременных факторов и краткосрочных обстоятельств, с нарастанием актуализировала проблемы сбережения главного достояния жизни на планете – человеческого капитала. Совершенно очевидно, что его состояние и возможности сбережения поставлены в прямую зависимость от направлений и динамики процессов политического, социально-экономического, духовного, правового и иного развития институтов общества и государства, влияния на них явлений экологического, климатического, техногенного и иного характера. Прямое или косвенное воздействие на происходящее оказывают общемировые явления, такие как глобализация, экономическая и иная интеграции, регионализация и другие. Большое значение имеют события, связанные с объявленной во всем мире пандемией COVID-19 и вводимыми по этим причинам ограничительными мерами.

В итоге повышенная степень актуализации проблем сбережения человеческого капитала придает ему роль ведущего, ключевого фактора национальной безопасности государств, сохранения их территориальной целостности, культурно-исторического наследия и национального традиционализма. Убедительность констатируемой актуализации продемонстрировали проявленные в ходе обсуждения и принятия изменений Конституции Российской Федерации в 2020 году их многогранность и неисключаемая противоречивость. Совокупность указанных обстоятельств, формируя специфику текущего момента, предопределила необходимость обновления и трансформации всей системы правового регулирования в стране и в первую очередь в сфере сбережения человеческого капитала, совершенствования его способов.

Указанная задача подвела ученых-юристов и практиков к выбору основных направлений предлагаемых изменений, сфокусировала их внимание на главных проблемах правового регулирования и поиске их решения. В числе причин назовем противоречивость, несогласованность и коррупциогенный характер действующих на данный момент норм права, как отечественного, так и международного. В равной степени имеет место сложность в выборе приоритетности сфер правового регулирования. События последних лет, происходящие и наблюдаемые в мировом масштабе, обнажили глубинные противоре-

чия и убедили в невозможности достижения единообразных позиций договаривающихся сторон при принятии взаимоприемлемых решений.

Выбор приоритетной сферы правового регулирования для успешного сбережения человеческого капитала

Вопрос о выборе норм права, которые надлежит реформировать в первую очередь, приобрел судьбоносный характер. Напомним, что определяющими для сохранения человеческого капитала традиционно признаются:

а) нормы экономического права, регулирующие сферу кризисной во всем мире экономики с намерениями создания новой модели отношений хозяйствования и собственности. К примеру, не способствуют сбережению человеческого капитала различные программы глобализации, коренным образом изменившие механизмы перемещения финансов и капитала на территории планеты, придавшие объектам собственности и рабочей силе всеобъемлющий международный характер;

б) нормы социального права, призванного стабилизировать социальную сферу с постановкой целей обеспечения достаточного и достойного уровня жизни населения страны. К примеру, не могут оставаться незамеченными кризисные явления, наблюдаемые в управлении миграционными процессами; совершенно недопустимые, а порой и угрожающие масштабы приобрела торговля людьми (причем первенство занимает торговля женщинами и детьми и только 2 % такого товара приходится на долю мужчин); усиливают тревогу состояние здоровья населения, рост смертности, обнищание масс и другие явления;

в) нормы, регулирующие сферу власти и политики в условиях противоборства идеологий и оппозиционирования, оказывающие активное влияние на правосознание всех и каждого, в особенности в период проходящей в стране кампании по выборам депутатов Государственной Думы.

Не менее привлекательным выглядит программирование и правовое регулирование вопросов цифровизации информационного пространства, вышедших на первое место в последние годы. В перечисляемой совокупности особое внимание следует уделить совершенствованию норм, регламентирующих сферу нравственного наполнения всех аспектов деятельности человека. Именно этому направлению мы отдаем предпочтение и попытаемся подтвердить его приоритет в укреплении и приращении человеческого капитала с надеждой, что решение всех иных предполагаемых проблем последует за решением приоритетной.

Учитывая тот факт, что состояние правового регулирования всех сфер общественных отношений порождает серьезные сомнения в возможности построения перспективной программы совершенствования, рассмотрим предлагаемое направление в ключе принятых конституционных поправок. Решение этой многотрудной задачи, на наш взгляд, невозможно без учета российского традиционализма, отечественного позитивного опыта и ранее допущенных ошибок.

Сфера нравственности как идеологический вектор сбережения человеческого капитала

В зоне особого внимания в конституционных поправках оказалась сфера мировоззрения, идеологии, нравственности, которая получила четкую констатацию в качестве предмета правового регулирования на конституционном уровне. Ее значение в системе факторов сбережения человеческого капитала невозможно переоценить, и все потому, что в современном глобализующемся мире авторитет традиционных нравственных ценностей стремительно снижается, несмотря на то, что именно эта сфере функционирования каждого человека наполняет его жизнь духовным содержанием и определяет смысл всей его жизни, формирует его стержень.

Одна из новелл Конституции посвящена упоминанию в ней веры в Бога (п. 2 ст. 67 Конституции РФ). С предложением о ее отражении в изменениях Конституции к разработчикам поправок обратился Патриарх РПЦ Кирилл, огласив его 1 февраля 2020 г. на мероприятии, посвященном 11-летию его патриаршего служения: «Общими усилиями и молитвами мы будем содействовать тому, чтобы такая возвышенная идея, каковой является вера в Бога, которая формирует нравственность и личную, и общественную, и политическую, чтобы она присутствовала, в том числе и в нашей Конституции». Такая же нравственно-идеологическая направленность отражена и в п.п. 3, 4 указанной выше статьи Основного закона России.

Данное направление совершенствования конституционных предписаний предназначено для реализации в праве признаков двух течений – либерального и традиционалистского, превалирующих в отечественном мировоззренческом информационном пространстве. Опираясь на них, оно вносит в правовое регулирование идеологический контекст и должно рассматриваться как важный вектор сбережения человеческого капитала. Тем самым учреждена конституционная база дальнейшего юридического оформления традиционалистской идеологии как фундаментальной основы развития нашего общества и государства, а следовательно, и права, и правового регулирования.

Более того, данный вектор вплотную подводит к определению роли сознания и правосознания в формировании идеологических основ жизни человеческого сообщества, к пониманию необходимости сохранения и приумножения человеческого капитала. Именно на этой основе может и должно быть обеспечено создание моделей правового регулирования других различных сфер общественного бытия в целом и каждого человека в отдельности.

Российский традиционализм в оценках человеческого капитала позволяет ученым утверждать, что «сознание занимает центральное место почти во всех аспектах человеческой деятельности. Все, что человек когда-либо познавал или чувствовал, видел, слышал, воображал, во что верил или что получал, в каком бы то ни было опыте, обязательно обрабатывалось универсальным медиумом – сознающим разумом. Сознание – это передаточная система всех наших ценностей, нашего понимания цели и смысла, правильного и неправильного, любви, ненависти, красоты, святости и всего остального, что делает жизнь ценной. Следовательно, всякая существенная ревизия концепции сознания, пересмотр его роли и связи с физическим мозгом или окружающей действительностью будет иметь масштабные последствия» [Сперри, 1994, с. 23].

Сказанное в равной степени относится и к правосознанию, поскольку жизнь в проекции юридической практики, формирующейся на основе официально утвержденной модели правового регулирования общественных отношений, доказывает, что перечисленные выше свойства и признаки сознания имеют прямое преломление и в правосознании. Особое значение доказанности такого присутствия в правовом сознании состоит в том, как подчеркивается в юридической науке, что все без исключения правовые явления предстают в практическом и научном облики, проходя предварительно через механизмы формирования и функционирования правосознания, а их формализация обеспечивается в процессе правового регулирования [Бутько, Лепешкина, 2021].

В последовательном осмыслении соотношения сознания и правосознания и их роли в сбережении человеческого капитала помогают разобраться исследования академика В.П. Казначеева о многообразии и сложном сочетании многих форм живой материи, воплощенных в самом человеке. Не менее существенным представляется вклад известного хирурга и священнослужителя В.И. Войно-Ясенецкого (Святителя Луки) в понимание сущности и структуры сознания, применительно к проблеме его соотношения с правосознанием [Святитель Лука, 2007]. Такой научный багаж в сочетании с рассуждениями по этой проблематике представителей философии права дает возможность предложить неко-

торые положения, позволяющие сфокусировать внимание на идеологическом векторе сбережения человеческого капитала.

Противоречия правосознания и права и варианты их разрешения

Исходным в характеристиках соотношения правосознания и права признается тезис о единстве исторических информационных параметров и источников сознания и правосознания. В этом убеждают известные нам носители информации: мифы, религиозные учения, гипотезы, высказанные интуитивистами и другими феноменальными учеными, которые и могут служить доказательством обозначенного единства. Однако современное право, воздействующее на сознание в этой совокупности, к сожалению, не может считаться совершенным и истинным. Поэтому его применение не улучшает регулирование общественных отношений, не обеспечивает желаемый порядок, а ведет к хаосу, к социальному коллапсу, потому не только не способствует приумножению человеческого капитала, а наоборот способно привести к его существенному сокращению. Этим фиксируется существенное противоречие, возникшее между современным правом и формируемым на его базе правосознанием.

Для разрешения такого противоречия полезным представляется включение в механизмы регулирования иных социальных регуляторов, имеющих в своей основе более весомую нравственную базу и потому более совершенных и надежных. Именно на комплексной системе социальных регуляторов должны быть сформированы основные направления правового регулирования моделей сохранения и наращивания человеческого капитала.

Нуждается в совершенствовании и сам механизм правообразования. Известно, что главным производителем права выступает государство, на него и возлагается ответственность за низкий авторитет права, его противоречивость, пробельность права, за его неспособность защитить законопослушного гражданина от противоправных посягательств. Право, которое мы имеем в настоящее время, создает социальную напряженность, ведет к социальным взрывам, а сформировавшееся на его основе правосознание не может признаваться достаточным и объективированным.

Правосознание наполняется актами нигилизма и отторжения существующего права. Такое положение выступает свидетельством еще одного противоречия, наблюдаемого в механизмах социального регулирования, суть которого состоит в нарушении баланса авторитета производителей разных социальных норм. Его разрешению способствует восстановление баланса такого авторитета.

В подтверждение возможности и целесообразности восстановления сбалансированности прокомментируем некоторые рассуждения таких ученых, как В.П. Казначеев [2004], Б.Ю. Татищев [2012] и другие. В частности, в работах Татищева речь идет о феномене религии как таковой и о самой массовой религии современности.

В высказываниях названных ученых заслуживают внимания суждения о первичности религии как явления, давшего миру соответствующий особый вид социальных норм. Ученые говорят о ее значении первичной базы, включающей этот особый вид в систему социальных регуляторов, о том, что в догосударственно-правовой период истории человечества первостепенную роль в регулировании общественных отношений выполняли именно религиозные нормы, являясь высшим видом социальных регуляторов. Их статус первичного социального регулятора должен быть восстановлен хотя бы в тех пределах, в которых они способны будут обеспечить нравственное содержание норм современного права и их соответствие Законам Космоса.

Следующим шагом в этом процессе должно быть признание в качестве одного из источников права, наряду с Земными, космических истоков происхождения права как яв-

ления, и обеспечение соответствия права позитивного, обогащенного духовным началом, естественному праву.

Сегодня на такую роль претендуют общепризнанные принципы и нормы международного права. Но произведенные в материальном, а не в духовном мире, они не могут выполнить того высокого предназначения, на которое способны Законы Космоса и нормы исторических религий. Тем более что в последние годы наметилась серьезная тенденция к снижению авторитета международного права, все явственнее наблюдаются попытки несоблюдения и даже прямого нарушения его норм.

В большей степени это относится к тем нормам, посредством которых должны быть урегулированы вопросы международной безопасности. Качественно изменились механизмы международно-правовой защиты прав человека, приведшие к появлению так называемого «конвенционного регулирования», настойчиво предлагаемого к имплементации в национальное право. Однако однозначного отношения к ним не наблюдается, поскольку «важнейшей проблемой является обеспечение непротиворечивости взаимодействия этих нормативно-правовых компонентов» [Бондарь, 2010].

И «в перспективе речь должна идти не о стандартах, которые формируются на базе абстрактных принципов, а о выработке общих норм в процессе договоренностей между всеми участниками международного взаимодействия» [Зорькин, 2014].

Предлагаемые варианты решения отмеченных противоречий между правом и правосознанием, таким образом, нацелены на сбережение человеческого капитала посредством совершенствования способов его правового регулирования.

Многоаспектность правосознания в механизмах сбережения человеческого капитала

Предложенные выше положения подчеркивают распространенные в юридической науке оценки правосознания в интеллектуальном, эмоциональном и волевом аспектах. Их единство в правосознании обеспечивает понимание окружающей правовой действительности в контексте отыскания в ней способов удовлетворения потребностей и интересов человека с помощью права, путем совершения действий, предписываемых правом, если таковое отвечает этим интересам и потребностям.

Именно в таком понимании сознания и правосознания в сочетании с аспектами реальной действительности человек познает самого себя, отвечает на сакраментальный вопрос человеческой жизни – кто есть Я, раскрывая тем самым суть и предназначение человеческого капитала.

В большей степени, чем юриспруденция, объяснение многоаспектности правосознания, а также его взаимосвязи с сознанием в окружающем мире дает философская наука. И не только потому, что знаковым элементом в предмете философии признается вопрос об отношении сознания человека к окружающему миру. Но главным образом потому, что ответ на него составляет основу понимания целей создания и функционирования на планете человеческого капитала.

Однако философские доктрины, разрабатываемые на этот счет, так и не предложили исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. Возможной причиной должно признаваться разделение философского мира в зависимости от убеждений и мировоззрений ученых. Напомним лишь некоторые примеры. Так, философы-атеисты не могут разобраться в том, что представляет собой «Дух» в философских учениях Шеллинга, что следует понимать под «абсолютной идеей» в философии Гегеля, что хотел донести до нашего сознания Фихте, обосновывая суть своего «Я».

В конечном итоге состоялось констатирование того факта, что диалектико-материалистическая философия стоит на позиции понимания сознания как функции высоко организованной материи – мозга. Но по-прежнему представители этого философского

течения пытаются безуспешно разгадать, каким образом информация, получаемая органами чувств человека, преобразуется в образ, отображаемый его сознанием.

Обращаясь к исследованиям представителей естественных наук (Экклз, 1959 г., Пенфилд, 1975 г.) невольно приходится соглашаться с ними в том, что человек не может мыслить за счет работы мозга, так же, как и с мнением Л.А. Латышевой в том, что «обладая уникальным инструментом для познания мира, о самом этом инструменте мы строим лишь более или менее правдоподобные предположения» [Латышева, 1998, с. 197].

Вполне возможно, что в конечном итоге человечество согласится с необходимостью привлечения постнаучного мышления, которое все явственнее заявляет о себе в условиях цифровизации и создания искусственного интеллекта. К примеру, Л.А. Латышева считает, что такая работа, как терпимое отношение к инакомыслию, к плюрализму идей и мнений, «оказывается выполнимой лишь на новом уровне мышления, отличном от научного. Назовем его ПОСТНАУЧНЫМ, – предлагает философ, – и будем понимать под ним всю совокупность методов и способов познания, которую выработало человечество во всех сферах своей духовной жизни – в философии, религии, науке, политике, праве, морали и искусстве. Не станем игнорировать и так называемые мистические способы познания – Интуицию, Откровение, Озарение, Экстаз» [Латышева, 1998, с. 7].

Примеры такого мышления в истории человеческой мысли в различных отраслях знаний, включая юридическую науку и практику, преподнесли (кроме названных В.П. Казначеевым) Платон, Аристотель, Цицерон, Фома Аквинский, Д. Бруно, Ф. Лейбниц, И. Кант, Ф. Гегель, П. Флоренский, С. Булгаков, И. Ильин и другие ученые. Ими вполне обосновано выдвигалась идея единого знания, включающего эмпирические, рациональные и иррациональные начала. Совокупность таких знаний наблюдается в содержании правосознания, чем и предопределены его возможности в сбережении человеческого капитала.

Заключение

С учетом сказанного, а также исходя из сопоставления особой значимости правового сознания с его современным кризисным состоянием, вытекает необходимость определить главный вектор исследовательского поиска в решении проблем сбережения человеческого капитала, наполнения сознания человека духовным стержнем как реализации его божественного начала.

Напоминая слова И.А. Ильина о том, что «кризис современного культурного правосознания состоит в теснейшей связи с религиозным кризисом» [Ильин 2005, с. 246], дополним: в связи со всемирным социально-экономическим и финансовым кризисом, экологическим неблагополучием, коронавирусной пандемией и другими наблюдаемыми явлениями. Особо подчеркнем, что в состоянии политического кризиса человечество находится уже не одно столетие. Вся современная действительность служит доказательством такого кризисного состояния. И представлено оно такими явлениями, как разноликая преступность, экстремизм, терроризм, коррупция, массовые беспорядки, государственные перевороты, революции, войны и т.д., демонстрируемые на религиозной, национальной и иной почве не только локально, но и во всемирных масштабах.

Предложенные в статье обоснования актуальности, значения, содержания и варианты решения поставленных проблем сбережения человеческого капитала сориентированы на философские трактовки его духовного наполнения и необходимость совершенствования правового регулирования данной сферы общественных отношений. В оценках новаций его правового регулирования в ключе конституционных поправок заслуживает внимания позиция Р.А. Папаяна. Он, в частности, утверждает, что «ученый, считающий себя... приверженцем христианских ценностей, призван исследовать и открывать в природе и в жизни закономерности Божьего творения, будь то в области астрофизики или права. И тогда правовые нормы будут не сочиняться, а открываться. Ибо сказано: "Что

было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят – смотри, вот это новое; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем" (Екк. 1.9. – 11)» [Папаян, 2002, с. 1]. Сказанное следует дополнить призывом поступать по тем же правилам и тех, кто исповедует иные религиозные ценности.

Нас же убеждают в правильности сочиненных человеческим умом норм, в том, что незачем эти нормы «открывать», достаточно их «сочинить», обеспечить их действие и применение принудительной силой государства и требовать неукоснительного подчинения этим нормам всех и вся. Настала пора согласиться наконец с явной философско-гносеологической недостаточностью, а порой и пагубностью таких пониманий права и сформированного на его основе правового регулирования. Нельзя относиться к данному феномену так поверхностно.

С учетом изложенных выше философских рассуждений, представляется целесообразным дефинитивное и методологическое обновление концептуальных положений *учения* о правовом регулировании общественных отношений в сфере сбережения человеческого капитала, сложившегося и проповедуемого в отечественной юриспруденции в течение последних десятилетий. Такой подход в реформировании системы правового регулирования способен обеспечить решение его назревших проблем дефинитивно-логического и практического толка, а также достижение цели создания и внедрения современных теоретических конструкций обновленной модели государственности нового исторического типа в Российской Федерации.

Список литературы

1. Бондарь Н.С. 2010. Европейский конституционализм в аспекте национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций. Рабочие материалы к Международному форуму по конституционному правосудию 18–20 ноября 2010, <http://www.ksrf.ru/ru/news/Documents/Bondar.pdf> (Дата обращения: 21.03.2021)
2. Бутько Л. В., Лепешкина О.В. 2021. Некоторые проблемы правового регулирования общественных отношений в ключе новых конституционных изменений. В кн.: Конституционная реформа в России 2020 года: политическое и правовое значение. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (4 декабря 2020 года). Краснодар, 2021: 28–32.
3. Зорькин В.Д. 2014. Цивилизация права: современный контекст. Журнал конституционного правосудия, 5: 1–15.
4. Ильин И.А. 2005. Кризис безбожия. М., 496 с.
5. Казначеев В.П. 2004. Думы о будущем. Рукописи из стола. Новосибирск, 208 с.
6. Латышева Л.А. 1998. Философия чуда. «Сталкер». Донецк, 336 с.
7. Папаян Р.А. 2002. Христианские корни современного права. М., 416 с.
8. Святитель Лука. 2007. Архиепископ Симферопольский и Крымский. Дух, душа и тело. Избранные творения. М., 767 с.
9. Сперри Р.И. 1994. Перспективы менталистской революции и возникновение нового научного мировоззрения. Мозг и разум. М., 176 с.
10. Татищев Б.Ю. 2012. Древнейшие Боги планеты. М., 272 с.

References

1. Bondar' N.S. 2010. Evropejskij konstitucionalizm v aspekte nacional'noj konstitucionnoj i evropejskoj konvencionnoj yurisdikcij [European constitutionalism in the aspect of national constitutional and European convention jurisdictions]. Rabochie materialy k Mezhdunarodnomu forumu po konstitucionnomu pravosudiyu November 18–20, 2010. <http://www.ksrf.ru/ru/news/Documents/Bondar.pdf> (Accessed: 21.03.2021)
2. But'ko L.V., Lepeshkina O.V. 2021. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij v klyuche novyh konstitucionnyh izmenenij [Some problems of legal regulation of public relations in the context of new constitutional changes. Constitutional reform in

Russia in 2020: political and legal significance]. In: *Konstitucionnaya reforma v Rossii 2020 goda: politicheskoe i pravovoe znachenie*. [Constitutional reform in Russia in 2020: political and legal significance]. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (December 4, 2020). Krasnodar, 2021: 28–32.

3. Zor'kin V.D. 2014. *Civilizaciya prava: sovremennyj kontekst* [The Civilisation of Law: a modern context]. *ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya*, 5: 1–15.

4. Il'in I.A. 2005. *Krizis bezbozhiya* [The crisis of godlessness]. M., 496 p.

5. Kaznacheev V.P. 2004. *Dumy o budushchem. Rukopisi iz stola* [Thoughts about the future. The manuscripts from the table]. Novosibirsk, 208 p.

6. Latysheva L.A. 1998. *Filosofiya chuda* [The philosophy of the miracle]. Stalker. Doneck, 336 p.

7. Papayan R.A. 2002. *Hristianskie korni sovremennogo prava* [Christian roots of modern law]. M., 416 p.

8. Svyatitel' Luka. 2007. *Arhiepiskop Simferopol'skij i Krymskij. Duh, dusha i telo. Izbrannye tvoreniya* [Archbishop of Simferopol and Crimea. Spirit, soul and body. Selected creations]. M., 767 p.

9. Sperry R.I. 1994. *Perspektivy mentalistskoj revolyucii i vzniknovenie novogo nauchnogo mirovozzreniya. Mozg i razum* [The prospects of the mentalist revolution and the emergence of a new scientific worldview. Brain and mind]. M., 176 p.

10. Tatishchev B.YU. 2012. *Drevnejshie Bogi planet* [The oldest Gods of the planet]. M., 272 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутько Людмила Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права СКФ ФГБОУ ВО «РГУП», г. Краснодар, Россия.

Лепешкина Ольга Владимировна, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ludmila V. Butko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the NCF FGBOU VO "RSUP", Krasnodar, Russia.

Olga V. Lepeshkina, Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-533-543

Категория «информация»: философский и правовой аспект

Короткина А.С.

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: korotkina-a@yandex.ru

Аннотация. Развитие коммуникационных процессов, средств массовой информации, проникновение информационных технологий во все сферы общественной жизни стало причиной повышения интереса к категории «информация», в том числе к сути и содержанию данного явления. Несмотря на повсеместное использование данного термина, в современной науке отсутствует единство подходов к его определению. Целью настоящего исследования является рассмотрение и обобщение научных, философских и правовых подходов к определению категории «информация» для формирования комплексного представления об информации как основе информационного права. Сделан вывод о том, что информация является сложным и многоуровневым понятием, относящимся к категории первичных, неопределяемых метапонятий. Результаты работы позволяют выработать комплексное представление об информации как основе информационного права, а также скорректировать подходы к использованию данной категории в правовом регулировании.

Ключевые слова: информационное право, информационное общество, правовой статус.

Для цитирования: Короткина А.С. 2021. Категория «информация»: философский и правовой аспект. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 46 (3): 533–543.
DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-533-543

Category "Information": Philosophical and Legal Aspects

Anna S. Korotkina

Perm State University
15 Bukireva St, Perm, Russia, 614990
E-mail: korotkina-a@yandex.ru

Abstract. The entry of humanity into a new stage of social development – the information society, the success that accompanies the spread of information technologies, puts the category "information" on a par with the fundamental, basic philosophical categories, referring it to the fundamental concepts of modern science. The concept of "information" in the modern world is used in the terminological apparatus in the sciences. At the same time, the attempt to determine the content of this category, despite its widespread use, encounters insurmountable difficulties, primarily due to the nature of this category. This circumstance is the basis for the formation of various, often contradictory points of view on this phenomenon. In view of the above, the purpose of this study is to review and summarize the scientific, philosophical and legal approaches to this category. The theoretical basis of the study was the work of scientists of the 19th–20th century. The normative and empirical basis of the work was the current legal regulation and law enforcement practice. The methodological basis of the work consists of general scientific theoretical research methods, including analytical, formal-logical, comparative-legal, historical. It is concluded that information is a complex and multilevel concept that belongs to the category of primary, undetectable meta-concepts. The results of the work allow us to develop a comprehensive understanding of information as the basis of information law, as well as to adjust approaches to the use of this category in legal regulation.

Keywords: information law, information society, legal status.

For citation: Korotkina A.S. 2021. Category "Information": Philosophical and Legal Aspects. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 533–543 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-533-543

Введение

Вступление человечества на новую ступень общественного развития – в информационное общество, успех, сопутствующий распространению информационных технологий, ставит категорию «информация» в один ряд с основополагающими, базовыми философскими категориями, относя ее к фундаментальным понятиям современной науки [Бородкин, 1997, с. 4].

Понятие «информация», а также производные от него термины, используются в терминологическом аппарате большого количества наук, в то же время попытка определить содержание данной категории, несмотря на повсеместное использование, наталкивается на непреодолимые сложности, обусловленные прежде всего ее сложным, многосторонним характером. Данное обстоятельство является основой для формирования различных, зачастую противоречивых точек зрения на это явление.

С учетом изложенного, целью настоящего исследования является рассмотрение и обобщение научных, философских и правовых подходов к категории «информация». Теоретической основой исследования выступили работы ученых XIX–XXI веков. Нормативной и эмпирической базой работы стало текущее правовое регулирование и правоприменительная практика. Методологическую основу работы составили общенаучные теоретические методы исследования, в том числе аналитический, формально-логический, сравнительно-правовой, исторический.

Философские подходы к категории «информация»

История информации, как и работа с ней, насчитывает около 7 тысяч лет – со времен возникновения шумерской письменности. Существовавшие изначально символьные, графические формы информации видоизменялись, приобретая буквенный, словесный, числовой формат. Изобретение книгопечатания в Китае (VIII в.), появление печатного станка в Германии (XV в.) дали возможность осуществлять тиражирование информации, а также создавать новые средства ее сохранения и передачи: на смену ручному способу приходит тиражирование печатных источников информации. Увеличение количества информации становится толчком к созданию первых поисковых систем, первоначально на алфавитной основе. Последующие технологические открытия (телеграф (1774 г.), фотография (1826 г.), телефон (1876 г.), радио (1895 г.), телевидение (около 1923 г.)) привели к расширению форм использования информации. Создание электронной вычислительной машины (30-е гг. XIX в.) обусловило наиболее значительные изменения в способах работы с информацией, а также всплеск интереса к данной категории как к объекту междотраслевых, комплексных исследований. Именно с этого времени берет свое начало история научного осмысления категории «информация».

Условно изучение феномена информации на онтологическом уровне как базовой философской научной категории ряд авторов делит на три периода: докибернетический, кибернетический и посткибернетический [Кузнецов, 2005]. Необходимо отметить, что указанный подход не является универсальным и критикуется рядом авторов за однобокость, связанную с исключительным его освещением в контексте использования информационных технологий [Петров, 2000].

Докибернетический период начался во времена эллинской, постэллинской цивилизации и завершился, по мнению ряда авторов, периодом промышленной революции конца XIX в. [Кузнецов, 2005], а по мнению ряда иных авторов, сороковыми годами XX в. [Пет-

ров, 2000] и был связан с традиционным (на философском уровне) пониманием предпосылок существования информационного взаимодействия: информация не была самостоятельным объектом исследования, использовалась в качестве определяющей категории для иных явлений, определялась через отражение как всеобщее свойство материи. Зачастую данная категория рассматривалась с языковой, семантической точек зрения как средство сохранения и передачи знаний, в том числе с использованием синонимичных словообразований. Сам термин «информация» практически не использовался в науке, а упоминались метрические оценки научной терминологии [Урсул, 1973]. Если не относить к данному периоду исследования, проведенные основоположниками кибернетики, по нашему мнению, в более поздний, кибернетический период, комплексный анализ категории «информация» в философских работах не проводился.

Фундаментальные открытия XX в. ознаменовали кибернетический период понимания информации, который был отмечен расцветом электроники, кибернетики, формированием подходов, теорий информации. Впервые как объект самостоятельного научного исследования информация была рассмотрена в работах основоположников кибернетики. В частности, автор математической теории связи К. Шенон, заложив основу разработки вероятностно-статистической теории информации, определил «информацию» как «снимаемую, уничтожаемую неопределенность» [Шенон, 1963], ввел количественные (энтропийные) характеристики информации. Вместе с тем, говоря об информации, он использовал только «сигнальный (субстратный) ее аспект, дающий возможность исчислять информацию» [Дмитриев, 2002, с. 20]. Ограниченность вероятностно-статистической теории информации привела к формированию иных подходов, направленных на преодоление ее недостатков, в том числе алгоритмического, динамического, комбинаторного, топологического, исследовавших в основном количественный аспект информации и вместе с тем вскрывших неоднозначность данной категории.

Продолжая рассмотрение информации как самостоятельной категории, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта Н. Винер поставил ее в один ряд с такими явлениями, как «материя» и «энергия» [Wiener, 1988], придав ей статус элемента научной картины мира, самостоятельной субстанции, что позволяет считать Винера также основоположником субстанциональной теории информации. Изучая информацию с позиции взаимодействия, то есть передачи, переработки и хранения, он определял ее как «...обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [Wiener, 1961]. Данная точка зрения нашла поддержку в работах российских ученых (В.А. Гадасин, Р.Ф. Абдеев, Б.Б. Кадомцев и др.).

Теория отражения как свойства материи сыграла значительную роль в формировании философских подходов к категории «информация». В частности, еще один родоначальник кибернетической эпохи А.Д. Урсул говорил, что «Информация – это разнообразие, которое один объект содержит о другом объекте (в процессе их взаимодействия)» [Урсул, 2010, с. 228]. По мнению В.М. Глушкова, «информация выступает атрибутом всей материи и свойством абсолютно всех материальных объектов – как живых, так и неживых» [Глушков, 1964]. В то же время Н.И. Жуков, Д. И. Дубровский, Г.Г. Вдовиченко и другие исследователи понимали информацию как свойство не всей, а только высокоорганизованной материи [Пахомова, 2013].

В противовес атрибутивному подходу формировалась функциональная концепция информации, приверженцы которой (Д.И. Дубровский, А.М. Коршунов, П.В. Копнин, Б.С. Украинцев, В.В. Вержбицкий, И.И. Гришкин, Н.Н. Моисеев, Г.И. Царегородцев и др.) полагали, что информация «есть свойство лишь самоорганизующихся систем, свя-

занное с их функционированием, и которое обладает тремя параметрами: синтаксическим, семантическим и прагматическим», при этом «семантические и прагматические параметры связаны с процессами управления и возникают только в управляемых или самоорганизующихся системах» [Лысак, 2015, с. 13].

Представители третьего, системного подхода придавали информации самостоятельный статус, не зависимый от субъекта [Stonier, 1990], говоря об информации, как о «физической величине, сравнимой по значению с понятием энергии в физике»¹.

С 1950-х годов формируются логико-семантические теории информации, крупнейшими представителями которых было обращено внимание на неотделимость информации от ее носителей, к которым они относили знаки, слова, языки (Д. Кемени, Р. Уэллс, Е.К. Войшвилло, Р. Карнап, И. Бар-Хиллел, Ю.А. Шрейдер).

Сосредоточенность существующих подходов к категории «информация» на формально-количественных, субстанциональных аспектах не отвечала потребностям приобретающих существенный вес социологических наук, что обусловило возникновение прагматических концепций информации, а также переход к посткибернетическому периоду ее исследования. Среди прагматических концепций необходимо отметить аксиологический подход к информации как к социальному феномену, учитывающему анализ роли субъективного фактора и его влияния на информацию, а также выработку критериев ценности информации.

Тема взаимосвязи информации, техники и общества, а также влияния информации на социально-экономическую систему поднята в работах, развивающих идеи постиндустриального общества. Информация рассматривалась как средство расширения сознания, способное стать универсальным средством платежа [McLuhan, 1967], как компонент инфосферы – подсистемы социальной коммуникации [Тоффлер, 1992].

Также в теориях постиндустриализма (М. Кастельс, Д. Белл, И. Масуда, В.Л. Иноземцев, Ф. Махлуп, М. Порат, Т. Стоуньер, Р.Ф. Абдеев, Р.М. Нижегородцев и др.) информация определялась как «базовый ресурс не только экономической деятельности, но и нового этапа развития человечества, эффективность использования которого определяет конкурентоспособность хозяйствующих субъектов и национальных экономик в целом» [Терещенко, 2011]. Однако исследователи не рассматривали информацию как самостоятельную онтологическую категорию, оценивая прежде всего ее роль и значение в формировании постиндустриального (информационного) общества и взаимосвязь с субъектами, ее использующими, а также возможности, которые данная информация представляет.

Таким образом, онтологические подходы к информации, начав с математических, вероятно-статических, уделяющих особое внимание количественным аспектам информации, постепенно прошли этапы формирования качественных оценок данной категории, рассматривая ее как неотделимость от носителей информации и ее социального фактора. В настоящее время исследование категории «информация» осуществляется представителями как естественных и технических, так и гуманитарных наук, формируются синергетические подходы к ее изучению, объединяющие количественные и качественные аспекты, а также ставящие вопросы о ценности информации. Не теряют своего значения и атрибутивный, логико-семантический, а также прагматический подходы.

Таким образом, в естественных (точных) науках информация определяется исходя из «свойства вариативности относительно устойчивых материальных состояний объектов, передающих и хранящих информацию» [Камалова, 2017] (объективный подход, субстанциональная, функциональная, атрибутивная концепции). Гуманитарные науки определяют

¹ Бергаланфи Л. 1969. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов; общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М., Прогресс, 518 с.

информацию во взаимосвязи с субъектом, ее воспринимающим (сведения, сообщения, данные) (субъективный подход, семантическая, прагматическая концепции).

Изложенное позволяет сделать вывод о дуалистичной природе информации: информация объективна в силу объективности данных, но субъективна в связи с субъективностью применяемых методов. Данное обстоятельство позволяет отнести информацию к категории первичных, неопределимых, предельно общих фундаментальных метапонятий, обладающих высокой (универсальной) степенью обобщения, с уровнем онтологического существования, аналогичным материи, движению, энергии, массе.

Правовые подходы к категории «информация»

В правовую действительность информация как базовая категория информационного права стала понятийно входить в 90-х годах XX века. Проведенный нами анализ правового поля позволяет сделать вывод, что в нормах права, в юридической науке данное явление не оценивается с учетом его глубинной сущности, обсуждаемой в различных науках на протяжении XX века. По сути, понятие информации сводится к смысловому значению (семантический подход к категории «Информация») и раскрывается через совокупность синонимичных категорий. Более того, правовой наукой так и не сформулирован однозначный подход к пониманию сущности данного явления как «объекта права», «объекта правового регулирования», «объекта правоотношения».

Теоретики права, рассматривая информацию в качестве объекта права, объекта правового регулирования и объекта правоотношения, расходятся во мнениях относительно как содержания данной категории, так и возможных пределов правового регулирования.

В первые годы постсоветского периода ученые исходили из логики, закладываемой в данную категорию советским законодателем. Так, по мнению И.Л. Бачило, информация – это «объект материальный, что дает основание относить ее также и к категории вещей. А это означает, что на нее распространяется право вещной собственности» [Бачило, 1992, с. 32]. А.П. Сергеев говорил, «что информация представляет собой результат интеллектуальной деятельности» [Сергеев, 1994, с. 39].

После включения информации в перечень объектов прав Г.А. Лобанов писал, что информация является товаром [Лобанов, 1997, с. 74]. В.А. Дозорцев описывал информацию как «сведения, сообщаемые одним лицом другому, о ней можно говорить и как о процессе сообщения этих сведений» [Дозорцев, 1996, с. 27]. М.М. Рассолов вкладывал в категорию информация «вещи или действия (продукт или услуги), которые а) предназначены их производителем для доставки определенного знания получателю (потребителю); б) способны пополнить знания получателя без проведения каких-то специальных нетипичных для него действий»¹. В.А. Копыловым было отмечено, что информация является сложной вещью, включающей в себя материальный носитель². Е.Н. Насонова признавала информацию «объектом гражданских прав в случаях, при которых сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах находят свое отображение на материальных объектах в виде символов, образов, сигналов и технических решений» [Насонова, 2002, с. 8].

Вместе с тем В.С. Толстой указывал, что «будучи общераспространенной, информация служит удовлетворению потребностей каждого субъекта общества (как свет, воздух, вода и т.п.) и при таких обстоятельствах вряд ли может выступать в качестве предмета прав, в том числе гражданских. Однако если она обособлена от других информационных образований, то может стать предметом обладания определенного субъекта, значит,

¹ Рассолов М.М., Элькин В.Д., Рассолов И.М. 1996. Правовая информатика: управление в сфере предпринимательства. Учебное пособие. М., Юристь, С. 198.

² Копылов В.А. 1997. Информационное право. Учебное пособие. М., Юристь, 472 с.

объектом его прав»¹. А.Н. Латыев отмечал, что информация по своей сути нематериальна [Латыев, 2004, с. 23]. Данные рассуждения продолжает А.Г. Карташан, говоря, что информационный объект не может рассматриваться как товар, объект права собственности, а институт вещных прав не может быть применен к этому явлению, так как «существует объективная невозможность распространения данного института на нематериальные объекты» [Карташан, 2007, с. 15]. А.А. Антопольский считал, что информацией является «результат сознательной деятельности человека, зафиксированный в любой пригодной для восприятия форме» [Антопольский, 2004, с. 6].

Вариативность приведенных подходов позволяет сделать вывод, что вопрос о категории «информация» может быть отнесен в отечественном правоведении к числу дискуссионных. Вместе с тем проанализированные подходы говорят о том, что в правовой доктрине «подход к информации в основном ограничен отраслевым подходом к ее понятийной интерпретации», носящим односторонний, семантический характер [Пучков, 2020, с. 4], что не может не вызывать обоснованную критику. По сути рассмотренные ранее философские подходы к данной категории не нашли своего отражения в нормах права, при этом большинство теоретиков права, не погружаясь глубоко в сущность данной категории, ограничивают свои исследования используемой законодателем терминологией.

Несмотря на это, большинство авторов придерживаются точки зрения, согласно которой используемый понятийный аппарат достаточен для правового регулирования, поскольку «информация как таковая остается на периферии: право всегда регулирует отношения, связанные с тем или иным информационным объектом, а не с информацией как таковой» [Войнискатис, 2004, с. 34]. Однако переосмысление подходов к данной категории будет способствовать эффективному использованию возможностей данного явления, позволяя разграничивать его с иными, смежными категориями. Более того, с учетом современного тренда на повсеместную цифровизацию деятельности, формирование целостного подхода к категории «информация» позволит в полной мере использовать возможности, предоставляемые современными цифровыми технологиями, а также обеспечивать непротиворечивое правовое регулирование обозначенной сферы деятельности.

Информация как объект правового регулирования

Объектом правового регулирования информация выступала со времен «тайного» делопроизводства в эпоху средневековья. Официальное юридическое оформление статуса информации датируется сороковыми годами прошлого века.

На конференции ООН в Мехико в 1946 г. была озвучена необходимость закрепления свободы международного информационного обмена, что нашло свое отражение в Резолюции 59(1) Генеральной Ассамблеи ООН «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации». Далее, в 1948 г. в статье 19 Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г., закреплено право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. В Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой 22 июля 2000 г., информационно-коммуникационные технологии поименованы в качестве одного из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. В Декларации принципов, сформулированных на Всемирном Саммите по информационному обществу, проходившем в декабре 2003 года, информационно-коммуникационные технологии указаны в качестве основного инструмента для создания общества, ориентированного на интересы людей, открытого для всех, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал.

¹ Толстой В.С. 2009. Гражданское информационное право. Учебник. М., С. 24.

В Российской Федерации право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым способом, соответствующим закону, закреплено в части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации. Данный термин нашел свое отражение в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», согласно статье 2 которого информация представляла собой «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления». Позднее данный термин появился в иных нормативных правовых актах. Вместе с тем сам факт повсеместного включения категории «информация» в правовое поле не создавал условий для последовательного правового регулирования, а скорее отражал факт массовой информатизации сфер деятельности.

В статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации первоначально информация была включена в перечень объектов гражданских прав. Однако ответа на вопрос о правовой природе данной категории, ее месте среди иных объектов гражданских прав законодатель не давал. С принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» из состава указанных объектов она была исключена, что вызвало многочисленные споры в среде ученых юристов.

Согласно статье 2 указанного Федерального закона информация представляет собой «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Стоит отметить, что законодатель, исходя из имеющегося опыта правового регулирования, усовершенствовал данную дефиницию, сделав ее более точной и емкой и отойдя от присвоения принадлежности информации к различным объектам. Статьей 5 Федерального закона установлено, что в рассмотренном значении информация определяется как объект публичных, гражданских и иных правовых отношений.

Данное определение расставляет акценты на нематериальной природе информации, и, стоит согласиться с А.В. Минбалевым, строится на семантической теории информации [Минбалева, 2007, с. 97].

Несмотря на краткий и емкий характер, содержание категории «информация» оставляет открытым ряд вопросов. Имея общий характер, термин использует ряд иных дефиниций, его раскрывающих, к определению терминологии и сущности которых применяется множество подходов и которые по сути являются его синонимами. В отраслевых нормативных правовых актах так или иначе раскрывается соответствующая терминология, либо термин «информация» имеет свой понятийный аппарат.

В частности, самостоятельную специфическую терминологию содержат Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 03 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях», Федеральный закон от 25 января 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также многочисленные подзаконные нормативные правовые акты.

Анализ используемой в указанных нормативных правовых актах терминологии подтверждает, что в легальном понимании информация как объект правового регулиро-

вания носит межотраслевой характер и зависит от сферы правового регулирования как любое первичное, не определяемое метапонятие. Содержание данной категории раскрывается в отношении материальных состояний объектов, передающих и хранящих информацию, а также субъектов, ее воспринимающих, что отражает дуалистический характер информации.

Заключение

В связи со становлением информационного общества современная философия обратилась к исследованию информационной проблематики, используя подходы естественных, технических и гуманитарных наук. Указанная проблематика в последнее десятилетие находит свое отражение и в правовых науках. Информационное право, не признаваемое рядом теоретиков права, встраивается в существующую правовую действительность.

Как было отмечено ранее, информация является системообразующей категорией информационного права, предметной областью познавательной деятельности данной науки, а также по сути существенным объектом интереса человека на протяжении всей его истории. Многообразие форм существования информации, точек зрения на сущность данного явления, ее свойств и признаков ставят ее в один ряд с базовыми философскими категориями, а возможности использования превращают в «кровь» современного мира.

Вместе с тем отсутствие концептуально оформленного подхода к информации негативно сказывается на системном осмыслении роли данной категории в информационном обществе. Обозначенные проблемы являются причиной формирования различных точек зрения на цель, предмет, объект, методы науки информации права, что впоследствии негативно отражается на возможностях правового регулирования.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что информация является сложным и многоуровневым понятием, относящимся к категории первичных, неопределяемых метапонятий. Содержание данной категории раскрывается в отношении материальных состояний объектов, передающих и хранящих информацию, а также субъектов ее воспринимающих, что отражает ее дуалистический характер.

Формирование подходов, концепций, теорий к определению сущности и содержания категории «информация» детерминировано соответствующей исторической эпохой и превалирующими в соответствующий период времени подходами.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о необходимости продолжения поиска как универсальных, так и практических подходов к пониманию информации как базовой категории информационного права, что позволит сформировать более стройную систему научного знания и скорректировать подходы к использованию данной категории в правовом регулировании.

Список литературы

1. Антопольский А.А. 2004. Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 29 с.
2. Бачило И.Л. 1992. О праве собственности на информацию. Труды Института законодательства и сравнительного правоведения, 52: 134 с.
3. Бородкин Л.И. 1997. Историческая информатика: Этапы развития. Новая и новейшая история, 1: 3–22.
4. Войникайнис Е.А., Якушев М.В. 2004. Информация. Собственность. Интернет. Традиция и новеллы в современном праве. М., Волтерс Клувер, 176 с.
5. Глушков В.М. 1964. О кибернетике как науке. Кибернетика, мышление, жизнь. М., Наука, 511 с.
6. Дмитриев Е.А. 2002. Философский анализ информации как сущностной стороны социальной реальности: Дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 21 с.

7. Дозорцев В.А. 1996. Информация как объект исключительного права. Дело и право, 4: 27–38.
8. Ёмирзоева Е.А. 2018. "Информация" и "знание": анализ соотношения статуса понятий в условиях информационного общества. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук, 1 (74): 48–57.
10. Камалова Г.Г. 2017. Информация как правовая категория: развитие концептуальных подходов. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского «Юридические науки», 3 (69): 185–192.
11. Карташян А.Г. 2007. Гражданско-правовой режим коммерческой информации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 26 с.
12. Кузнецов П.У. 2005. Теоретические основания информационного права: Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 55 с.
13. Кушнир Д.Ю. 2018. Информация: социально- философская концептуализация понятия. Гуманитарий юга России, 4: 141–148.
14. Латыев А.Н. 2004. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 211 с.
15. Лобанов Г.А. 1998. Информация как объект гражданских правоотношений. Бизнес-адвокат, 6: 72–84.
16. Лысак И.В. 2015. Информация как общенаучное и философское понятие: основные подходы к определению. Философские проблемы информационных технологий и киберпространства, 2 (10): 9–26.
17. Минбалеев А.В. 2007. Категория «Информация» в законодательстве стран ближнего зарубежья: сравнительный анализ. Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 28 (100): 96–98.
18. Насонова Е.Н. 2002. Информация как объект гражданского права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 23 с.
19. Пахомова В.А. 2013. Понятие термина «информация» и его историческое развитие. Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 4: 59–63.
20. Петров В.К. 2000. Информация как объект познания и средство социального управления: Социально-философский аспект: Дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 18 с.
21. Проскурин А.С. 2016. Понятие правовой информации как основы информационного общества. Вестник Волгоградского государственного университета: 1(30): 51–57.
22. Полякова Т.А. 2016. Базовые принципы правового обеспечения информационной безопасности. Труды института государства и права РАН, 3 (55): 17–40.
23. Пучков В.О. 2020. Информация – объект гражданского права? Арбитражные споры, 2: 135-144.
24. Сергеев А.П. 1994. Авторское право России. СПб., 311 с.
25. Сокольская В.В. 2017. Информационная парадигма современности: эпистемологический аспект. Проблемы современной науки и образования, 7 (89): 117–119.
26. Сухих Н. И. 2016. Три уровня рассмотрения категории «информация». Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2: 20–24.
27. Терещенко Л.К. 2011. Правовой режим информации: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 54 с.
28. Тоффлер Э. 1992. Проблемы власти на пороге XXI века. Свободная мысль, 2: 113–120.
29. Урсул А.Д. 1973. Отражение и информация. М., 231 с.
30. Урсул А.Д. 2010. Природа информации: философский очерк. Челябинск, 231 с.
31. Шеннон К. 1963. Работы по теории информации и кибернетики. М., Изд-во иностранной лит-ры, 829 с.
32. Bertalanfi L. 1969. Obshchaya teoriya sistem: kriticheskii obzor [General System Theory]. General Systems, VII: 1–20.
33. Floridi, L. 2003. Two Approaches to the Philosophy of Informatio. Minds and Machines, 13(4): 459–469.
34. Fetzer, J.H. 2004. Information, Misinformation, and Disinformation. Minds and Machines, 14(2), 223–229 (2004)
35. McLuhan M. 1967. Understanding media: The extensions of man. London, 464 p.
36. Stonier T. 1990. Information and the Internal Structure of the Universe: An Exploration into Information Physics. London: Springer-Verlag, 155 p.

37. Wiener N. 1961. *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine*. Paris: Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press), 244 p.
38. Wiener N. 1988. *The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society*. Da Capo Press, 204 p.

References

1. Antopol'skii A.A. 2004. *Pravovoe regulirovanie informatsii ogranichennogo dostupa v sfere gosudarstvennogo upravleniya* [Legal regulation of restricted access information in the field of public administration]. Abstract. dis. ... cand. leg. sciences. M., 29 p.
2. Bachilo I.L. 1992. *O prave sobstvennosti na informatsiyu* [About the ownership of information]. *Trudy Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 52: 134 p.
3. Borodkin L.I. 1997. *Istoricheskaya informatika: Etapy razvitiya* [Historical Computer Science: Stages of development]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 1: 3–22.
4. Voinikainis E.A., Yakushev M.V. 2004. *Informatsiya. Sobstvennost'*. Internet. Traditsiya i novelty v sovremennom prave [Information. Property. The Internet. Tradition and novellas in modern law]. M., Publ. Volters Kluver, 176 p.
5. Glushkov V.M. 1964. *O kibernetike kak nauke. Kibernetika, myshlenie, zhizn'* [About cybernetics as a science. Cybernetics, thinking, life]. M., Publ.: Nauka, 511 p.
6. Dmitriev E.A. 2002. *Filosofskii analiz informatsii kak sushchnostnoi storony sotsial'noi real'nosti* [Philosophical analysis of information as an essential aspect of social reality]: Dis. ... cand. filos. sciences. Kemerovo, 21 p.
7. Dozortsev V.A. 1996. *Informatsiya kak ob"ekt isklyuchitel'nogo prava* [Information as an object of exclusive right]. *Delo i pravo*, 4: 27–38.
8. Emirzoeva E.A. 2018. "Information" and "Knowledge": correlation analysis of the status of concepts in informational society. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*, 1 (74): 48–57.
9. Kamalova G.G. 2017. *Informatsiya kak pravovaya kategoriya: razvitie kontseptual'nykh podkhodov* [Information as a legal category: the development of conceptual approaches]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo «Yuri-dicheskije nauki»*, 3 (69): 185–192.
10. Kartashyan A.G. 2007. *Grazhdansko-pravovoi rezhim kommercheskoi informatsii* [Civil-legal regime of commercial information]: Abstract. dis. ... cand. leg. sciences. M., 26 p.
11. Kolin K. K. 2015. *Filosofskie tezisy o prirode informatsii* [Philosophical theses on the nature of information]. *Vestnik Mezhdunarodnoi akademii nauk (Russkaya sektsiya)*, 1 (17): 52–58.
12. Kuznetsov P.U. 2005. *Teoreticheskie osnovaniya informatsionnogo prava* [Theoretical foundations of information law]: Abstract. dis. ... doct. leg. sciences. Ekaterinburg, 55 p.
13. Kushnir D.Yu. 2018. *Informatsiya: sotsial'no-filosofskaya kontseptualizatsiya ponyatiya* [Information: socio-philosophical conceptualization of the concept]. *Gumanitarii yuga Rossii*, 4: 141–148.
14. Latyev A.N. 2004. *Veshchnye prava v grazhdanskom prave: ponyatie i osobennosti pravovogo rezhima* [Real rights in civil law: the concept and features of the legal regime]: Dis. ... cand. leg. sciences. Ekaterinburg, 211 p.
15. Lobanov G.A. 1998. *Informatsiya kak ob"ekt grazhdanskikh pravootnoshenii* [Information as an object of civil legal relations]. *Biznes-advokat*, 6: 72–84.
16. Lysak I.V. 2015. *Informatsiya kak obshchenauchnoe i filosofskoe ponyatie: osnovnye podkhody k opredeleniyu* [Information as a general scientific and philosophical concept: basic approaches to the definition]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva*, 2 (10): 9–26.
17. Minbaleev A.V. 2007. *Kategoriya «Informatsiya» v zakonodatel'stve stran blizhnego zarubezh'ya: sravnitel'nyi analiz* [The category of "Information" in the legislation of neighboring countries: a comparative analysis]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo»*, 28 (100): 96–98.
18. Nasonova E.N. 2002. *Informatsiya kak ob"ekt grazhdanskogo prava* [Information as an object of civil law]. Abstract. dis. ... cand. leg. sciences. M., 23 p.
19. Pakhomova V.A. 2013. *Ponyatie termina «informatsiya» i ego istoricheskoe razvitie* [The concept of the term "information" and its historical development]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo»*, 4: 59–63.
20. Petrov V.K. 2000. *Informatsiya kak ob"ekt poznaniya i sredstvo sotsial'nogo upravleniya: Sotsial'no-filosofskii aspekt* [Information as an object of cognition and a means of social management: Socio-philosophical aspect]: Dis. ... cand. filos. sciences. Ufa, 18 p.

21. Proskurin A.S. 2016. Ponyatie pravovoi informatsii kak osnovy informatsionnogo obshchestva [The concept of legal information as the basis of the information society]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta: 1(30): 51–57.
22. Polyakova T. A. 2016. Bazovye printsipy pravovogo obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti [Basic principles of legal support of information security]. Trudy instituta gosudarstva i prava RAN, 3 (55): 17–40.
23. Puchkov V.O. 2020. Informatsiya – ob"ekt grazhdanskogo prava? [Information is an object of civil law] Arbitrazhnye spory, 2: 135–144.
24. Sergeev A.P. 1994. Avtorskoe pravo Rossii [Copyright of Russia]. SPb., 311 p.
25. Sokol'skaya V.V. 2017. Informatsionnaya paradigma sovremennosti: epistemologicheskiy aspekt [The information paradigm of modernity: an epistemological aspect]. Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya, 7 (89): 117–119.
26. Sukhikh N. I. 2016. Tri urovnya rassmotreniya kategorii «informatsiya» [Three levels of consideration of the "information" category]. Vestnik Vyatsko-go gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2: 20–24.
27. Tereshchenko L.K. 2011. Pravovoi rezhim informatsii [Legal regime of information]: Dis. ... cand. leg. sciences. M., 54 p.
28. Toffler E. 1992. Problemy vlasti na poroge XXI veka [Problems of power on the threshold of the XXI century]. Svobodnaya mysl', 2: 113–120.
29. Ursul A.D. 1973. Otrazhenie i informatsiya [Reflection and information]. M., 231 p.
30. Ursul A.D. 2010. Priroda informatsii: filosofskii ocherk [The nature of information: a philosophical essay]. Publ.: Chelyabinsk, 231 p.
31. Shannon K. 1963. Raboty po teorii informatsii i kibernetiki [Works on the theory of information and cybernetics]. M., Publ.: Izd-vo inostran-noi lit-ry, 829 p.
32. Bertalanfi L. 1969. Obshchaya teoriya sistem: kriticheskii obzor [General System Theory]. General Systems, VII: 1–20.
33. Floridi, L. 2003. Two Approaches to the Philosophy of Informatio. Minds and Machines, 13(4): 459–469.
34. Fetzer, J.H. 2004. Information, Misinformation, and Disinformation. Minds and Machines, 14(2), 223–229 (2004).
35. McLuhan M. 1967. Understanding media: The extensions of man. London, 464 p.
36. Stonier T. 1990. Information and the Internal Structure of the Universe: An Exploration in Information Physics. London: Springer-Verlag, 155 p.
37. Wiener N. 1961. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Paris: Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press), 244 p.
38. Wiener N. 1988. The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society. Da Capo Press, 204 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Короткина Анна Сергеевна, доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna S., Korotkina Associate Professor, Doctor of Law, Professor of the Criminal Procedure Department of the I. D. Putilin Law Institute of Perm State University, Perm, Russia

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-544-552

Доктринальное осмысление системы принципов процессуально-правового регулирования

Нинциева Т.М.

Чеченский государственный университет,
Россия, 364093, г. Грозный, ул. А.Шерипова, 32
E-mail: belvp46@mail.ru

Аннотация. Система принципов процессуально-правового регулирования общественных отношений является основой эффективности его осуществления. Поскольку проблематика принципов процессуально-правового регулирования остается малоизученной, автором поставлена цель: обосновать, классифицировать и выявить критерии формирования системы данных принципов. Проведенный анализ доктринальных подходов показал, что принципы права сформулированы в законе либо вытекают из его смысла, служат ориентиром для деятельности уполномоченных субъектов в процессе правового регулирования общественных отношений. В результате выявлено, что к определению принципов процессуально-правового регулирования в общетеоретической науке существуют два методологических подхода: синтезированный, который включает принципы права, правовые принципы, а также нормы-принципы, исходя из их содержания и предназначения; согласно второму – включаются только представленные в системе принципы, при этом вычлняются те, которые имеют непосредственное отношение к такому регулированию. В итоге исследования система процессуально-правовых принципов сформирована по следующим критериям: а) источник нормативного закрепления: конституционные и закрепленные в других нормативно-правовых актах принципы; б) по сфере действия: общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные принципы; в) по предмету правового регулирования (сообразно процессуальным отраслям).

Ключевые слова: доктрина, принципы, система, процессуально-правовое регулирование, методология формирования, классификация

Для цитирования: Нинциева Т.М. 2021. Доктринальное осмысление системы принципов процессуально-правового регулирования. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 544–552. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-544-552

Doctrinal Understanding of the System of Principles of Procedural and Legal Regulation

Nintsieva T.M.

Chechen State University,
32 A. Sheripova St, Grozny, 364093, Russia
E-mail: belvp46@mail.ru

Abstract. The system of principles of procedural and legal regulation of public relations is the basis for its effective implementation. Since the problems of the principles of procedural legal regulation remain little studied, the author set the goal: to substantiate, classify and identify the criteria for the formation of a system of these principles. An analysis of doctrinal approaches showed that the principles of law are formulated in the law or stem from its meaning, serve as a guide for the activities of authorized entities in the process of legal regulation of public relations. As a result, it was revealed that there are two methodological approaches to the definition of the principles of procedural legal regulation in general theoretical science: synthesized, which includes the principles of law, legal principles, as well as norms-

principles, based on their content and purpose; according to the second, only the principles presented in the system are included, while those that are directly related to such regulation are identified. As a result of the study, the system of procedural legal principles was formed according to the following criteria: a) a source of normative consolidation: constitutional and principles enshrined in other regulatory legal acts; b) in terms of scope: general legal, intersectoral, sectoral and institutional principles; c) on the subject of legal regulation (according to the procedural branches).

Keywords: doctrine, principles, system, procedural and legal regulation, formation methodology, classification

For citation: Nintsieva T.M. 2021. Doctrinal Understanding of the System of Principles of Procedural and Legal Regulation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 46 (3): 544–552 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-544-552

Введение

Приступая к исследованию заявленной темы относительно принципов процессуально-правового регулирования и формированию их системы, прежде всего надо сказать, что они, безусловно, являются производными от принципов права, которые в научной литературе рассматриваются в качестве идей, начал, положений, основы, требований и т.д.

Научный базис и его анализ свидетельствует о наличии единства мнений по поводу того, что принципы права выступают сформулированными в законе либо вытекающими из его смысла положениями, являющимися как руководством к действию, так и существенными характеристиками всей правовой материи. В качестве примера сошлемся на точку зрения О.И. Цыбулевской, согласно которой «наука не придумывает, а открывает заложенные в ней принципы, показывает их роль, значение, содержание и функционирование. Задачей юридической науки является их выявление, обоснование, изучение и классификация» [Цыбулевская, 2000, с. 75]. Именно указанное направление положено в основу настоящей статьи, тем более, что проблематика принципов процессуально-правового регулирования остается малоизученной.

Следует, однако, отметить, что обстоятельное исследование принципов права проведено авторским коллективом в книге «Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты» [Принципы российского права, 2010]. Как точно в ней подметил Н.И. Матузов, «принципы вообще – своего рода социальные скрепы человеческих взаимоотношений. Принципы государственно-правовых явлений – вопрос не "проходной" и не второстепенный, а существенный, ключевой, теоретически значимый, позволяющий раскрывать подлинное "кредо" изучаемых объектов», и к такому изречению трудно что-либо добавить [Принципы российского права, 2010, с. 11].

В контексте настоящей работы важно подчеркнуть, что принципы права воздействуют определяющим образом на правовое регулирование вообще и процессуально-правовое регулирование в частности, выступают своеобразным ориентиром для управомоченных субъектов в данном процессе.

Если говорить кратко, то под сущностью (и одновременно предназначением) процессуально-правового регулирования следует понимать возможность организации и применения мер процессуально-процедурного характера, обеспечивающих в итоге оптимальную реализацию материальными нормами целей и задач правового регулирования; и в этом процессе роль принципов невозможно переоценить.

Понятие принципов права и правовых принципов

На сегодняшний день принципы права – одно из наиболее широко употребляемых и в то же время наименее однозначное понятие теории права. По справедливому мнению Ю.И. Гревцова, «категория "принцип права" относится если не к центральным, то к весь-

ма заметным понятиям в теории права, призванным служить практике» [2006, с. 21]. Со своей стороны, уточним – служить юридической практике, обеспечивать правовое (включая и процессуальное) регулирование посредством соответствующих механизмов.

В то же время, несмотря на широкое распространение понятия «принципы права» (можно согласиться с мнением тех авторов, кто пишет, что «сегодня можно с уверенностью говорить, что категория "общеправовые принципы" прочно вошла в арсенал юридической науки») [Дмитриев, 2012, с. 21], наблюдаются различные подходы к пониманию сущности и содержания принципов права, правовых принципов, их роли и значения в правовом регулировании общественных отношений. Рассмотрим отдельные из них.

Анализ доктринальных позиций по данному вопросу начнем с упоминания о том, что для Г. Гегеля принцип – это абсолютная идея, дух, сам по себе функционирующий разум. По С.С. Алексееву, принципы права – это своего рода «правовые идеалы».

В правовой науке широкое распространение получило суждение о принципах права как об исходных, основополагающих, руководящих его идеях, началах. Так, по мнению М.И. Байтина, «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [Байтин, 2005, с. 25]. М.Н. Марченко также считает, что «по своей сути, истокам принципы права представляют собой определенные фундаментальные идеи и идеалы, которые сформулированы на основе научного и практического опыта» [Общая теория государства и права, 2007, с. 95]. Н.Н. Вопленко отмечает: «Принципы права – "сквозные и генеральные" идеи, определяющие общий "дух" и направленность правового регулирования» [Вопленко, 2009, с. 55].

И такое представление о принципах права доминирует в отечественной юридической науке; оно напрямую увязано с правовым регулированием, его общей, в том числе и процессуальной, направленностью.

Одновременно необходимо отметить, что в правовом регулировании важную роль играют и так называемые правовые принципы: доктрина права различает принципы права и правовые принципы, которые существуют автономно и наполнены собственным содержанием. Полагаем, что в этом различии есть определенный резон, поскольку понятие правовых принципов шире понятия принципов права и относится не только к праву, но и к более сложным и объемным государственно-правовым образованиям – правовой политике, законотворчеству, правоприменению, правосудию, управлению, правовой системе и другим. Правовые принципы тем самым включают в себя полностью принципы права и ими не ограничиваются; категория «правовые принципы» близка к понятию «правовые основы».

По этому поводу А.В. Скоробогатов и А.В. Краснов пишут следующее: «Правовые принципы – один из важнейших элементов любой правовой системы. От того, насколько они отражены (не обязательно вербализованы) в нормах права и в правоприменительной деятельности, во многом зависит эффективность правового регулирования и легитимность правовой политики государства. Правовой принцип представляет собой объективно-субъективное понятие, обозначающее правовое явление, выраженное в идеях, но имеющее нормативное закрепление, обозначающее самостоятельную основополагающую (фундаментальную) форму права, определяющую его сущность и содержание, обеспечивающую сбалансированное состояние (гомеостазис) национальной системы права, его целостность и внутреннее единство; непротиворечивость, последовательность, ожидаемость и предсказуемость правотворческого и правореализационного процессов» [Скоробогатов, 2020, с. 308]. В целом не возражая вышесказанному, считаем, что правовые принципы – это, скорее, не правовое явление, а правовая категория.

Кроме изложенного, необходимо сказать и о том, что в теории права получило распространение представление, в соответствии с которым под принципами права понимаются правовые нормы, отличающиеся наиболее абстрактным характером, что предопредели-

ло появление такого понятия, как «нормы-принципы». К примеру, С.С. Алексеев считает, что «принципы права по большей части выступают в виде норм (норм-принципов)» [2001, с. 228]. Однако, по мысли Т.В. Дерюгиной, использовать такие принципы в правоприменительной деятельности «достаточно сложно, так как нормы-принципы неконкретны, как правило, декларативны» [Дерюгина, 2010, с. 64].

Специфика норм-принципов во многом объясняется тем, что, как отмечает А.Ф. Воронов, они «царствуют, но не правят»: «перед "принципами" формально преклоняются, их уважают, о них пишут книги, их выносят в первые главы и разделы законов, в частности кодексов, но когда речь заходит о конкретной законотворческой или правоприменительной работе, то зачастую о них забывают или их игнорируют» [2009, с. 5]. Со своей стороны, заметим, что в отличие от «обычных» норм нормы-принципы чаще всего рассматриваются как задающие идейный ориентир, а не как модель должного и сущего, не более того, хотя они и оказывают определенное влияние на цели процессуально-правового регулирования.

Одновременно считаем, что в направлении повышения эффективности правового регулирования целесообразно все названные и отчасти охарактеризованные принципы закрепить в действующем законодательстве, что, несомненно, будет повышать их инструментальную ценность и практическую роль. Поэтому следует поддержать вот такое суждение Г.М. Лановой: «Традиционным для отечественной правовой науки является признание принципов права положениями, не просто составляющими часть правовой материи, но и имеющими руководящее значение, оказывающими регулятивное воздействие на общественные отношения. <...> Рассуждая теоретически, можно найти аргументы, как подтверждающие, так и опровергающие то, что принципы права являются руководящими идеями для субъектов права и оказывают регулятивное воздействие на общественные отношения вне зависимости от того, закрепляются они в действующем законодательстве в виде отдельных предписаний или нет. Однако на практике действующее право требует от субъектов принимать решения и поступать, исходя исключительно из рационалистического понимания права, признающего неразрывную связь общеобязательности и нормативности с формальной определенностью. К идеям, которые присутствуют в праве неявно, «растворяясь» в других нормах, в процессе правового регулирования апеллировать гораздо сложнее, чем к положениям нормативных документов. Значит, юридическое закрепление принципов, как минимум, существенно облегчает их применение на практике» [Лановая, 2020, с. 213].

В свою очередь, о значимости принципов права Г.Т. Чернобель высказывается так: «Значимость принципов права заключается в том, что в них содержатся идеологическая парадигма права, идея его верховенства, справедливости, концептуально обеспечивающие рациональную композиционную структуру правовой деятельности на всех ее уровнях, системность и эффективность государственного управления, однозначное толкование норм права в ходе правоприменительной деятельности, необходимую сбалансированность в механизме действия права, единое правовое пространство, мотивационную основу правомерного поведения, здоровый менталитет народа, его правовую культуру» [Чернобель, 2016]. Следует поддержать такое обоснование значимости принципов права; однако обращает на себя внимание определенное противоречие единого правового пространства и правоприменительной (только) деятельности.

Вместе с тем, несмотря на свою объективную важность, принципы имеют, считает Э.В. Талапина, «ограниченное применение в российской юридической практике. Для отечественных юристов само слово "принцип" означает нечто теоретическое и не имеющее практической пользы. Пожалуй, только Конституционный Суд РФ напрямую использует правовые принципы в своей аргументации, другие суды больше основываются на нормах материального права» [Талапина, 2015]. Соглашаясь в определенной мере с таким мнением, со своей стороны считаем, что проблема состоит в том, чтобы наполнить принципы права и правовые

принципы реальным содержанием, оформить их соответствующим (в том числе и законодательно) образом и «заставить» работать в нужном направлении – для должного правового регулирования общественных отношений, включая и процессуальную составляющую.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день в общетеоретической науке сложилась позиция, согласно которой в правовом регулировании важная роль отводится принципам права, правовым принципам и нормам-принципам, и это становится отправным и основным фактором при установлении и формировании системы принципов регулирования уже процессуально-правового.

Методология формирования системы принципов процессуально-правового регулирования

В свое время В.М. Горшенев подчеркнул, что принципы «служат своего рода ориентирами, указателями, соблюдение которых обеспечивает нормальное и единообразное осуществление традиционных и нетрадиционных юридических процессов», представляют собой «особую совокупность объективных и субъективных начал, руководящих идей и познанных закономерностей, направленных на достижение оптимальных вариантов всякой процессуальной деятельности» [Бенедик и др., 1985, с. 43, 154]. Ученым в этом подходе отмечается связь принципов процессуальной деятельности с юридическим процессом, значение процессуальных принципов, и такой подход не утратил своего значения и в современный период.

Однако анализ научных источников свидетельствует от том, что к настоящему времени крайне бедно представлена палитра мнений как о принципах процессуального права, так и о принципах процессуально-правового регулирования, об их системе. О роли и значении процессуальных принципов некоторые ученые пишут и сегодня; хотя иногда они просто упоминаются, называются и не более того.

К примеру, М.О. Сизова считает, что «в современный период реформирования процессуального законодательства особенно актуальным становится оптимизация процессов научного обеспечения, повышения качества и эффективности применения процессуальных принципов, отвечающих новым стандартам науки и практики» [Сизова, 2016, с. 399]. Возникает вопрос: а каких именно процессуальных принципов?

По Д.Е. Зайкову, «процессуальные принципы вызывают особый интерес в силу как своего целевого предназначения (обеспечение судебной защиты прав и свобод), так и наличия различных видов судопроизводства и процессуальных форм» [Зайков, 2018, с. 113]. В общем соглашаясь с высказанным мнением, вместе с тем полагаем, что данный автор сузил «целевое предназначение» процессуальных принципов, распространяя его только на судопроизводство. Тогда как процессуальные принципы пронизывают всю ткань процессуальной деятельности (юридического процесса), одновременно составляют тот фундамент (основу), на котором строится процессуально-правовое регулирование (уместно вспомнить, что в переводе с латинского принцип означает первооснову какого-либо явления, исходное, отправное положение).

Следует отметить, что детально принципы юридического процесса рассмотрены В.Н. Баландиным и А.А. Павлушиной, по мнению которых «принципы правовой государственности как общесоциальные приоритеты, провозглашаемые в качестве таковых в конкретно-определенный исторический момент времени, выступают или должны выступать в качестве общеправовых принципов, то есть их необходимо признавать и принципами права, и принципами юридического процесса, совпадение принципов права и процесса обеспечивает единство содержания и того, и другого» [Баландин, Павлушина, 2001, с. 27].

Таким образом, эти авторы отмечают идентичность принципов права и юридического процесса. Поддерживаем их позицию, но с одной оговоркой: принципы юридического процесса имеют свои особенности, они могут и не совпадать с принципами права,

но процессуальные принципы имеют в своей основе, конечно же, принципы права, а юридический процесс фактически опосредует процессуально-правовое регулирование.

В результате, несмотря на незначительный объем научной литературы по проблеме процессуальных правовых принципов, все же можно получить необходимые сведения (исследовательский ресурс) для настоящей работы в плане формирования системы принципов процессуально-правового регулирования, и в этом направлении важными представляются следующие моменты методологического плана.

Первый из них выражается в синтезированном подходе к понятию «принципы процессуально-правового регулирования», суть которого заключается в том, что в это понятие входят как принципы права, так и правовые принципы, а также нормы-принципы, исходя из их содержания и предназначения.

Правильно замечено, что «принципы права и правовые принципы находятся во взаимной зависимости, дополняют и развивают природу и сущность друг друга, несут в себе отдельные черты каждого, отражаясь в объективных свойствах правовых основ, обусловлены закономерностями культурного, политического, социально-экономического развития общества, интересами, потребностями и противоречиями различных групп, слоев населения» [Малько, Струсь, с. 41, 2010].

Второе заключается в том, что принципы процессуально-правового регулирования должны быть представленными только в системе (а не по одиночке); только тогда эти принципы позволяют наметить направления, уяснить тенденции, понять и предложить пути и средства, спрогнозировать результаты и т.д. процессуального регулирования.

Относительно упомянутой системы заметим, что система вообще, как известно, является объединением некоторого разнообразия в единое и четко расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места. «Система принципов выступает как сложное иерархическое образование, в котором выделяются различные уровни с разными типами правовых взаимосвязей, отражаются различные сущностные моменты права и сферы проявления этой сущности» [Якушин, 1998, с. 13].

И, наконец, следующее заключается в том, что при формировании системы принципов процессуально-правового регулирования не стоит «изобретать колесо» (да это и ни к чему в силу своей нецелесообразности), открывать (предлагать) какие-то новые, неизвестные ранее принципы и т.д., а принять, прежде всего, во внимание уже апробированные наукой и практикой принципы.

Считаем продуктивным из всего массива принципов права, правовых принципов и норм-принципов постараться вычленив только те, которые имеют непосредственное отношение к такому регулированию, и одновременно показать их специфику, особенности, а также классифицировать – разместить, рассредоточить по отдельным группам (уровням, принадлежности и т.д.) с тем, чтобы сформировать и охарактеризовать в целом систему принципов процессуально-правового регулирования.

Представляется, что для решения поставленной задачи прежде всего необходимо обратиться к соответствующим положениям теории права, где сложился подход, по которому основу систематизации принципов составляет сфера их действия. Это предопределяет выделение общих (общеправовых), отраслевых и межотраслевых принципов права; кратко охарактеризуем их.

Общеправовые (общие) принципы права – это его основные идеи, исходные положения (М.Н. Марченко), генеральные, сквозные идеи, на которых основывается вся правовая система (Н.Н. Вопленко), распространяются на все его отрасли, цементируют их, определяя содержание правового регулирования общественных отношений (М.И. Байтин).

Отраслевые принципы представляют собой систему идей, исходных положений, но уже присущих отдельной отрасли права, отражающих ее особенности. Они обусловлены спецификой предмета и метода регулирования конкретной отрасли права.

Межотраслевые принципы как правовые идеи, присущие нескольким отраслям права, позволяют выделить общие для них принципы, детерминированные спецификой предмета и метода правового регулирования отдельно взятой отрасли. В контексте правовых основ межотраслевые принципы выражают своеобразие и специфичность содержания отраслей права. Они, по мнению А.Л. Захарова, воплощают собой «общую для двух и более отраслей права идею, отражающую закономерности и связи развития общественных отношений, нормативно закрепленную в позитивном праве, направляющую правового регулирования и определяющую сущность и социальное назначение права» [Захаров, 2003, с. 7].

Во всех изложенных доктринальных подходах важно то, что названные принципы коррелируются с правовым регулированием общественных отношений. В результате представленная выше классификация принципов права в ее расширенном формате составляет основу формирования системы принципов процессуально-правового регулирования.

Заключение

Проведенное исследование и доктринальное осмысление научных позиций относительно принципов процессуально-правового регулирования и авторский подход к методологии формирования соответствующей системы принципов дает возможность как в научном, так и прикладном аспекте уровневую систему названных принципов сформировать по следующим критериям (основаниям):

- а) источник нормативного закрепления: конституционные и так называемые «неконституционные» (закрепленные в других нормативно-правовых актах) принципы;
- б) по сфере действия: общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные принципы;
- в) по предмету правового регулирования (сообразно процессуальным отраслям).

Безусловно, каждая из названных уровней групп процессуально-правового регулирования включает в себя конкретные принципы (нормативность, определенность, законность, справедливость, рациональность и т.д.), однако это – тема другого и отдельного разговора на перспективу.

Список литературы

1. Цыбулевская О.И. 2000. Значение общеправовых принципов для отраслевого законодательства. Вопросы теории государства и права. Саратов, Издательство Саратовской государственной академии права, 398 с.
2. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. 2010. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, Издательство Саратовского государственной академии права. 704 с.
3. Гревцов Ю.И. 2007. Беспринципность в империи права. В кн.: Принципы права. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 30 ноября 2006 г.). Санкт-Петербург: 21–25.
4. Дмитриев С.Д. 2012. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 215 с.
5. Байтин М.И. 2005. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Москва, Право и государство. 544 с.
6. Общая теория государства и права: академический курс в 3 т. 2007. Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Москва, Норма. 802 с.
7. Вопленко Н.Н. 2009. Очерки общей теории права. Волгоград, Издательство ВолГУ. 898 с.
8. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. 2020. Правовой принцип как философско-правовая категория. Юридическая техника, 14: 308–315.
9. Алексеев С. С. 2001. Восхождение к праву. Поиски и решения. Москва, Норма, 752 с.
10. Дерюгина Т.В. 2010. Принципы осуществления гражданских прав. Москва: Книгодел. 187 с.

11. Воронов А.Ф. 2009. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. Москва: Городец. 494 с.
12. Лановая Г.М. 2020. Проблемы юридического закрепления общих принципов права в отечественной правовой системе: теоретико-правовой аспект. Юридическая техника, 14: 213–218.
13. Чернобель Г.Т. 2016. Идеологическая константность права. Журнал российского права, 2: 5–15.
14. Талапина Э.В. 2015. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). Москва: Юриспруденция. 192 с.
15. Бенедик И.В., Горшенев В.М., Крупин В.Г., Мельников Ю.И., Олейников С.Н., Погребной И.М., Шахов И.Б. 1985. Теория юридического процесса. Под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, Вища шк.: Изд-во при Харьк. Ун-те, 1985. 192 с.
16. Сизова М.О. 2016. Процессуальные принципы для отправления правосудия в теоретико-правовом аспекте современного российского права. Научный альманах, 2–3 (16): 399–402.
17. Зайков Д.Е. 2018. Процессуальные принципы: проблемы правового регулирования. Российский юридический журнал, 1: 113–121.
18. Баландин В.Н., Павлушина А.А. 2001. Принципы юридического процесса. Тольятти: Изд-во ВУиТ01. 150 с.
19. Малько А.В., Струсь К.А. 2010. Принципы права как важнейшая составляющая правовых основ развития общества. В кн.: Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. Саратов, Издательство Саратовской государственной академии права: 29–51.
20. Якушин В.А. 1998. Проблемы субъективного вменения в уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва. 50 с.
21. Захаров А.Л. 2003. Межотраслевые принципы права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 357 с.

References

1. Cybulevskaya O.I. 2000. Znachenie obshchepравovyh principov dlya otraslevogo zakonodatel'stva [Importance of general legal principles for industry legislation]. Voprosy teorii gosudarstva i prava. Saratov, Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 398 p.
2. Principy rossijskogo prava: obshcheteoreticheskiy i otraslevoj aspekty [The principle of fairness in the context of the legal limitation of state power. Principles of Russian law: general and sectoral aspects]. 2010. Ed. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law. 704 p.
3. Grevcov YU.I. 2007. Besprincipnost' v imperii prava [Unprincipled in the Empire of Law]. In: Principy prava. [Principles of law]. Materials of the All-Russian scientific and theoretical Conference (St. Petersburg, November 30, 2006). St. Petersburg: 21–25.
4. Dmitriev S.D. 2012 Obshchepравovye principy: teoreticheskie problemy konkretizacii i realizacii [General legal principles: theoretical problems of concretization and implementation]: dissertation of the candidate of legal Sciences.-Samara. 215 p.
5. Bajtin M.I. 2005. Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) [The entity of the law. (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)]. Moscow, Pravo i gosudarstvo, 544 p.
6. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava : akademicheskij kurs [General theory of state and law], academic course in 3 vols. 2007. Edited by M. N. Marchenko. Vol. 2., 802 p.
7. Voplenko N.N. 2009. Ocherki obshchej teorii prava [Essays on the general theory of law]. Volgograd, Volgograd State University Publishing House. 898 p.
8. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. 2020. Pravovoj princip kak filosofsko-pravovaya kategoriya [Legal principle as a philosophical and legal category]. YUridicheskaya tekhnika, 14: 308–315.
9. Alekseev S.S. 2001. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya [Ascent to law. Search and Solutions]. Moscow, Publ. Norma, 752 p.
10. Deryugina T.V. 2010. Principy osushchestvleniya grazhdanskih prav [Principles for the exercise of civil rights]. Moscow, Publ. Knigodel, 187 p.
11. Voronov A.F. 2009. Principy grazhdanskogo processa: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Principles of Civil Process: Past, Present, Future]. Moscow, Publ. Gorodec, 494 p.

12. Lanovaya G.M. 2020. Problemy yuridicheskogo zakrepleniya obshchih principov prava v otechestvennoj pravovoj sisteme: teoretiko-pravovoj aspect [Problems of legal consolidation of general principles of law in the domestic legal system: theoretical and legal aspect]. YUridicheskaya tekhnika, 14: 213–218.
13. Chernobel' G.T. 2016. Ideologicheskaya konstantnost' prava [Ideological constancy of law]. Zhurnal Rossijskogo prava, 2: 5–15.
14. Talapina E.V. 2015. Gosudarstvennoe upravlenie v informacionnom obshchestve (pravovoj aspekt) [Public administration in the information society (legal aspect)]. Moscow, Publ. YUrisprudence. 192 p.
15. Benedik I.V., Gorshenev V.M., Krupin V.G., Mel'nikov Yu.I., Oleinikov S.N., Pogrebnoi I.M., Shakhov I.B. 1985. Teoriya yuridicheskogo processa [Legal process theory]. Kharkiv, Vishcha shk.: Publishing house at Kharkiv. Un-te, 192 p.
16. Sizova M.O. 2016. Processual'nye principy dlya otpravleniya pravosudiya v teoretiko-pravovom aspekte sovremennogo rossijskogo prava [Procedural principles for the administration of justice in the theoretical and legal aspect of modern Russian law]. Nauchnyj al'manah, 2–3 (16): 399–402.
17. Zajkov D.E. 2018. Processual'nye principy: problemy pravovogo regulirovaniya [Procedural principles: problems of legal regulation]. Rossijskij yuridicheskij zhurnal, 1: 113–121.
18. Balandin V.N., Pavlushina A.A. 2001. Principy yuridicheskogo processa [Principles of the legal process]. Togliatti: Publishing house of VUiT01. 150 p.
19. Yakushin V.A. 1998. Problemy sub"ektivnogo vmeneniya v ugovnom prave [Problems of subjective imputation in criminal law]: abstract of the dissertation of the Doctor of Law. sciences'. Moscow. 50 p.
20. Zaharov A.L. 2003. Mezhotraslevye principy prava [Cross-sectoral principles of law]: dissertation of the candidate of legal Sciences.-Samara. 357 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нинцева Тамила Магомедовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamila M. Nintsieva, PhD in Law, associate professor of the Department of Civil Law and Process, Chechen State University, Grozny, Russia

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560

Научно-презентационная модель конституционной теории правозащитных рисков

Новикова А.Е.

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Современные стратегические задачи создания незыблемого правозащитного статуса Российской Федерации предполагают наличие солидарного и безопасного правозащитного пространства. Однако несмотря на общепризнанные эффективные правозащитные институты национального и международного уровней, права человека по-прежнему уязвимы и нуждаются в гарантировании и обеспечении. Одним из направлений разрешения сложившейся ситуации является обновление конституционно-отраслевого теоретического и практического подхода к реализации правозащитной деятельности. В этой связи нами разработана и презентована конституционно-правовая теория, включившая дефинитивные, видовые, индикативные, регулятивные, сравнительно-правовые и минимизирующие аспекты в контексте обеспечения единства правозащитного пространства и формулирования направлений совершенствования правозащитного законодательства. Предложенная автором теория правозащитных рисков может стать основой для дальнейших научных разработок, как ее углубляющих, так и дополняющих конституционно-правовую теорию защиты прав человека и конституционную рискологию.

Ключевые слова: правозащитный риск, конституционная теория, индикаторы правозащитных рисков, профиль правозащитных рисков, минимизация правозащитных рисков.

Для цитирования: Новикова А.Е. 2021. Научно-презентационная модель конституционной теории правозащитных рисков. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 553–560. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560

Scientific Presentation Model of the Constitutional Theory of Human Rights Risks

Alevtina E. Novikova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Abstract. The current strategic tasks of creating an unshakable human rights status of the Russian Federation presuppose the existence of a solidary and safe human rights space, creatively supported by all the resources and means intended for this purpose. However, despite the generally recognized effective human rights institutions at the national and international levels, human rights under the influence of challenges and threats identified as risks are still vulnerable and need to be guaranteed and ensured. One of the ways to resolve the current situation is to update the constitutional-sectoral theoretical and practical approach to the implementation of human rights activities. In this regard, we have developed and presented within the framework of this article a constitutional and legal theory that includes definitive, specific, indicative, regulatory, comparative legal and minimizing aspects in the context of ensuring the unity of the human rights space and formulating directions for improving human rights legislation. The theory of human rights risks proposed by the author can become the basis

for further scientific developments, both deepening it and supplementing the constitutional and legal theory of human rights protection and constitutional riskology.

Keywords: human rights risk, constitutional theory, indicators of human rights risks, profile of human rights risks, minimization of human rights risks.

For citation: Novikova A.E. 2021. Scientific Presentation Model of the Constitutional Theory of Human Rights Risks. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 553–560 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560

Введение

Самостоятельность конституционно-правовой теории правозащитных рисков опосредована запросом конституционно-правовой науки к поиску новых и обновлению имеющихся теоретических, методологических и практических подходов к защите прав и свобод человека и гражданина [Азаров, Ройтер, Хюфнер, 2003; Бондарь, 2004; Витрук, 2008; Воеводин, 1997; Грудцына, 2008; Мархгейм, 2005; Тонков, 2013].

В современной России этому курсу уделяется последовательное внимание на высшем официальном уровне при определении основных направлений внутренней и внешней политики, что неизбежно возводится в ранг критерия деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, сказывается на прицельном формировании правозащитной структуры и инфраструктуры российского государства и общества, на подборе востребованных правозащитных механизмов, на активности правозащитного взаимодействия уполномоченных субъектов в формате конституционного партнерства. При этом образцовые правозащитные ожидания существенно искажаются ставшей уже привычной практикой небрежного отношения к человеку, его правам и свободам не только со стороны носителей власти, но и представителей гражданского общества, что в совокупности дает основания диагностировать наличие угроз и обусловленных ими рисков [Альгин, 1989; Арямов, 2009; Киреев, 2013].

Наряду с этим в российскую и иные современные национальные правозащитные системы весьма агрессивно вмешиваются риски международной природы [Карташкин, 2009; Макогон, 2012; Авхадеев, 2016; Исполинов, 2017; Балаян, Сычев, 2019], что ставит перед государствами дополнительные задачи, в том числе по управлению рисками и их минимизации. Опору здесь целесообразно искать, судя по реакции России на такого рода риски, в конституционных ценностях и нормах.

Полагаем, аксиологическое сопряжение, правозащитный императив и институциональные гарантии, имманентные правозащитным рискам, подчеркивают значимость их обособления и разработки самостоятельной конституционной теории [Новикова, 2021, 2021a].

Риск как объект конституционно-правовой науки

Содержание конституционной теории правозащитных рисков определено необходимой и минимально достаточной совокупностью терминологических и соответствующих им дефинитивных конструкций, исходных и специализированных принципов, универсальных индикаторов распознавания рисков в формализованном правозащитном пространстве и их критериально-видовых характеристик с учетом закономерностей конституционного воспроизведения и правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов.

Повсеместность рисков, включая конституционно-правовые отношения, позволила нам аргументировать целесообразность обособления в доктрине защиты прав человека самостоятельного направления исследования – конституционной рискологии. Ее отправным элементом предложена трактовка риска в качестве объекта конституционно-правовой науки. В этом смысле риск представляет собой социально выявленный, детерминирован-

ный конституционно-правовой наукой и практикой феномен, отличающийся вариативностью содержания в диапазоне «неопределенность – угроза – вероятность» и обуславливающий поведение субъектов конституционно-правовых отношений в целях достижения наиболее благоприятных для них результатов.

Повсеместность рисков в конституционно-правовых отношениях подтверждена и их типологией по различным основаниям. Так, по субъекту аффилирования обособлены риски частных (личность) и публичных (государство, органы власти и их должностные лица) субъектов; по регулятивности правил поведения личности – риски, обусловленные управомочивающими / правонаделительными нормами (субъективные права и свободы) и обязывающими нормами (юридические обязанности); по форме реализации функций государства – риски правотворческой, управленческой, правоприменительной, включая правосудие, контрольно-надзорную деятельность государства; по сегменту конституционных отношений – социальные, экологические, налоговые, информационные и др. При этом последние, включая коррупционную разновидность, отнесены к трансдисциплинарной разновидности рисков с учетом исключительности конституционных правоотношений. Также в зависимости от признания риски подразделены на общепризнанные и вновь появляющиеся (к примеру, риск-ориентированный подход государственного регулирования и управления).

Раскрытие содержания теории правозащитных рисков способствовали выявленные нами закономерности конституционных текстуальных деструкций, исторически сказавшихся на формировании и состоянии правозащитного пространства советской и современной России в качестве риск-фактора.

Так, сравнительно-правовой анализ текстов конституций РСФСР 1918, 1925, 1937, 1978 годов и действующей Конституции России показал, что наиболее влияющими на формирование правозащитного пространства советской и современной России оказались не очевидные государственные идеологемы, отражающие в разные периоды государственного строительства классовое неравенство и классовую борьбу, покрытие государственной партийно-классовой идеологией всех общественных отношений, непоколебимость приоритета государства над личностью, а номенклатурно-келейное восприятие и интерпретация идеи прав человека, номинально-фиктивная конституционная формализация прав и свобод индивидов и избирательность гарантирования их практической реализации.

Указанные закономерности проявлялись в комплексе следующих поименованных и ранжированных нами конституционных текстуальных деструкциях: структурно-идеологические, фрагментарно-пробельные и интерпретационно-фиктивные.

Нами выстроена система аргументов в пользу обогащения теории и практики правозащитных рисков результатами интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Анализ содержания его постановлений и определений, особых мнений его судей привел к выводу о приращении теории правозащитных рисков в части, касающейся понятийно-дефинитивного, содержательно-видового, сущностно-идентификационного и причинно-следственного вклада. Помимо этого, деятельность федерального Конституционного Суда сказалась на минимизации правозащитных рисков через корреляцию данного процесса с государством в целом и с его законодательными и правоприменительными органами, а также через императивное уточнение и последующую коррекцию законодательных норм.

Конституционно-правовая теория правозащитных рисков

Ключевым понятием представляемой конституционно-правовой теории является «правозащитный риск». Поскольку он выступает в качестве разновидности конституционно-правового риска, раскрывающего гуманитарно-аксиологическое содержание конституционной рискологии, он дефинитивно обличен нами в формулировку вероятности отклонения реального правозащитного результата от согласованных государствами

стандартов защиты прав и свобод человека и гражданина под воздействием событиями или деяниями.

Разработке теории правозащитных рисков способствовало применение к ним метода классификации по критерию конституционной гарантированности защиты прав и свобод человека и гражданина, на основании которого выделены общегарантная и специально-гарантная группы.

Первая группа представлена политическими, экономическими, социальными, а вторая – юридическими, институциональными и процессуальными правозащитными рисками.

Ввиду многообразия правозащитных рисков, а также связанных с ними вызовов и угроз, нами в целях их диагностики предложена и дефинирована категория «индикатор правозащитного риска». Она представляет собой совокупность определенных ориентирующих показателей, предназначенных и для диагностики состояния правозащитного пространства, и для минимизации правозащитных рисков. Основываясь на этом, мы осуществили диагностику состояния правозащитного пространства России с помощью индикаторов правозащитных рисков, выражающих наличие/отсутствие: аксиологических акцентов в пользу человека, его прав и свобод; правозащитного законодательства и ресурсов его реализации; типичных и специализированных правозащитных структур; правозащитного взаимодействия; правозащитных процедур и возможностей их применения; адресных правозащитных средств.

В индикативном анализе правозащитного пространства нами использованы как информативные антропологические, государственно-режимные, юридико-технические и другие аспекты.

Аксиология минимизации правозащитных рисков в деятельности государства

Разработке конституционно-правовой теории правозащитных рисков способствовало не только доктринирование дефинитивно-видового аспекта правозащитных рисков, но и аксиологии их минимизации в корреляции с формами государственной деятельности как современной тенденции.

На основе нормативных и доктринальных позиций, а также с учетом тезиса о государстве как носителе функции главного риск-менеджера на основе ст. 2 Конституции Российской Федерации применительно к процессу положительной корректировки правозащитных ситуаций, опосредованных рисками, обосновано применение термина «минимизация».

Исходя из этого, минимизация правозащитных рисков представляет собой аксиологически и конституционно определяющую деятельность государственных органов по диагностике состояния, оценке угроз и необходимой корректировке правозащитного пространства в целях достижения востребованного баланса фактических правозащитных отношений и их формализованного конституционного стандарта.

В ходе разработки теории правозащитных рисков нами обоснована необходимость введения в научный оборот категории «профиль правозащитного риска».

Анализ конституционного текста Российской Федерации дал основания для вывода, что минимизация правозащитных рисков обуславливает конструктивное сопряжение опорных, производных и ассоциированных правовых средств.

Опорные правовые средства выразились в конституционном установлении аксиологических предпочтений в пользу человека, его прав и свобод; производные – во введении конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина, запретов правозащитного свойства; ассоциированные – в разработке и реали-

зации правозащитно-ориентированных программ, в подготовке государственными органами правозащитных докладов.

Исходным императивом производных правовых средств являются обязанность-признание, обязанность-соблюдение и обязанность-защита прав и свобод человека и гражданина в их доктринальном и формализованном содержании. В рамках заявленного алгоритма в силу необходимости и важности восстановления нарушенных прав именно обязанность-защита выступила основанием для формирования государственной системы защиты прав и свобод человека и гражданина, которая характеризуется следующими признаками:

- включением элементов общей и специальной компетенции федерального уровня и субъектов Российской Федерации;
- распространением функционала в рамках национальной юрисдикции, а также в качестве направления внешнеполитической деятельности посредством защиты и покровительства граждан Российской Федерации, находящихся за пределами Российской Федерации;
- специализацией применительно к отдельным правовым статусам или субъективным правам;
- активизацией в случае нарушения или несоблюдения формализованных прав и свобод личности.

Учитывая значимость правозащитного взаимовлияния общества и государства, осуществлено толкование законодательных запретов, правозащитно-ориентированных программ и докладов государственных органов в качестве юридических инструментов, способствующих минимизации правозащитных рисков.

Правозащитный запрет предложено понимать как конкретизированное законодательством императивное изъятие из допустимых действий субъектов различной правовой природы для превенции нарушения прав и свобод личности и восстановления их последствий в сопряжении с юридической ответственностью.

Анализ правовых норм советского и современного периодов на предмет наличия в них запретов правозащитного свойства показал, что для первого из них характерна подзаконная форма закрепления, а для второго – законодательная. Исходя из лингво-юридического метода, сделан вывод о систематическом увеличении числа законодательно устанавливаемых правозащитных запретов в условиях демократизации российского общества и государства.

Правозащитно-ориентированная программа представляет собой надлежаще формализованный документ, служащий правовым инструментом реализации задач социально-экономического развития страны через парную и системную консолидацию универсальных для них компонентов – «цель – индикатор», «субъект – объект», «план – ресурс».

Исходя из проектного метода, правозащитно-ориентированная программа способствует целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию актуальных правозащитных отношений, реализация которых доступна для наблюдения со стороны любого интересующегося субъекта.

Правозащитный доклад следует трактовать как нормативно предусмотренный аналитический документ, представляемый государственными органами и должностными лицами, содержащий систематизированную правозащитную информацию для оценки и выявления направлений совершенствования и минимизации правозащитных рисков в данной сфере.

Исходя из аналитического метода, правозащитный доклад служит источником информации о состоянии и защите прав и свобод человек и гражданина, о правозащитной деятельности органов государственной власти; основанием для консолидации усилий в достижении правозащитного результата, для внутреннего ведомственного и общественно-го контроля.

Вместе с тем выражаем информированное опасение, что императивность и чрезмерная повсеместность введения докладной деятельности может обернуться воспроизведением текстов без надлежащего анализа реально складывающейся ситуации. Результативным препятствием этому в сфере исполнительной власти, как представляется, послужит разработка и утверждение Правительством Российской Федерации Положения о докладе, включающего традиционно не только основные определения, но и разновидности, структуру докладов, субъекты их принятия, сроки представления и порядок обнародования.

Результаты апробации предложенных конституционных инструментов профиля правозащитного риска основаны на деятельности типичных специализированных правозащитных структур.

Идентификация минимизации правозащитных рисков в конституциях зарубежных стран

Представляемая конституционная теория правозащитных рисков включила результаты «матричной» идентификации позиции государств в деле минимизации правозащитных рисков в текстах 30 конституций, включая СНГ, европейские и американские федерации, африканские страны. Универсальная матрица базируется на определенности правозащитной терминологии; аксиологическом предпочтении человека, его прав и свобод; фиксировании обязанности государства защищать права и свободы личности; гарантировании защиты прав и свобод человека и гражданина, включая специальные статусы и состояния; императиве судебной защиты субъективных прав и свобод; рецепции специализированных правозащитных структур; правозащитной стабилизации конституционных норм.

Прикладной ресурс конституционной теории правозащитных рисков

В практической плоскости положения конституционно-правовой теории правозащитных рисков сопряжены со стратегическими и тактическими предложениями, направленными на совершенствование российского законодательства в целях минимизации правозащитных рисков.

Стратегические шаги заключаются в принятии концепции федерального закона «О правозащитной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», включающей определение сферы правового регулирования, основные понятия, цель регулирования, принципы, субъекты, требования к субъектам, круг их полномочий, формы отражения результатов экспертизы; в разработке и принятии федеральных и региональных программных нормативных правовых актов, рассчитанных на среднесрочный/краткосрочный периоды и посвященных повышению правовой культуры, включая электоральной сегмент.

В тактических правозащитных шагах высказаны предложения о целесообразности дополнения действующего правозащитного законодательства, а также разработки и утверждения Правительством Российской Федерации Положения о докладе федеральных органов исполнительной власти.

Заключение

Новая научная конституционно-правовая теория правозащитных рисков, композиционно включает совокупность терминологических и дефинитивных конструкций, принципов, универсальных индикаторов распознавания рисков и их критериально-видовых характеристик, основана на доктринальных постулатах и практике защиты прав человека в целях минимизации правозащитных рисков.

Результаты представленной конституционной теории правозащитных рисков могут быть имплементированы в правотворческую и правоприменительную деятельность государственных и муниципальных органов, их должностных лиц. В презентуемой теории со-

держится материал для новаций при формировании основных профессиональных образовательных программ и преподавания юридических дисциплин в образовательных учреждениях высшего образования; при разработке и преподавании конституционного права России и зарубежных стран, теории государства и права, государствоведения, теории правозащитной деятельности, специальных курсов, связанных с правами человека и их защитой, а также при разработке сопряженных с темой учебных и учебно-методических пособий.

Предложенная автором теория правозащитных рисков может стать основой для дальнейших научных разработок как ее углубляющих, так и дополняющих конституционно-правовую теорию защиты прав человека и конституционную рискологию.

Список литературы

1. Авхадеев В.Р. 2016. Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации. Адвокат, 3: 13–23.
2. Азаров А., Ройгер В., Хюфнер К. 2003. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. М., 560 с.
3. Альгин А.П. 1989. Риск и его роль в общественной жизни. М., Мысль, 187 с.
4. Арямов А.А. 2009. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. М., Российская академия правосудия, 171 с.
5. Балаян Э.Ю., Сычев С.С. 2019. Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации. Российская юстиция, 11: 18–21.
6. Бондарь Н.С. 2004. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М.: ОАО «Издательский дом "Городец"», 352 с.
7. Витрук Н.В. 2008. Общая теория правового положения личности. М., НОРМА, 448 с.
8. Воеводин Л.Д. 1997. Юридический статус личности в России. М., Изд-во МГУ; Издательская группа ИНФРА-М, 298 с.
9. Грудцына Л.Ю. 2008. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России. Российская юстиция, 2: 59–63.
10. Исполинов А.С. 2017. Исполнение решений международных судов: теория и практика. Международное правосудие, 1 (21): 45–67.
11. Карташкин В.А. 2009. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 288 с.
12. Киреев В.В. 2013. Конституционные риски: проблемы правовой теории и политической практики. Конституционное и муниципальное право, 3: 24–27.
13. Макогон Б.В. 2012. Дифференциация законодательства и расширение предмета правового регулирования в России в условиях глобализации. Образование. Наука. Научные кадры, 3: 74–76.
14. Мархгейм М.В. 2005. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д., Ростиздат, 199 с.
15. Новикова А.Е. 2021. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 436 с.
16. Новикова А.Е. (а) 2021. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 39 с.
17. Тонков Е.Е. 2013. Правозащитная функция и субъективное право: горизонты познания. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 16 (159): 201–207.

References

1. Avhadeev V.R. 2016. Praktika mezhdunarodnyh sudebnyh organov v sfere zashchity prav cheloveka i ee vliyanie na zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [The practice of international judicial bodies in the field of human rights protection and its impact on the legislation of the Russian Federation]. Advokat, 3: 13–23.
2. Azarov A., Rojter V., Hyufner K. 2003. Prava cheloveka. Mezhdunarodnye i rossijskie mekhanizmy zashchity [Human rights. International and Russian mechanisms of protection]. M., 560 p.

3. Al'gin A.P. 1989. Risk i ego rol' v obshchestvennoj zhizni [Risk and its role in public life]. M.: Publ. Mysl', 187 p.
4. Aryamov A.A. 2009. Obshchaya teoriya riska: yuridicheskij, ekonomicheskij i psihologicheskij analiz [General risk theory: legal, economic and psychological analysis]. M., Publ. Russian Academy of Justice, 171 p.
5. Balayan E.YU., Sychev S.S. 2019. Mezhdunarodno-pravovye principy zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah globalizacii [International legal principles for the protection of human and civil rights and freedoms in the context of globalization]. Rossijskaya yusticiya, 11: 18–21.
6. Bondar' N.S. 2004. Grazhdanin i publichnaya vlast': Konstitucionnoe obespechenie prav i svobod v mestnom samoupravlenii [Citizen and public power: Constitutional provision of rights and freedoms in local self-government]. M., Publ. Gorodets, 352 p.
7. Vitruk N.V. 2008. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti [General theory of the legal status of the individual]. M., Publ. NORMA, 448 p.
8. Voevodin L.D. 1997. YUridicheskij status lichnosti v Rossii [The legal status of an individual in Russia. Moscow]. M., Publishing house of Moscow State University; INFRA-M Publishing Group, 298 p.
9. Grudcyna L.YU. 2008. Pravovaya priroda institutov zashchity i ohrany prav cheloveka v Rossii [The legal nature of the institutions for the protection and protection of human rights in Russia]. Rossijskaya yusticiya, 2: 59–63.
10. Ispolinov A.S. 2017. Ispolnenie reshenij mezhdunarodnyh sudov: teoriya i praktika [Enforcement of decisions of international courts: theory and practice]. Mezhdunarodnoe pravosudie, 1 (21): 45–67.
11. Kartashkin V.A. 2009. Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zashchita v usloviyah globalizacii [Human rights: international protection in the context of globalization]. M., Publ. Norma, 288 p.
12. Kireev V.V. 2013. Konstitucionnye riski: problemy pravovoj teorii i politicheskoy praktiki [Constitutional risks: problems of legal theory and political practice]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 3: 24–27.
13. Makogon B.V. 2012. Differenciaciya zakonodatel'stva i rasshirenie predmeta pravovogo regulirovaniya v Rossii v usloviyah globalizacii [Differentiation of legislation and expansion of the subject of legal regulation in Russia in the context of globalization]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry, 3: 74–76.
14. Marhgejm M.V. 2005. Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoj Rossii: sistemnaya konstitucionnaya model', problemy ee funkcionirovaniya i sovershenstvovaniya [Protection of human and civil rights and freedoms in modern Russia: the systemic constitutional model, the problems of its functioning and improvement]. Rostov n/D., Publ. Rostizdat, 199 p.
15. Novikova A.E. 2021. Human rights risks: constitutional theory and practice: Dis. ... doct. jurid. sciences. Belgorod, 436 p.
16. Novikova A.E. (a) 2021. Human rights risks: constitutional theory and practice: Abstract. dis. ... doct. jurid. sciences. Belgorod, 39 p.
17. Tonkov E.E. 2013. Function of human rights law and subjective: horizons of knowledge. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy Sociology Law 16 (159): 201–207.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Алевтина Евгеньевна, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alevtina E. Novikova, Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-561-568

Формализация судебного контроля: зарубежный конституционный опыт

Петербургский А.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 625753@bsu.edu.ru

Аннотация. Судебный контроль является одним из способов обеспечения законности и дисциплины в деятельности органов публичной власти. В юриспруденции наиболее исследован аспект судебного контроля за деятельностью исполнительной власти в рамках отрасли административного права. Вместе с тем базовые основы регулирования судебного контроля содержатся в конституции, что позволяет относить его и к институтам конституционного права, давая соответствующую характеристику. Восполняя регулятивно-компаративистский пробел, автором осуществлен сравнительно-правовой анализ текстов конституций зарубежных государств (Западной Европы и Латинской Америки) на предмет выявления в них основ регулирования судебного контроля. В результате проведенного анализа поименованы и охарактеризованы стандартная (осуществляется высшими судебными инстанциями в отношении конституционности актов и деятельности звеньев судебной системы), специальная (реализуется специальной судебной инстанцией в рамках определенной сферы) и гибридная (сочетает черты стандартной и специальной разновидностей) модели основ конституционного регулирования судебного контроля в заявленных группах стран.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль, конституция, высшая судебная инстанция, стандартный судебный контроль, специальный судебный контроль, гибридный судебный контроль.

Для цитирования: Петербургский А.П. 2021. Формализация судебного контроля: зарубежный конституционный опыт. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 561–568. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-561-568

Formalization of Judicial Control: Foreign Constitutional Experience

Andrey P. Peterburgsky

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 625753@bsu.edu.ru

Abstract. Judicial control is one of the ways to ensure legality and discipline in the activities of public authorities. In jurisprudence, the aspect of judicial control over the activities of the executive power within the framework of the branch of administrative law is most studied. At the same time, the basic foundations of the regulation of judicial control are contained in the constitution, which allows it to be attributed to the institutions of constitutional law, giving an appropriate characteristic. Filling the regulatory-comparative gap, the author carried out a comparative legal analysis of the texts of the constitutions of foreign countries (Western Europe and Latin America) in order to identify the basics of regulating judicial control in them. As the results of the analysis, the standard (carried out by the highest judicial authorities in relation to the constitutionality of acts and activities of the judicial system), special (implemented by a special court within a certain sphere) and hybrid (combines the features of the standard and special varie-

ties) models of the foundations of constitutional regulation of judicial control in the declared groups of countries are presented.

Keywords: judicial constitutional control, the constitution, the highest judicial instance, standard judicial control, special judicial control, hybrid judicial control.

For citation: Peterburgsky A.P. 2021. Formalization of Judicial Control: Foreign Constitutional Experience. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 561–568 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-561-568

Введение

Являясь самостоятельной и независимой, судебная власть в государстве, осуществляет классическую функцию правосудия. Вместе с тем, согласно конституционно-правовым нормам, а также доктринальным позициям, контроль также стал неотъемлемой функцией судебной власти [Bebr, 1981; Hinarejos, 2009; Woehrling, 2005].

Несмотря на сложность и неоднозначность понимания правовой категории судебного контроля, в юриспруденции выработан универсальный подход к его интерпретации в качестве деятельности суда за соблюдением законов со стороны законодательных и исполнительных органов является неотъемлемой составляющей деятельности судов [Бучакова, 2017]. Нам импонирует более широкий содержательный смысл трактовки судебного контроля как особой процессуальной деятельности суда, в ходе которой проверяется соответствие нормативного правового акта, деятельности субъекта публичной власти Конституции законам и подзаконным актам [Брежнев, 2019; Назаров, 2003].

В отличие от исследований понятийного аспекта, исследования, посвященные зарубежному опыту регулирования конституционных основ судебного контроля, в науке конституционного права отсутствуют.

Придерживаясь приведенной широкой содержательной интерпретации судебного контроля, учитывая базовые принципы реализации судебной власти [Treskov, Losilkina, 2020; Zakharov, Chemshit, 2019.], специфику правового статуса типичных органов судебного контроля в контексте теории процессуальных ограничений [Makogon, Markhgeym, 2018; Markhgeym, Novikova, 2019; Tonkov, Kosolapova, 2020; Макогон, 2013; Макогон (а), 2013], а также современный феномен риска в юридической науке [Новикова, 2019.], мы провели данное исследование, направленное на раскрытие основ конституционного регулирования судебного контроля в странах Западной Европы и Латинской Америки. Выбор конституций этих стран для исследования обусловлен минимальной формализацией судебного контроля. Данный признак отличает их, к примеру, от конституций стран Восточной Европы и Содружества Независимых государств [Петербургский А.П. 2021].

Конституционная структуризация судебного контроля

Отметим, что в большинстве проанализированных нами текстов конституций стран Западной Европы и Латинской Америки отсутствует какое-либо упоминание о феномене судебного контроля. В числе таких документов – конституции Австрии, Аргентины, Бельгии, Боливии, Гаити, Германии, Гондураса, Дании, Доминиканы, Ирландии, Исландии, Италии, Канады, Колумбии, Кубы, Люксембурга, Мексики, Никарагуа, Норвегии, Сан-Марино, Финляндии, Швейцарии, Швеции, конституционные акты Великобритании.

Закономерности расположения искомых норм о судебном контроле не выявлены. Их локация различна – от глав, посвященных основам конституционного строя и правам человека, до глав о судебной власти: «Правительство», «Правосудие» (Андорра), «Об аудиторском, финансовом и бюджетном контроле», «О Федеральном верховном суде» (Бразилия), «Руководство и управление судебной властью» (Венесуэла), «Счетный трибу-

нал и Контрольная счетная палата» (Гватемала), «Качества, представляющие препятствие или несовместимые со статусом депутата Парламента» (Греция), «О Генеральных Кортесах», «О Правительстве и Администрации», «Об автономных сообществах» (Испания), «Личные права и гарантии» (Коста-Рика), «Отправление правосудия» (Лихтенштейн), «Парламент» (Мальта), «Национальный Совет» (Монако), «Отправление правосудия» (Нидерланды), «Конституционный суд», «Гарантия и пересмотр Конституции» (Португалия), «Об административно-территориальных образованиях» (Франция).

Проведенное сравнительно-правовое исследование показало наличие в конституциях Западной Европы и Латинской Америки следующих разновидностей судебного контроля.

Стандартный судебный контроль

Стандартная разновидность судебного контроля осуществляется высшей судебной инстанцией на предмет конституционности нормативных правовых актов. Такой судебный контроль коррелируется с судами общей юрисдикции и конституционными судами.

Например, согласно ст. 102 Конституции Бразилии первостепенным полномочием Федерального верховного суда является контроль за соблюдением Конституции.

Подтверждением тому, что к предмету судебного контроля, кроме нормативных правовых актов, относится деятельность судебных органов, является ст. 267 Конституции Венесуэлы: контроль и надзор за деятельностью судов Республики и публичных защитников осуществляет Верховный суд.

Среди западноевропейских учредительных актов уместен пример ст. 103 Конституции Княжества Лихтенштейн: Высший суд осуществляет верховный контроль над отправлением правосудия и обладает дисциплинарной властью в отношении судейского персонала окружных судов; по дисциплинарным делам несудейского персонала окружных судов он действует как суд второй инстанции.

Подобного рода установление, адресованное не судебной инстанции, а органу представительства, руководства и управления судебной системой, содержится в ч. 1 ст. 89 Конституции Андорры: Высший совет Правосудия осуществляет контроль за независимостью и нормальным функционированием правосудия.

В рамках стандартной разновидности судебного контроля выявлены нормы-цели, которые определяют телеологию судебного контроля без уточнения его разновидности. Так, в соответствии со ст. 74 Конституции Бразилии, законодательная, исполнительная и судебная власть совместно обладают объединенной системой внутреннего контроля, имеющего следующие цели:

«← оценка выполнения целей, предусмотренных многолетними планами, программами правительства и бюджетами Союза;

– проверка законности, оценка результатов как в отношении своевременности, так и эффективности бюджетного, финансового и имущественного управления со стороны органов и учреждений федеральной администрации, а также использование публичных средств организациями частного права;

– осуществление контроля за кредитными операциями, поручительствами и гарантиями, а также за пошлинами и активами Союза;

– оказание помощи внешнему контролю в осуществлении его институциональной миссии»¹.

Отметим, что приведенными нормами в конституции формализована внутренняя разновидность судебного контроля, которую мы с учетом собственных критериев относим

¹ <https://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/braziliya-konstitutsiya> (дата обращения 11.05.2021).

к стандарту. Однако одновременно они распространяются и на специальную разновидность судебного контроля, поскольку в ст. 75 Конституции Бразилии конкретизировано, что ст. 74 применяется, поскольку в этом есть необходимость, к организации, составу и контролю Счетных трибуналов штатов и Федерального округа, а также к счетным трибуналам и советам муниципий.

Специальный судебный контроль

Разновидность специального судебного контроля идентифицируется нами и по специфике субъекта, и по специфике предмета.

В качестве примера рассмотрим ст. 71 Конституции Бразилии, на основании которой внешний контроль, императивный для Национального конгресса, осуществляется с помощью Счетного трибунала Союза. Уточним, что Счетный трибунал Союза – именно судебный орган, состоящий из девяти судей. Его юрисдикция распространяется на всю национальную территорию.

Счетному трибуналу Союза в аспекте контроля принадлежат следующие права:

- высказываться в отношении отчетов, ежегодно представляемых Президентом Республики, путем предварительной резолюции;
- принимать решение по отчетам, ежегодно представляемым должностными лицами и другими лицами, несущими ответственность за публичные денежные средства, имущество и ценности органов администрации;
- проводить по собственной инициативе или по инициативе Палаты депутатов, Федерального сената или какой-либо технической комиссии инспектирование или аудиторские проверки бухгалтерского, финансового, бюджетного, операционного или имущественного характера в административных учреждениях законодательной, исполнительной или судебной власти и пр. [Страшун, 2013].

Счетный трибунал Союза также осуществляет контроль за национальными счетами наднациональных предприятий, в капитале которых Союз принимает участие прямым или косвенным образом, в соответствии с их учредительскими актами; использованием всех средств, исходящих от Союза на основе конвенций, соглашений, дополнительных соглашений или других документов такого же характера и переданных какому-либо штату, Федеральному округу или какой-либо муниципии.

Уточним, что в Конституции Гватемалы применительно к Счетному трибуналу (состоит из трех судей, избранных Конгрессом Республики) не используется термин «контроль», однако за ним ст. 209 закреплена независимая судебная функция в отношении проверки счетов.

О специальной разновидности судебного контроля речь идет в ст. 58 Конституции Греции: контроль и судебное разбирательство касательно парламентских выборов, авторитетность которых подвергнута сомнению с приведением фактов нарушения закона о проведении выборов либо несоответствия их юридическим требованиям, поручается Высшему специальному суду. Здесь формализована и специальная судебная инстанция, и специальный предмет судебного контроля – нарушение закона о проведении выборов.

Данную разновидность пополняют и положения ст. 63 Конституции Мальты о контроле Конституционного суда за выборами. Данный контроль касается следующих вопросов:

- «(а) было ли любое лицо действительным образом избрано членом Палаты представителей;
- (б) освободил ли любой член Палаты представителей место в ней или от него требуется прекратить осуществление его функций члена этой Палаты;

(с) было ли любое лицо действительным образом избрано Спикером из числа лиц, не являющихся членами Палаты, или, будучи избранным в члены Палаты, освободило ли оно должность Спикера»¹.

Уточним, что нормы, аналогичные нормам ст. 58 Конституции Греции, содержатся в ч. 2 ст. 70 Конституции Испании (действительность избрания и мандатов членов обеих палат находится под судебным контролем в соответствии с условиями избирательного закона) и ст. 55 Конституции Монако (контроль за правильностью выборов возлагается на суды на условиях, предусмотренных законом). Однако в них не конкретизирован субъект, поэтому мы можем рассматривать указанные установления и в качестве специальной разновидности судебного контроля, и в качестве гибридной.

Представляется специальным судебный контроль, осуществляемый Конституционным судом за деятельностью органов автономных сообществ в отношении конституционности их нормативных актов, имеющих силу закона (ст. 153 Конституции Испании).

Контроль за результатами деятельности представительных органов государственных территориальных образований закреплен в ст. 74 Конституционных актов Франции. На основании этой статьи органический закон может определять в отношении административно-территориальных образований, наделенных автономией, условия, в соответствии с которыми Государственный совет осуществляет особый судебный контроль над отдельными категориями актов совещательного собрания, принимаемых в рамках полномочий, которые оно осуществляет в сфере законодательства.

В части IV «Гарантия и пересмотр Конституции» основного закона Португалии формализованы и по сравнению с иными конституциями детализированы процедуры предварительного, конкретного и абстрактного контроля, осуществляемые Конституционным судом.

Гибридный судебный контроль

Полагаем, целесообразно выделение гибридной разновидности судебного контроля, в рамках которой комбинируются черты стандартной и специальной моделей.

Наиболее распространен судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти, администрации. Здесь демонстративно установление ч. 3 ст. 72 Конституции Андорры, в которой отмечено, что публичная администрация является общественно полезной службой и действует в соответствии с принципами иерархии, эффективности, транспарентности и в полном подчинении Конституции, законам и общим принципам юридического порядка. Ее решения подчинены судебному контролю.

Данной же сферы касается ч. 1 ст. 106 Конституции Испании: суды осуществляют контроль за реализацией регламентарной власти, за законностью действий администрации, а также за подчинением ее деятельности оправдывающим ее целям.

В ст. 236 Конституции Бразилии указано, что закон регулирует деятельность и устанавливает гражданскую и уголовную ответственность нотариусов, должностных лиц регистрационных служб и их служащих, а также контроль со стороны судебной власти за их актами.

О наличии судебного контроля в государстве также свидетельствует контекстное конституционное упоминание о нем. Это характерно для Нидерландов и Коста-Рики. Так, в ст. 120 Конституции Нидерландов указано, что конституционность актов парламента и договоров не подлежит контролю со стороны судов. В ст. 44 Конституции Коста-Рики определено: для того, чтобы изоляция какого-либо лица превысила сорок восемь часов,

¹ https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/malta/malta5-6.htm (дата обращения 11.05.2021).

требуется судебный приказ; причем изоляция может длиться не более десяти дней подряд и ни в коем случае не может мешать судебному контролю.

Оригинальна передачей отрицательного смысла норма ч. 2 ст. 224 Конституции Португалии, согласно которой Закон может предусмотреть работу Конституционного суда в составе секций, созданных, однако, не с целью абстрактного контроля за конституционностью и законностью.

Заключение

Подводя итоги осуществленного сравнительно-правового исследования текстов конституций стран Западной Европы и Латинской Америки, отметим, что основы регулирования судебного контроля заключены в поименованных и охарактеризованных нами стандартной, специальной и гибридной моделях.

Стандартная модель судебного контроля присуща деятельности высшей судебной инстанцией в отношении конституционности актов (Бразилия), а также деятельности судебной системы (Венесуэла, Лихтейнштейн).

Специальный судебный контроль реализуется специальной судебной инстанцией в рамках определенной сферы:

- классический конституционный контроль (Испания, Португалия, Франция);
- контроль за процессом подведения итогов выборов (Греция, Мальта);
- внешний/финансовый контроль (Гватемала) Союза (Бразилия).

Гибридный судебный контроль отличен сочетанием стандартной и специальной моделей: контроль за деятельностью органов исполнительной власти, администрации (Андорра, Испания); нотариусов, должностных лиц регистрационных служб и их служащих (Бразилия); контроль об итогах выборов (Испания, Монако).

Список литературы

1. Брежнев О.В. 2019. Обязательный судебный конституционный контроль в России: проблемы теории и практики. Актуальные проблемы российского права, 3: 67–74.
2. Буцакова М.А. 2017. Судебный контроль: некоторые теоретические подходы. Вестник омского университета. Серия «Право», 1 (50): 156–161.
3. Макогон Б.В. 2013. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 8 (39): 40–46.
4. Макогон Б.В. (а) 2013. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 210 с.
5. Назаров А.Д. 2003. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб, 323 с.
6. Новикова А.Е. 2019. Риск как объект конституционно-правовой науки. Монография. М.: Издательский дом «Юр-ВАК», 98 с.
7. Петербургский А.П. 2021. Конституционное регулирование судебного контроля в странах СНГ. В кн.: Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: материалы международной научно-теоретической конференции – VII Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 23-24 апреля 2021 г.). Белгород: 207–213.
8. Страшун Б.А. 2013. Конституционное регулирование экономических отношений и тенденции его развития в современном мире. Сравнительное конституционное обозрение, 2 (93): 86–103.
9. Bebr G. 1981. Development of Judicial Control of the European Communities. Boston, London, 82 p.
10. Hinarejos A. 2009. Judicial Control in the European Union: Reforming Jurisdiction in the Intergovernmental Pillars. Oxford University Press, 211 p.

11. Makogon B., Markhgeym M., Novikova A., Nikonova L., & Stus, N. 2018. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits. *Journal of History Culture and Art Research*, 7(2): 722–728.
12. Markhgeym M.V., Novikova A.E., Rosenko M.I., Katorgina N.P., Tonkov E.E. 2019. Constitutional Court in public administration system in Moldova and Russia. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7(5): 847–850.
13. Tonkov E.E., Kosolapova N.A., Lebedinskaya V.P., Mutsalov S.Sh., Stulnikova O.V. 2020. The Legal Nature of Decisions of Constitutional Courts of Russia and Foreign Countries and Investigating its Psychological Consequences. *Propósitos y Representaciones*, 8(2).
14. Treskov A. P., Losilkina L.O., Mamisheva Z.A., Peterburgskiy A.P., Timofeev I.V. 2020. Constitutional legalization of judiciary principles. *Gênero & Direito*, 9 (04).
15. Woehrling Jean-Marie 2005. Judicial Control of Public Authorities in Europe: Progressive Construction of a Common Model. *Judicial Review*, 10(4): 311–325.
16. Zakharov S., Chemshit A., Novikova A., Stus N., Zajceva T. 2019. Justice independence: foreign constitutional experiences. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores*. Año: VI. Número: 3. Artículo no.: 81. Período: 1ro de mayo al 31de Agosto.

References

1. Brezhnev O.V. 2019. Obyazatel'nyj sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v Rossii: problemy teorii i praktiki [Mandatory judicial constitutional control in Russia: problems of theory and practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 3: 67–74.
2. Buchakova M.A. 2017. Judicial control: some theoretical approaches. *Herald of Omsk University. Series «Law»*, (50): 156–161 (in Russian).
3. Makogon B.V. 2013. Ponyatie i processual'nye vidy pravovyh ogranichenij [The concept and procedural types of legal restrictions]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 8 (39): 40–46.
4. Makogon B.V. (a) 2013. Processual'no-pravovye ogranicheniya kak atribut deyatel'nosti vlastnyh sub"ektov [Procedural and legal restrictions as an attribute of the activity of power subjects]. Moscow, Publishing House YUR-VAK, 210 p.
5. Nazarov A.D. 2003. Vliyanie sledstvennyh oshibok na oshibki suda [The influence of investigative errors on the errors of the court]. SPb, 323 p.
6. Novikova A.E. 2019. Risk kak ob"ekt konstitucionno-pravovoj nauki [Risk as an object of constitutional and legal science]. Moscow, Publishing House YUR-VAK, 98 p.
7. Peterburgskij A.P. 2021. Konstitucionnoe regulirovanie sudebnogo kontrolya v stranah SNG [Constitutional regulation of judicial control in the CIS countries]. In: *Pravo i gosudarstvo v sovremennom mire: sostoyanie, problemy, tendencii razvitiya* [Law and the state in the modern world: state, problems, development trends] Materials of the International scientific and Theoretical conference-VII International "Maltsev Readings" - in memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Gennady Maltsev (Belgorod, April 23-24, 2021). Belgorod: 207–213.
8. Strashun B.A. 2013. Konstitucionnoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenij i tendencii ego razvitiya v sovremennom mire [Constitutional regulation of economic relations and trends in its development in the modern world]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 2 (93): 86–103.
9. Bebr G. 1981. Development of Judicial Control of the European Communities. Boston, London, 82 p.
10. Hinarejos A. 2009. Judicial Control in the European Union: Reforming Jurisdiction in the Intergovernmental Pillars. Oxford University Press, 211 p.
11. Makogon B., Markhgeym M., Novikova A., Nikonova L., & Stus, N. 2018. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits. *Journal of History Culture and Art Research*, 7(2): 722–728.
12. Markhgeym M.V., Novikova A.E., Rosenko M.I., Katorgina N.P., Tonkov E.E. 2019. Constitutional Court in public administration system in Moldova and Russia. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7(5): 847–850.

13. Tonkov E.E., Kosolapova N.A., Lebedinskaya V.P., Mutsalov S.Sh., Stulnikova O.V. 2020. The Legal Nature of Decisions of Constitutional Courts of Russia and Foreign Countries and Investigating its Psychological Consequences. *Propósitos y Representaciones*, 8(2).

14. Treskov A. P., Losilkina L.O., Mamisheva Z.A., Peterburgskiy A.P., Timofeev I.V. 2020. Constitutional legalization of judiciary principles. *Gênero & Direito*, 9 (04).

15. Woehrling Jean-Marie 2005. Judicial Control of Public Authorities in Europe: Progressive Construction of a Common Model. *Judicial Review*, 10(4): 311–325.

16. Zakharov S., Chemshit A., Novikova A., Stus N., Zajceva T. 2019. Justice independence: foreign constitutional experiences. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores*. Año: VI. Número: 3. Artículo no.: 81. Período: 1ro de mayo al 31 de Agosto.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петербургский Андрей Павлович, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey P. Peterburgsky, Post-graduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 340.1; 342; 349

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-569-575

Вопрос о ношении религиозного облачения в государственной образовательной организации

Понкин И.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 119606, г. Москва, проспект Вернадского, 84
E-mail: i@lenta.ru

Аннотация. Автором исследован вопрос правовой допустимости и возможности ношения религиозным служителем Русской Православной Церкви (и одновременно светским ученым и преподавателем) подрясника (облачения, имеющего признаки религиозного) в государственной образовательной организации, в которой он занимает должность по трудовому договору или исполняет обязанности в рамках гражданско-правового договора, в служебное время. Поводом для появления настоящей статьи стал целый ряд конфликтов, случившихся в российских вузах. Исследование затрагивает проблемные вопросы, пересекающиеся с темой ношения элементов мусульманских религиозных одежд во Франции, Германии, России и других странах. В статье затронуты вопросы содержания и онтологии светскости государства в авторском концепте.

Ключевые слова: подрясник, светскость государства, светскость образования в государственных образовательных организациях, религиозное облачение, культура, образование, теология.

Для цитирования: Понкин И.В. 2021. Вопрос о ношении религиозного облачения в государственной образовательной организации. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 569–575. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-569-575

The Question of Wearing Religious Vestments in a State Educational Organization

Igor V. Ponkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
84 Vernadsky avenue, Moscow, 119606, Russia
E-mail: i@lenta.ru

Abstract. The article is devoted to the assessment of the legal admissibility and the possibility of wearing a cassock (vestment with signs of a religious one) by a religious minister of the Russian Orthodox Church (and at the same time a secular scientist and teacher) in a state educational organization, in which he holds a position under an employment contract or performs duties under a civil law contract, during office hours. The reason for the appearance of this article was a number of conflicts that occurred in this regard in Russian universities. The article touches upon problematic issues intersecting with the theme of wearing elements of Muslim religious clothing in France, Germany, Russia and other countries. The article touches upon the issues of the content and ontology of the secular state of the state, in the author's concept.

Keywords: cassock, laicality of the state, laicality of education in state educational organizations, religious vestments, culture, education, theology.

For citation: Ponkin I.V. 2021. The Question of Wearing Religious Vestments in a State Educational Organization. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 569–575 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-569-575

Введение

В условиях введения несколько лет назад научной специальности «Теология» в перечень научных специальностей (после двух десятилетий баталий [Перспективы..., 2007; О правовой..., 2010]), по которым присуждаются учёные степени кандидата, доктора наук в государственной системе аттестации научных работников, в вузах стало существенно увеличиваться число лиц духовного звания, имеющих при этом необходимые мирские (светские) или признаваемые государством профессиональные образование и квалификацию, должные научно-педагогические компетенции. Для России речь прежде всего о священниках Русской Православной Церкви, но также и о религиозных служителях старобрядческих, протестантских, Римско-католической и Армянской Апостольской церкви. Речь, напомним, идёт о светском государстве (см.: [Pena-Ruiz, 2003; Poulat, 2001]).

Например, священник Русской Православной Церкви, имеющий учёную степень доктора медицинских наук (или исторических наук и т.д.) и профессорское звание, замещает должность профессора по кафедре или иную должность профессорско-преподавательского или административного состава в государственном вузе. Или религиозный служитель Русской Православной Церкви – доктор теологии (в государственной системе аттестации научных работников) – замещает какую-то их таких должностей в государственном вузе (может быть, даже директора или заместителя директора, либо ректора или проректора). В связи с этим возникла некоторая правовая неопределённость и связанный с нею конфликт относительно правовой и фактической возможности (допустимости) ношения в светской образовательной организации высшего образования (равно как и общего, то есть школьного образования) лицами духовного звания (имеющими при этом необходимую мирскую (светскую) профессиональную квалификацию) облачения, имеющего признаки религиозного (рясы, подрясника). И даже уже зафиксировано несколько конфликтов по этому поводу на практике.

Отметим, что речь в настоящей статье идёт не о торжественно-богослужебном, выраженно-культовом религиозно-обрядовом облачении, а конкретно о подряснике – повседневной (ежедневной) одежде священника, которая считается обязательной для представителей духовенства согласно исторически сложившимся основам исторически представленной в России Русской Православной Церкви. То есть ношение подрясника (с рясой) – это устоявшаяся в Русской Православной Церкви практика, предписанная священникам вполне императивно.

Понятно, что сказанное явно не относится к религиозным облачениям служителей асоциальных религиозных сект, принудительно «импортируемых» и навязываемых США и рядом других стран и во множестве запрещенных в судебном порядке в России (запрещенные или нежелательные организации), но может быть (с определёнными корректировками) экстраполировано на вопрос о римском (стоячем) воротнике как элементе облачения религиозных служителей Римско-католической и ряда протестантских церквей.

Итак, постановка проблемы: вправе ли священник или диакон Русской Православной Церкви (отметим, что в конкретной ситуации это может быть, к примеру, член-корреспондент или академик РАН, доктор наук, профессор, генерал-полковник медицинской службы в отставке, или полковник полиции в отставке; всемирно известный учёный и т.д.) носить открыто подрясник (облачение, имеющее признаки религиозного) в государственной образовательной организации высшего образования (равно как и общего, то есть школьного образования, либо среднего профессионального образования), в которой он занимает должность по трудовому договору или исполняет обязанности в рамках гражданско-правового договора, в рабочее время?

Вопрос о наличии прямого запрета религиозного облачения для ношения в определенных учреждениях

Ключевой вопрос настоящей статьи соотносим с вопросами относительно правовой и фактической возможности и обоснованности замещения должности профессорско-преподавательского или административного состава государственной образовательной организации (штатно или по внешнему совместительству) действующим священником или диаконом Русской Православной Церкви, а также о наличии (отсутствии) нарушений требований законодательства Российской Федерации в действиях такого лица, выражающихся в форме его передвижений по территории государственной образовательной организации или работы в её учебных аудиториях в повседневной небогослужебной священнической одежде (подряснике), в том числе относительно соответствия указанных действий правовым нормам статей 14 и 28 Конституции Российской Федерации, закрепившим принцип светскости государства в Российской Федерации и гарантии конституционной свободы вероисповедания, а равно статьям Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации». Ключевой вопрос настоящей статьи соотносим и с вопросом о мере сдержанности в выражении религиозной принадлежности или предпочтительного отношения к той или иной религиозно-культурной традиции.

Перед нами в рамках данной работы не стоит задача детального изложения и описания действующего в сфере образования и в сфере деятельности религиозных объединений в Российской Федерации правового режима, поэтому полные формулировки всех статей федеральных законов, которые регулируют отношения, связанные с рассматриваемым вопросом, в настоящей статье не приводятся.

Исходя из конституционных гарантий, закреплённых частями 1 и 2 статьи 19, статьями 37 и 28 (во взаимосвязи со статьями 2, 17 и 18) Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), гарантий, определяемых статьями 3 и 2 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020), статьями 2–5 и др. Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях», не имеется правовых оснований для установления (в том числе администрацией образовательных организаций) каких-либо запретов или иных ограничений по замещению каких бы то ни было должностей в образовательной организации (в том числе, исходя из статей Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации») для лиц, имеющих религиозный сан, иных религиозных служителей только лишь на основании этого обстоятельства (наличие религиозного сана).

В законодательстве Российской Федерации, а также в международном праве отсутствуют правовые нормы, указывающие на какие-либо «атрибуты» религиозных служителей (в том числе на их предметы одежды), связанные с их религиозной принадлежностью, в качестве юридически и фактически значимых обстоятельств, обосновывающих введение ограничений в их деятельности в образовательных организациях, поэтому с правовой точки зрения это обстоятельство в контексте обсуждаемого юридически не существенно.

Следовательно, правовая и фактическая обоснованность замещения одной из вышеуказанных должностей в государственной образовательной организации действующим священнослужителем Русской Православной Церкви может зависеть только от установленных в федеральных законах юридически и фактически значимых обстоятельств и условий – например, от соответствия лица установленным законом или правомерными локальными нормами организации требованиям по профессиональной квалификации, по стажу или опыту работы в тех или иных сферах. При этом федеральными законами не установлены ограничения, связанные с наличием или отсутствием религиозного сана у лица, претендующего на занятие должности в образовательной организации или уже осу-

ществляющего преподавательскую или административную деятельность в образовательной организации.

Напротив, введение подобного рода запретов (администрацией государственной образовательной организации) образовывало бы составы преступлений, предусмотренных статьёй 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина» и (при определённых условиях, в ряде случаев) статьёй 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021).

Присутствие на рабочем месте служащего (работника) сдержанной, не рассчитанной именно на чрезмерный внешний эффект и не направленной на прозелитизм (тем более – агрессивный) религиозной символики, обусловленной религиозными чувствами и религиозными убеждениями служащего (работника), вполне допустимо, исходя из законодательства Российской Федерации (как и во многих других демократических правовых государствах).

Ношение религиозным служителем (по крайней мере религиозных организаций, представляющих указанные в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религии) в государственной, муниципальной или частной образовательной организации общего или дополнительного образования, среднего профессионального или высшего образования повседневной **небогослужебной священнической одежды** (то есть не являющейся религиозным сугубо-культовым облачением, традиционно используемым именно при совершении богослужений и других религиозных обрядов), в данном случае – подрясника, не вступает в противоречие с нормами пункта 6 части 1 статьи 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и части 2 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», устанавливающими (исходя из статьи 14 Конституции Российской Федерации) светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность, поскольку содержание и направленность указанных правовых норм касаются совершенно иных вопросов (см. наши развёрнутые, подробнейшие объяснения в указанных выше наших изданиях). Законодательство Российской Федерации не содержит норм, напрямую запрещающих ношение такого рода одеяний (предметов одежды).

Природа и онтологическая нагрузка подрясника

Тема ношения в образовательных организациях подрясника может пересекаться с темой религиозно-мотивированного ношения мусульманских платков, которая получила особо острое звучание во Франции (см.: [Liberté..., 2005; Traité..., 2003; Laïcité..., 2011]).

Однако следует отдавать себе отчёт в том, что подрясник – это не парадная празднично-религиозная или религиозно-обрядовая (выраженно-богослужебная культовая), явно привлекающая к себе внимание одежда, а вполне сдержанная (по цвету и фасону, внешнему виду) традиционная повседневная одежда. Это, как общеизвестно, длинное почти до пят одеяние с длинными узкими рукавами, в котором ходят священнослужители в помещениях, в том числе в храме, а также по улице (при соответствующей погоде) и в других общественных местах, а не только по территории, относящейся к храму; подрясник используется не только при богослужении (всего лишь как часть облачения), но и вне его.

Аналогами традиционности и привычности использования такого одеяния в России являются традиционные русские (и других народов) женские платки, в том числе мусульманские (см.: [Понкин И.В., 2003]). Подрясник не может запрещаться к ношению в образовательной организации, поскольку является не только элементом одежды, ношение которого обусловлено религиозными требованиями, но это также вид мужской одежды, имеющий многовековую историю в обыденной бытовой и духовной культуре России, аналоги которого традиционно свойственны культуре многих народов России, в том числе народов, которые исторически исповедуют ислам. Кроме того, в государственной системе

аттестации научных работников (в рамках введённой государством научной специальности «Теология») подрясник или его визуальный аналог может позиционироваться как корпоративная форма одежды не столько священнического, сколько соответствующего академического сообщества.

Также важно отметить, что во внутренних регламентах самих образовательных организаций могут содержаться определённые требования и запреты, соответствующие нормам федеральных законов относительно обязательной или допустимой формы одежды преподавательского, административного или иного персонала. Если образовательная организация не установила таких норм, то нет правовых оснований считать ношение указанной одежды нарушением правовых норм. При этом важно подчеркнуть, что в установлении образовательной организацией подобного рода норм локального регулирования есть пределы, детерминированные вышеуказанными нормами Конституции Российской Федерации, Трудового кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и Уголовного кодекса Российской Федерации, а также положениями Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 1950 года.

Следует также отметить, что правомерное ношение в образовательных организациях одежды или элементов одежды, обусловленных религиозными убеждениями человека, не абсолютно и имеет свои ограничения. Например, не может быть обосновано нормами закона и оправдано религиозными чувствами ношение символики и изображений на одежде, намеренно оскорбляющих человеческое достоинство граждан по признаку отношения к религии. Не может быть допущено ношение (в образовательных организациях) элементов религиозной одежды и религиозных атрибутов в целях эпатажа, и рассчитанное на гипертрофированный внешний эффект. Должна быть соблюдена умеренность, разумность, правовая и фактическая обоснованность в ношении религиозных атрибутов и элементов одежды, а само такое ношение должно быть обусловлено религиозными чувствами человека, его свободой вероисповедания. Такой подход вполне корреспондирует практике, распространённой во многих демократических правовых государствах, и действующим там правовым подходам, учитывающим исторические традиции (в том числе в одежде).

Референтные позиции судов

Согласно пункту 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина, относящийся к основам конституционного строя Российской Федерации принцип светского государства не может «истолковываться и реализовываться без учёта особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества». Прочитанное положение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует в пользу излагаемой и обосновываемой нами позиции.

Данная позиция находит подтверждения в решениях Европейского суда по правам человека [Ryabykh Ph., Ponkin I., 2012]. Уместно упомянуть недавнее постановление Европейского суда по правам человека от 20.10.2020 по делу «Перовы против России», согласно которому даже проведение религиозного обряда освящения кабинета в стенах учебного заведения (государственной или муниципальной образовательной организации) само по себе не содержит и не влечёт автоматического нарушения прав третьих лиц. В этом постановлении Европейский суд по правам человека акцентировал: «Хотя то, что ребёнок [о котором идёт речь] стал свидетелем православного обряда освящения, могло вызвать у него некоторое чувство несогласия, это несогласие следует рассматривать в широком контексте

непредубежденности и терпимости, необходимых в демократическом обществе конкурирующих религиозных групп, которые не могут полагаться на статью 9 Конвенции, чтобы ограничить осуществление другими лицами их религиозных свобод» (§ 76). Эта позиция Европейского суда по правам человека в полной мере экстраполируема и на рассматриваемую ситуацию.

Заключение

Основываясь на действующем законодательстве Российской Федерации, следует признать, что наличие у гражданина религиозного сана не является юридически значимым обстоятельством, юридически препятствующим замещению таким гражданином административной или иной должности в образовательной организации, в данном случае – не является обстоятельством (юридическим фактом), дающим правовую возможность ограничивать, запрещать или иным образом препятствовать священнослужителю или диакону Русской Православной Церкви замещать (занимать) должность профессорско-преподавательского или административного состава в государственной образовательной организации и исполнять полномочия по этой должности. Наличие религиозного сана не может быть основанием для дискриминации гражданина в его трудовых и/или академических правах.

Ношение гражданином, являющимся религиозным служителем и осуществляющим в образовательной организации трудовые функции на общих основаниях, такого предмета одежды, как подрясник, не противоречит законодательству Российской Федерации, в том числе статьям 14 и 28 Конституции Российской Федерации, а равно нормам Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации».

Отсутствуют правовые и фактические основания для оценки (квалификации) факта публичного ношения гражданином подрясника в вышеуказанных условиях в образовательной организации как действия, представляющего угрозу общественной безопасности, общественному порядку, здоровью или нравственности, либо правам и свободам других лиц, как формы религиозной пропаганды (тем более агрессивной и навязчивой), религиозного прозелитизма или посягательства на свободу совести и свободу вероисповедания других лиц, в том числе работников образовательной организации и обучающихся. В этих условиях публичное заявление каким-либо лицом (или группой лиц) претензий, требований, направленных против ношения указанного предмета одежды работником образовательной организации, являющимся религиозным служителем, в образовательной организации, фактически содержит признаки публичного выражения религиозной неприязни и религиозной нетерпимости к христианской культуре (к которой данный вид одежды относится), что может способствовать возбуждению религиозной вражды.

Вместе с тем следует также понимать, что государственная образовательная организация вправе устанавливать некоторые ограничения по дресс-коду, хотя в ситуации с подрясником такие ограничения могут войти в конфликт с правами и законными интересами описываемых в настоящей статье лиц, – всё будет зависеть от того, какого рода и содержания ограничения вводятся.

Список литературы

1. О правовой и фактической необоснованности включения теологической науки в «религиоведение» и отказа во включении отдельной специальности «теология» в Номенклатуру специальностей научных работников 2010. Сост. Понкин И.В. М., Ин-т гос.-конфессиональных отношений и права, 139 с.
2. Перспективы развития теологического образования в России : сборник материалов. Сост. Понкин И.В. 2007. М., Ин-т гос.-конфессиональных отношений и права, 100 с.

5. Понкин И.В. 2003. Мусульманский платок в светской школе. Проявление религиозной принадлежности в государственных и муниципальных образовательных учреждениях: правомерность, допустимость и ограничения. *Образование*, 6: 15–22.
4. *Laïcité et liberté religieuse: Recueil de textes et de jurisprudence*. 2011. Paris, Direction de l'information légale et administrative. 502 p.
5. *Liberté religieuse et régimes des cultes en Droit français*. 2005. Textes, pratique administrative, jurisprudence. Nouvelle édition. Ed. par J. Dufaux, P. Dupuy, J.-P. Durand, C. Dutheil de la Rochère, F. Gasztowtt, M. Guillaume, A.-V. Hardel, B. Jeuffroy. Paris, Les Éditions du Cerf. xviii; 1853 p.
6. Pena-Ruiz H. 2003. *Qu'est-ce que la laïcité?* Paris, Gallimard.
7. Poulat É. 2001. *La laïcité qui nous gouverne. Au nom de l'État*. Documents-Episcopat. Bulletin du Secrétariat de la Conférence des évêques de France. No 8/9.
8. Ryabykh Ph., Ponkin I. 2012. The wearing of Christian baptismal crosses. *Stato, Chiesa e pluralismo confessionale*. No. 32. DOI: <https://doi.org/10.13130/1971-8543/2495>
9. *Traité de Droit français des religions*. 2003. Sous la direction de F. Messner, P.-H. Prélôt, J. M. Woehrling. Paris, Éditions du Juris-Classeur. xvii; 1317 p.

References

1. О правовои i фактической необоснованности включения теологической науки в «religiovedenie» i otказа vo vkluchenii otdel'noi spetsial'nosti «teologii» v Nomenklaturu spetsial'nostei nauchnykh rabotnikov [On the legal and factual groundlessness of the inclusion of theological science in "religiovedenie" and the refusal to include a separate specialty "theology" in the Nomenclature of specialties of scientific workers]. 2010. Collection. Comp. Ponkin I.V. 2010. Moscow, Publ. Institute of relations between the State and religious denominations and Law. 139 p.
2. *Perspektivy razvitiia teologicheskogo obrazovaniia v Rossii* [Prospects for the development of theological education in Russia], collection of materials. Comp. Ponkin I.V. 2007. Moscow, Publ. Institute of State-Confessional Relations and Law, 100 p.
5. Ponkin I.V. 2003. *Musul'manskii platok v svetskoi shkole. Proiavlenie religioznoi prinadlezhnosti v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniiakh: pravomernost', dopustimost' i ogranicheniia* [Muslim headscarf in a secular school. The manifestation of religious affiliation in state and municipal educational institutions: legality, admissibility and restrictions]. *Образование*, 6: 15–22.
4. *Laïcité et liberté religieuse: Recueil de textes et de jurisprudence*. 2011. Paris, Direction de l'information légale et administrative, 502 p.
5. *Liberté religieuse et régimes des cultes en Droit français*. 2005. Textes, pratique administrative, jurisprudence. Nouvelle édition. Ed. par J. Dufaux, P. Dupuy, J.-P. Durand, C. Dutheil de la Rochère, F. Gasztowtt, M. Guillaume, A.-V. Hardel, B. Jeuffroy. Paris, Les Éditions du Cerf. xviii; 1853 p.
6. Pena-Ruiz H. 2003. *Qu'est-ce que la laïcité?* Paris, Gallimard.
7. Poulat É. 2001. *La laïcité qui nous gouverne. Au nom de l'État*. Documents-Episcopat. Bulletin du Secrétariat de la Conférence des évêques de France. No 8/9.
8. Ryabykh Ph., Ponkin I. 2012. The wearing of Christian baptismal crosses. *Stato, Chiesa e pluralismo confessionale*. No. 32. DOI: <https://doi.org/10.13130/1971-8543/2495>
9. *Traité de Droit français des religions*. 2003. Sous la direction de F. Messner, P.-H. Prélôt, J.-M. Woehrling. Paris, Éditions du Juris-Classeur. xvii; 1317 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Понкин Игорь Владиславович, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor V. Ponkin, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-576-583

Исключительные (концептуально-модифицирующие) гарантии реализации принципов судебной власти

Тресков А.П.

Ростовский государственный университет путей сообщения,
Россия, 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2,
e-mail: altreskov@yandex.ru

Аннотация. Принципы судебной власти, выступая основополагающими началами ее реализации, требуют особого научного и практического внимания в связи с важностью их реализации. Действенным правовым инструментом их обеспечения выступают гарантии. В связи с этим в статье представлен авторский подход к исключительным гарантиям реализации принципов судебной власти; дана их оригинальная трактовка, а также характеристика концептуальной и модифицирующей разновидностей. В качестве предложения, связанного с укреплением исключительных конституционно-правовых гарантий реализации принципов судебной власти, автором высказан тезис о необходимости разработки Концепции реализации судебной власти в Российской Федерации с изложением ее лаконичной структуры.

Ключевые слова: принципы судебной власти, исключительные гарантии, концепция, реформа, модернизация, судостроительство, судопроизводство.

Для цитирования: Тресков А.П. 2021. Исключительные (концептуально-модифицирующие) гарантии реализации принципов судебной власти. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46(3): 576–583. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-576-583

Exclusive (Conceptual-modifying) Guarantees for the Implementation of the Principles of Judicial Power

Treskov A.P.

Rostov state University of railway engineering,
2 square of the Rostov Shooting Regiment of the National Militia, Rostov-on-don, 344038, Russia,
e-mail: altreskov@yandex.ru

Annotation. The principles of judicial power, acting as the fundamental principles of its implementation, require special scientific and practical attention due to the importance of their implementation. Guarantees are an effective legal instrument for ensuring them. Based on this, this article presents the author's approach to the exclusive guarantees of the implementation of the principles of judicial power; their original interpretation is given, as well as the characteristics of the conceptual and modifying varieties. As a proposal related to strengthening the exclusive constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of judicial power, the author suggests the need to develop a concept for the implementation of judicial power in the Russian Federation. In the structural aspect, the concept can minimally include general provisions, the current state, directions of development of the judicial system, judicial proceedings, the judicial corps, as well as informatization.

Keywords: principles of judicial power, exclusive guarantees, concept, reform, modernization, judicial system, judicial proceedings.

For citation: Treskov A.P. 2021. Exclusive (Conceptual-modifying) Guarantees for the Implementation of the Principles of Judicial Power. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 576–583 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-576-583

Введение

В рамках данной работы обратимся к раскрытию исключительных гарантий реализации принципов судебной власти, подразумевая под исключительностью то, что является исключением, не распространяется одинаково на всех¹. Более точно, на наш взгляд, такие гарантии раскрывает формулировка концептуально-модифицирующих. Под ними мы предлагаем понимать совокупность условий, способов и средств, формализованных в нормативных правовых актах концептуального и программно-целевого содержания, позитивно-влияющих на реализацию вариативного ряда принципов судебной власти, которые как следствие усиливают свои классические качественные характеристики и приобретают обновленные черты, опосредованные временем.

Представленный подход к наименованию и интерпретации концептуально-модифицирующих гарантий мы связываем с тем, что именно термин «концепция» использован в нормативных правовых актах, отражающих направления реформирования или развития отдельных сфер судебной власти. В современном российском государстве «концепции составляют основу нормативного регулирования конституционно-правовых отношений, направляют интерпретацию норм конституционного права» [Мархгейм, 2005, с. 34], и применительно к судебной власти было принято 3 таких концептуальных документа². Исходя из содержания термина «реформа», а также смысла программно-целевого метода, связанных с изменениями в отрасли, мы сочли возможным их объединить в формулировке модифицирующих гарантий реализации принципов судебной власти.

Концептуальная часть исключительных гарантий реализации принципов судебной власти

В настоящее время действующей является Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы. Она выражает официальные взгляды судейского сообщества России на цели, задачи, принципы и основные направления работы в информационной сфере, представляющей собой совокупность информации (информационных ресурсов), субъектов, осуществляющих сбор и распространение информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных и правовых отношений.

В тексте Концепции формирование информационной политики судебной системы расценивается в качестве фактора укрепления принципов независимости и самостоятельности правосудия. Данный тезис опирается на п. 15 Заключения № 7 Консультативного совета европейских судей (2005), в котором отмечено, что наилучшей гарантией независимости судов является активная их роль в информировании общественности, что не выступает препятствием для соблюдения требования о беспристрастности суда. Государства должны поощрять представителей судебной власти, расширять и углублять образовательное значение их деятельности, что способствует росту доверия населения судам³.

¹ Ожегов С.И., Н.Ю. Шведова. Толковый словарь. 1949–1992; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75658> (дата обращения 11.05.2021).

² См.: Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.05.2021); Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации (утв. приказом Верховного Суда РФ от 10.12.2015 № 67-П) // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.05.2021); Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

³ Заключение № 7 Консультативного совета европейских судей «По вопросу правосудия и общества» (ССЖЕ (2005) ОР № 7) (принято в г. Страсбурге 25.11.2005) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». 2014. № 4 (04). С. 108–119.

Цели, поставленные в Концепции информационной политики судебной системы, коррелируются с принципами судебной власти в их процессуальной разновидности, а также в гуманитарном сопряжении. Таким образом, достижение формализованных целей будет способствовать и реализации исследуемых нами принципов судебной власти, а именно открытости и гласности судопроизводства, с которыми связано объективное освещение деятельности судов в средствах массовой информации, совершенствование способов доступа граждан, организаций, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, представителей средств массовой информации к информации о деятельности судов.

В числе основных направлений и механизмов достижения целей Концепции, а следовательно, гарантий заявленных принципов судебной власти следующие:

- популяризация знаний о судебной системе и деятельности судов;
- формирование эффективной и устойчивой информационно-образовательной среды судов как совокупности обеспечивающих информационное взаимодействие судов всех уровней, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента баз данных и банков данных, технологий их ведения и использования, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, функционирующих на основе единых принципов и общих правил;
- повышение эффективности взаимодействия средств массовой информации и органов судебной системы;
- создание единого информационного пространства судебной системы;
- обеспечение интересов судебной системы Российской Федерации в информационной сфере;
- защита персональных данных при предоставлении информации о деятельности судов.

Интересно, что рассматриваемая Концепция дополняет вариативный ряд принципов судебной власти принципами развития информационной политики судебной системы. Таким образом, приведенная Концепция не только содержит установления, гарантирующие реализацию принципов судебной власти, но и обогащает их видовое многообразие.

До 2020 г. основополагающим документом в области информатизации Верховного Суда Российской Федерации была одноименная Концепция. Социальный эффект от ее реализации по аналогии с ранее рассмотренной Концепцией также коррелируется с процессуальными принципами правосудия, включая их гуманитарную направленность.

Уточним, что срок действия приведенной Концепции ограничен 2020 г. Результаты ее реализации предстоит подвести, равно как и в будущем рассмотреть ее возможную пролонгацию. Таким образом, современный этап концептуального гарантирования принципов судебной власти отличается тем, что сопоставим с аспектом информатизации и регламентируется документами, исходящими непосредственно от суда или органов судейского сообщества.

Модификационная составляющая исключительных гарантий реализации принципов судебной власти

Обращаясь к модификационной составляющей рассматриваемого гарантирования, уточним, что содержание реформы мы связываем с ее типичным пониманием как преобразования, изменения, переустройства какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений)¹.

В истории российского государства первая реформа судебной власти стартовала в 1864 г. с целью водворить в России суд «скорый, правый, милостивый и равный для

¹ Большой юридический словарь. М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. 2003; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17981> (дата обращения 11.05.2021).

всех подданных», а также возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность.

Как нами уже отмечалось ранее, в современной России Концепция судебной реформы была утверждена в 1991 г. Главной задачей судебной реформы было признано утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной. После 1991 г. подобных документов уже не разрабатывалось, а положения Концепции официально не изменялись [Кругликов, 2013]. Можно отметить лишь один официальный документ за этот период – Указ Президента РФ от 6 июля 1995 № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации»¹.

Что касается итогов судебной реформы, решения поставленных в ней задач, то мнения здесь разнятся. Как полагает А.А. Кондрашев, некоторые идеи этой Концепции были реализованы в законодательстве новой России, но комплексная реформа в том виде, в котором она предлагалась, так и не была проведена [2017, с. 209]. Аналогично мнение И.Л. Беднякова [2017, с. 26].

Однако большинство оценок итогов судебной реформы все-таки даны в позитивном ключе: «...Стало очевидным, что в Российской Федерации утвердилась судебная власть. Принят ряд основополагающих законов, закрепивших принципы организации и функционирования судебной системы и статус судей. Налажено финансирование и материально-техническое обеспечение деятельности судов» [Лебедев, 2000, с. 2].

Считаем целесообразным разделить мнение судьи Конституционного Суда РФ в отставке М.И. Клеандрова о том, что «судебная власть в России... крепла, расширялась, структурировалась и представляет сегодня мощный государственный институт. Налицо серьезная законодательная основа ее организации и деятельности, фактически заново создана мощная материально-ресурсная база, непосредственное правосудие осуществляет в целом высокопрофессиональный судейский корпус» [Клеандров, 2012, с. 187]. Действительно, «несмотря на непростые внешние условия, этих целей удалось достичь в беспрецедентно сжатые сроки: едва ли в мире найдутся другие государства, где удалось сформировать независимый суд менее чем за десятилетие» [Момотов, 2018, с. 134].

Значение Концепции также справедливо определено профессором С.А. Шейфером: по сути своей «концепция является комплексом предложенных учеными идей и мероприятий, направленных на преобразование судопроизводства. Не имея обязательного характера, она, после одобрения ее законодателем, стала нормативно определенной программой реформирования российского правосудия на предстоящие годы» [Уголовно-процессуальное право..., 2012, с. 35].

Прикладное значение Концепции судебной реформы 1991 г. связываем с тем, что она нашла свое воплощение в положениях российской Конституции, закрепившей основные принципы, цели правосудия, обеспечивающие защиту прав и свобод личности, конституционных основ государственного строя.

Совершенствование судебной власти в России носит длящийся характер, в этой связи отметим 2011 г. Полагаем, именно с этого времени берет свое начало современный период развития судебной власти. Хотя есть мнение, что третья судебная реформа в Российской Федерации последовательно реализуется все-таки с 2014 г. [Момотов, 2018].

Несмотря на то, что в 2011 г. не принимаются специальные нормативные правовые акты концептуального характера, формализующие реформу судебной власти, происходящие с того времени изменения существенны для правосудия и «инициированы судейским сообществом, что подчеркивает силу и самостоятельность российской судебной власти, способность судейского корпуса к саморазвитию» [Момотов, 2018, с. 134].

¹ СЗ РФ. 1995. № 28. Ст. 2642.

В 2011 г. в Российской Федерации был принят ряд законодательных актов, серьезно реформирующих сложившуюся систему инстанций в судах общей юрисдикции: «по гражданским и уголовным делам введены апелляционные инстанции для обжалования не вступивших в законную силу актов всех судов общей юрисдикции; кассационные инстанции наделены полномочиями по проверке законности и обоснованности судебных актов, вступивших в законную силу; изменены структура и полномочия Верховного Суда России (в нем образована Судебная коллегия по административным делам, преобразована Кассационная коллегия в Апелляционную, Президиум Верховного Суда стал единственной в системе судов общей юрисдикции надзорной инстанцией)» [Брежнев, 2011, с. 70]. Указанные изменения позитивно повлияли на реализацию в России принципов самостоятельности и независимости судебной власти.

Очередной вехой в принятии модифицирующих гарантий реализации принципов судебной власти стал принятый в 2014 г. Закон РФ о поправке к Конституции РФ. Он предусмотрел упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ и включение его в расширенную структуру объединенного Верховного Суда России в качестве Судебной коллегии по экономическим спорам. С этого же времени Верховный Суд РФ осуществляет судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Если обращаться к предпосылкам «объединительной реформы Верховного Суда РФ, то нельзя сказать, что таких посылов не было и вопрос о возможности существования нескольких высших судов в России в рамках принципа единства судебной власти не обсуждался. В литературе давно высказывались опасения, что деятельность специализированных судов, обособленных от единой судебной системы, возглавляемой Верховным Судом РФ, представляющих самостоятельные ветви судебной власти, возглавляемые своими высшими судами, непосредственно приводит к потере единства судебной системы и судебной практики» [Бородин, Кудрявцев, 2001, с. 22–23; Лебедев, 2001, с. 216–218].

В целом позитивно оценивая реформу Верховного Суда РФ, многие исследователи отмечали, что наряду с принципом единства судебной системы в Конституции РФ учреждено три самостоятельные, не связанные между собой судебные системы [Кузьмин, 2014; Ермошин, 2014].

Принимая во внимание различные научные позиции, а также свершившийся факт объединения, мы считаем целесообразным разделить мнение А.В. Безрукова: «Современные преобразования судебной власти в России при имеющихся недостатках во многом обусловили унификацию судебной системы, укрепив положение и расширив полномочия Верховного Суда РФ, чем подкрепили обособленное положение судебной власти в системе разделения властей, способствуя реализации конституционных принципов правосудия, в том числе обеспечению единства судебной системы в переосмысленной значимости» [Безруков, 2015, с. 45].

Очередные серьезные преобразования судебной власти произошли в 2018 г., когда по инициативе Верховного Суда Российской Федерации на законодательном уровне ¹ была принята и реализована масштабная система мер, направленных на повышение эффективности правосудия и доверия общества к судам.

Уточним, что указанному законодательному акту предшествовало Постановление «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» ², принятое 8 декабря 2016 г. IX Всероссийским съездом судей. Отметим, что в наименовании указанных доку-

¹ Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

² Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2017. № 1.

ментов не присутствуют термины «концепция» или «реформа». В этой связи в адрес Верховного Суда РФ неоднократно высказывались замечания об отсутствии концепции судебной реформы.

Однако в приведенном Постановлении как раз и была изложена концепция, включающая создание кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, сокращение круга гражданских дел, по которым обязательно составляются мотивированные решения, профессионализацию судебного представительства и другие меры. Кроме того, в Постановлении системно освещались вопросы совершенствования статуса судей, деятельности органов судейского сообщества и организационного обеспечения работы судов [Момотов, 2018]. Положения указанного документа были перенесены в Постановление Пленума от 13 июля 2017 г. № 28 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального конституционного закона "О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции"».

В итоге подписанный Президентом РФ текст Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ претерпел значительные изменения по сравнению с предложениями, отраженными в Постановлении «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе». К примеру, в финальную версию документа не вошли установления об отказе от мотивировочных частей решения.

Принятым федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ введены изменения уровня реформы, предусматривающие создание структурно самостоятельных пяти апелляционных и девяти кассационных судов общей юрисдикции, а также изменение системы обжалования судебных актов, как не вступивших, так и вступивших в законную силу.

Необходимость создания в России структурно самостоятельных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции была обусловлена потребностью обеспечения принципов беспристрастности и независимости при рассмотрении жалоб на судебные акты нижестоящих инстанций. В результате нововведения исключена ситуация, когда проверка судебного акта осуществляется в том же суде, в котором дело рассматривалось в качестве суда первой инстанции.

Разделяем мнение О.В. Брежнева в части обоснованности произошедших институциональных изменений: необходимость «организационного завершения реформы российского процессуального законодательства 2010–2011 гг., в результате которой была предусмотрена возможность апелляционного обжалования не вступивших в силу судебных актов применительно ко всем категориям гражданских и уголовных дел. Вследствие этого уже тогда существенно изменилась система судебных инстанций в стране» [Брежнев, 2011, с. 70].

Кроме того, примером успешного решения вышеуказанных вопросов является сложившаяся в России система арбитражных судов, в рамках которой имеется положительный опыт существования отдельных судов апелляционной и кассационной инстанций.

Результаты произошедших изменений конституционно-правового измерения применительно к гарантированию принципов реализации судебной власти, полагаем, выразились в создании дополнительных гарантий самостоятельности судебной власти (ст. 10, ч. 1 ст. 118 Конституции РФ), независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ), доступности правосудия как средства защиты и восстановления нарушенных прав и свобод (ст. 52 Конституции РФ).

Заключение

Подводя итоги данной части исследования, отметим, что современный этап развития реформаторского значения исключительных гарантий реализации принципов судеб-

ной власти берет свое начало в 2011 г. с изменением сложившейся системы инстанций в судах общей юрисдикции. Следующей ключевой датой данного этапа является 2014 г., повлиявший на статус высших судебных инстанций в России. На данный момент заключительной вехой глобальных изменений стал 2018 г.

Акцентируем внимание на том, что произошедшие изменения по своему замыслу объективно расценивать в качестве реформы, однако в официальных нормативных правовых актах такой характеристики они не получили. Кроме того, отсутствовал единый базовый документ, предусматривающий вектор развития судебной власти с 2011 г. по настоящее время. Очевидно, что судебная власть и далее будет совершенствоваться, и в этой связи, полагаем, целесообразно принятие документа концептуального уровня, который бы предусмотрел основные направления развития судебной власти, включая гарантирование ее принципов. Исходя из действующих концепций, а также принятых законопроектов с 2011 г., корректирующих гарантии реализации принципов судебной власти, их инициатором выступал суд или органы судейского сообщества. Полагаем, предлагаемая нами концепция развития в России судебной власти также может быть принята представителями отрасли. В структурном аспекте концепция минимально может включить общие положения, современное состояние, направления развития судоустройства, судопроизводства, судейского корпуса, а также информатизацию.

Список литературы

1. Бедняков И.Л. 2017. Досудебное производство: от Концепции судебной реформы к современности. Уголовное судопроизводство, 1: 26–32.
2. Безруков А.В. 2015. Реформирование судебной власти в условиях разделения властей и обеспечения единства судебной системы России. Конституционное и муниципальное право, 2: 45–48.
3. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. 2001. О судебной власти в России. Государство и право, 10: 22–23.
4. Брежнев О.В. 2011. Реформирование судебных инстанций в России: конституционно-правовые аспекты. Конституционное и муниципальное право, 6: 70–74.
5. Ермошин Г.Т. 2014. Объединение высших судов: реорганизация судебной власти на современном этапе развития государства. Российская юстиция, 1: 45–47.
6. Клеандров М.И. 2012. Судебная реформа в России. Вестник Российской академии наук, 5: 187–193.
7. Кондрашев А.А. 2017. Судебная реформа в России: проблемы реализации и варианты решений. Актуальные проблемы российского права, 2: 209–218.
8. Мархгейм М.В. 2005. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. Москва. 385 с.
9. Кругликов А.П. 2013. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование. Российская юстиция, 10: 37–41.
10. Кузьмин А.Г. 2014. Создание единого Верховного Суда Российской Федерации: взгляд сквозь призму конституционализма. Российская юстиция, 8: 43–44.
11. Лебедев В.М. 2000. От Концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы. Российская юстиция, 3: 2.
12. Лебедев В.М. 2001. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 383 с.
13. Момотов В.В. 2018. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание. Журнал российского права, 10: 134–146.
14. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики. 2012. Под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М., Издательство «Юрайт», 476 с.

References

1. Bednyakov I.L. 2017. Dosudebnoe proizvodstvo: ot Konceptcii sudebnoj reformy k sovremennosti [Pretrial proceedings: from the Concept of judicial reform to the present]. Uголовное судопроизводство, 1: 26–32.

2. Bezrukov A.V. 2015. Reformirovanie sudebnoj vlasti v usloviyah razdeleniya vlastej i obespecheniya edinstva sudebnoj sistemy Rossii [Reforming the judicial power in the conditions of separation of powers and ensuring the unity of the judicial system of Russia]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2: 45–48.
3. Borodin S.V., Kudryavcev V.N. 2001. O sudebnoj vlasti v Rossii [About the judicial power in Russia]. *Gosudarstvo i pravo*, 10: 22–23.
4. Brezhnev O.V. 2011. Reformirovanie sudebnyh instancij v Rossii: konstitucionno-pravovye aspekty [Reforming of judicial instances in Russia: constitutional and legal aspects]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 6: 70–74.
5. Ermoshin G.T. 2014. Ob"edinenie vysshih sudov: reorganizaciya sudebnoj vlasti na sovremennom etape razvitiya gosudarstva [Unification of the supreme Courts: reorganization of the judiciary at the present stage of state development]. *Rossijskaya yusticiya*, 1: 45–47.
6. Kleandrov M.I. 2012. Sudebnaya reforma v Rossii [Judicial reform in Russia]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 5: 187–193.
7. Kondrashev A.A. 2017. Sudebnaya reforma v Rossii: problemy realizacii i varianty reshenij [Judicial reform in Russia: problems of implementation and variations of solutions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2: 209–218.
8. Marhgejm M.V. 2005. Konstitucionnaya sistema zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii [The constitutional system of protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]: Dis.... doct. jurid. sciences'. Moscow, 385 p.
9. Kruglikov A.P. 2013. koncepciya sudebnoj reformy v Rossijskoj Federacii i vozvrashchenie sudom ugolovnoogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie [The concept of judicial reform in the Russian Federation and the return of the criminal case by the court for additional investigation]. *Rossijskaya yusticiya*, 10: 37–41.
10. Kuz'min A.G. 2014. Sozdanie edinogo Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii: vzglyad skvoz' prizmu konstitucionalizma [Creation of a single Supreme Court of the Russian Federation: a look through the prism of constitutionalism]. *Rossijskaya yusticiya*, 8: 43–44.
11. Lebedev V.M. 2000. Ot koncepcii sudebnoj reformy k novym ideyam razvitiya sudebnoj sistemy [From the Concept of judicial reform to new ideas for the development of the judicial system]. *Rossijskaya yusticiya*, 3: 2.
12. Lebedev V.M. 2001. Judicial power in modern Russia: problems of formation and development. St. Petersburg, 383 p.
13. Momotov V.V. 2018. Sudebnaya reforma 2018 goda v Rossijskoj Federacii: koncepciya, celi, sodержanie [Judicial reform of 2018 in the Russian Federation: concept, goals, content]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 10: 134–146.
14. Ugolovno–processual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki [Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice]. 2012. Ed. V.A. Lazarevoj, A.A. Tarasova. Moscow, Yurayt Publishing House. 476 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тресков Алексей Павлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, федеральный судья в отставке, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey P. Treskov, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov State University of Railway Transport, Retired Federal Judge, Rostov-on-Don, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

THESIS

УДК 1.13.130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-584-591

Новая мифология: ответ на вызовы метамодерна

Рецова К.М.

Южный Федеральный университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, Днепроvский переулок, 116
E-mail: karinarecova@gmail.com

Аннотация. В современной социокультурной парадигме в качестве одного из доминирующего способов осмысления действительности выступает новая мифология. Осознание особенностей мифологического мышления позволяет объективно анализировать изменения, происходящие с индивидом и обществом. Несмотря на интерес к современной культурной динамике, феномен новой мифологии мало исследован и редко рассматривается как когнитивный базис. Цель данного исследования – анализ новой мифологии как ответа на потребности человека метамодерна в упорядочивании своей жизни в условиях разнонаправленных информационных потоков. Исследование проблемы позволило на примерах из социокультурной сферы выявить, как, встраиваясь в новые мифологические структуры, человек обретает идентичность и иллюзию социальной устойчивости. Полученные результаты вносят вклад в представления о формировании самоидентичности субъекта, особенностях его социокультурных взаимодействий и социальной реальности.

Ключевые слова: социальная философия, новая мифология, миф, метамодерн, символическая система, вызовы современности, метанарратив, архаизация, самоидентификация, осцилляция, социальная интеграция.

Для цитирования: Рецова К.М. 2021. Новая мифология: ответ на вызовы метамодерна. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46(3): 584–591. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-584-591

New Mythology: Responding to Metamodern Challenges

Karina M. Retsova

Southern Federal University,
116, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344000, Russia
E-mail: karinarecova@gmail.com

Abstract. In the modern sociocultural paradigm, a new mythology is one of the dominant ways of understanding reality. Awareness of the features of mythological thinking allows you to objectively comprehend and analyze the changes occurring with the individual and society. Despite the interest in contemporary cultural dynamics, the phenomenon of new mythology has been little studied and is rarely seen as a cognitive basis. The purpose of this study is to analyze the new mythology as a response to the needs of the metamodern man in ordering his life in the conditions of multidirectional information flows. The study of the problem makes it possible, using examples from the socio-cultural sphere, to reveal how, embedding in new mythological structures, a person acquires identity and the illusion of social stability.

The results obtained contribute to the idea of the formation of the subject's self-identity, the peculiarities of his socio-cultural interactions and social reality.

Keywords: social philosophy, new mythology, myth, metamodern, symbolic system, modern challenges, metanarrative, archaization, self-identification, oscillation, social integration.

For citation: Retsova K.M. 2021. New Mythology: Responding to Metamodern Challenges. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 584–591 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-584-591

Введение

Тема мифологии в ее философском измерении берет начало в немецкой классической философии. Ф. Ницше рассматривал миф как основу культуры («Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в законченное целое» [Ницше, 1990, с. 149], Ф. Шлегель говорил о мифологии как об истоке философии («Обе философии, древняя и новая, исходят из веры — из мифа или догмы, как бы искусственного мифа») [Шлегель, 1983, с. 80], Ф.В.Й. Шеллинг указывает на мифологию как на посредствующее звено между поэзией и науками и в связи с этим формулирует мысль о необходимости создания новой мифологии [Шеллинг, 1966, с. 31]. Второе рождение в философии тема мифологии получила в начале XX века в трудах этнологов-философов К. Леви-Стросса [2006] (создание структурной антропологии, исследование мифологических систем), Л. Леви-Брюля [1930] (исследования логики мифа и первобытного мышления), Б. Малиновского [1998] (исследование мифа как социальной реальности и переживания эмоций) и других. Следующим витком исследований были труды М. Элиаде [1996] (происхождение мифа и его влияние на культуру), Ж. Лиотара [1998] (концепция социальной мифологии), Р. Барта [2008] (миф как символическая система), Д. Кэмпбелла [2018] (сравнительная мифология, секуляризация сакрального) и другие.

Говоря о классическом определении мифа, нужно отметить два основных типа этого понятия. Первый тип определений отсылает нас к нарративности мифа, его содержательной основе («сказание как символическое выражение некоторых событий, имевших место у определённых народов в определённое время, на заре их истории»¹, во втором типе определений акцент делается на том, как воспроизводит себя мифологическое сознание («Миф есть логическая, необходимая категория сознания и бытия вообще. Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь» [Лосев, 1990]). В данном исследовании миф понимается именно в таком ракурсе.

Три ключевых отличия новой мифологии от архаической состоят в том, что:

- 1) новая мифология не тотальна (нет единой мифологической системы, которая покрывала бы все вопросы и давала исчерпывающие ответы);
- 2) содержание новой мифологии достаточно подвижно – в отличии от статичности архаического мифа;
- 3) новая мифология испытывает влияние других форм освоения действительности (таких как наука, искусство и религия), тогда как архаическая мифология не имела конкурентов в объяснении мира.

Общими у архаического и нового мифологического сознания являются характеристики мифологического мышления (коллективность, сакральность, отсутствие верификации, обращенность к эмоциональному восприятию) и функции мифа так такового.

¹ Философский энциклопедический словарь. 1997. Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М., ИН-ФРА-М, 574 с.

На сегодняшний день мифология преимущественно исследуется через призму языкознания и литературоведения, хотя для социальной философии так же представляет большой интерес, потому что показывает один из путей формирования самоидентичности личности и социокультурных взаимодействий внутри общества. Исследования новой мифологии дают представления о ценностных ориентирах индивида и способах их осмысления. При этом новая мифология как основной способ осмысления современной реальности остается малоисследованной. Цель данного исследования – выявить причины распространения мифологического сознания в современном обществе и показать какие вызовы современности приводят к этому.

В ходе работы над данным исследованием были использованы следующие методы: анализ теоретических источников по проблеме, сравнение, описание, включенное наблюдение. В начале работы рассматриваются социокультурные вызовы метамодерна, затем дается понятие современного мифа и феномена «новой серьезности», далее выявляются мифологические структуры в современном художественном творчестве.

Социокультурные вызовы метамодерна

Социокультурное состояние современного общества еще не получило устоявшегося определения. Часть исследователей считает, что мы до сих пор находимся в парадигме постмодерна, часть говорит о том, что даже он еще не в полной мере наступил. Существует ряд терминов, применяемых к современной эпохе – диджимодерн [Kirby, 2017], альтермодерн Bourriaud, 2009], автомодерн [Samuels, 2008], мегамодерн [Кушнир, 2019], метамодерн [Akker, Vermeulen, 2015], гипермодерн [Lipovetsky, 2005], постпостмодерн, трансмодерн и т.д. Термин «метамодерн» представляется наиболее адекватно отражающим действительность по причине того, что его истоки наиболее близки к обобщенному социально-философскому осмыслению, в отличие от прочих терминов, делающих акцент на какой-либо одной части современности – цифровизации, глобализации и т.д.

Термин «метамодерн» ввели голландский философ Робин ван ден Аккер и норвежский теоретик медиа Тимотеус Вермюлен в эссе «Заметки о метамодернизме» [Akker, Vermeulen, 2015]. Под метамодерном ими понимается такой глобальный социокультурный процесс, который «характеризуется раскачиванием между типично модернистской приверженностью и отличительно постмодернистской отчужденностью» [Akker, Vermeulen, и одновременностью их использования.

Эта ситуация «раскачивания» или осцилляции порождает ряд экзистенциальных вызовов современному человеку (ранее можно было бы сказать «западному человеку», но сейчас такое ограничение будет неверным, так как *осцилляция* присуща членам всех развитых обществ, имеющих доступ к средствам массовой информации и Интернету – не стали исключением и страны, которые ранее шли своим путем, в виду религиозных или политических приоритетов).

Среди вызовов можно назвать следующие: экологические проблемы, неуправляемость финансовой системы, неустойчивость геополитической структуры, цифровая революция, определение ценностей рынком, диктат массовой культуры и другое. Возникла кризисная ситуация, в которой мир стал видаться непредсказуемым, неупорядоченным, недетерминированным, ненадежным. Стремление сохранить свой жизненный замысел и не утратить самоидентичность побудило людей к переосмыслению реальности и поиску новых форм поведения [Гребенюк, 2019]. Кризисный период в культуре всегда является вызовом и обращает человека к архаичным формам кодирования мира. Именно такой формой и стало мифологическое сознание. Оно придает иллюзорную опору человеку метамодерна – объясняет непонятное, сакрализирует обыденное, упрощает сложное, солидаризирует социальные группы и способствует самоидентификации неясной самости современного человека.

Современный миф и «новая серьезность»

Новая мифология является интерсубъективной символической системой. Она представляет собой основу особых общностей, объединяет людей внутри них и обобщает и транслирует их обобщенный опыт представления о предметах. Таким образом через новую мифологию индивидуальное сознание приобщается к опыту другого и к универсальному горизонту опыта. Такое приобщение дает иллюзию понимания и социальной встроенности. Символические элементы, которыми оперирует мифологическое сознание, обозначаются через образы и представления, которые своей мишенью имеют психологический опыт человека, а отнюдь не его интеллектуальную сферу.

Современный миф – это система символов, продукт общественного согласия данной социальной группы или общества, отличающийся большой смысловой информативностью, которая носит конвенциональный характер и способствует упрочнению ценностной системы индивидов [Воеводина, 2011]. Такое упорядочивание ценностей является необходимой составляющей «прочного» положения человека эпохи метамодерна вследствие того, что в потоках разноречивых ценностных и социальных установок он теряет свою идентичность и вновь обретает ее лишь когда может солидаризироваться с какой-либо группой, которая транслирует определенный миф. Через приобщение к мифу человек находит свое место в иерархической и ценностной системе общества и может описать себя уже исходя из установок, которые он воспринял вместе с основными «постулатами» мифа.

Так рождается «новая серьезность» – стихийно зародившееся серьезное отношение человека к тем областям, которые его ранее не интересовали. В те эпохи, когда значение еще имели семейные, национальные или иные внешние идентификации, индивид гораздо меньше был озабочен общими проблемами человечества (такими как экологический кризис, дискриминация женщин или бодипозитив). И сейчас подобные проблемы, напрямую не касающиеся жизни индивида, актуальны лишь настолько, насколько через свою позицию по отношению к ним он может самоидентифицироваться («я – зоозащитник и веган», «я – феминистка», «я – ведическая женщина» и т.д.). Декларация полной серьезности в отношении подобных вопросов, которые по своей претензии на тотальное объяснение причин и следствий со всей очевидностью являются новыми мифами, считается едва ли не обязанностью их приверженцев. Надо отметить, что тут не стоит задача обесценить благие инициативы, которые родились из решения общих проблем человечества. Акцент хочется сделать именно на том, что зачастую решение серьезных вопросов и сам метод их актуализации является продуктом мифологического сознания.

Так зачем же человек метамодерна так цепляется за эти глобальные вопросы? Дело тут не только в проснувшейся сознательности, ответственности и доступности информации. Индивидуальное поведение возникает на основе универсальных шаблонов – серьезными кажутся вопросы, которые актуализируются в окружающей информационной среде посредством СМИ, блогосферы, инфлюенсеров и непосредственного окружения данного человека, которое в той же степени является жертвами универсальных шаблонов.

В условиях сложности верификации информации начинает атрофироваться сама эта функция, ведь гораздо проще примкнуть к идее или идеологическому движению «по велению души» и поддавшись харизме ее носителей, чем углубляться в вопрос в научном и историческом ключе, чтобы дать ему собственную оценку. Возникает соблазн репрезентовать понятия и апеллировать ими без их сущностного определения, что так же является признаком мифологического сознания. Жажда непременно иметь свою позицию относительно влиятельных современных мифологем – не что иное, как подсознательное стремление найти свою идентичность через них.

Иллюзия контроля и безопасности

Но не только естественному стремлению к самоидентификации способствует причастность к новой мифологии. Кроме этого, она закрывает еще одну фундаментальную

потребность человека – безопасность, которая связана с иллюзией контроля. Прежде всего новая мифология дает иллюзию понимания многообразия и противоречивости мира за счет сегментации общего массива знаний и представлений и выделения одного (или нескольких) из них в качестве основной объясняющей базы. Такой базой с равным успехом могут стать, например, древние писания, мотивация к успешной карьере, религиозные предписания или теория заговора. Общими для всех них являются следующие признаки: сакрализация знания, неотрефлексированность ценностной базы, неverifiedируемость постулатов, пропагандистская риторика и выделение последователей в отдельную «избранную» социальную группу. Причастность к такой группе дает ощущение своей иерархической встроенности в понятную картину мира со своими ориентирами, лидерами мнений и горизонтом желаемых достижений. Таким образом нивелируется экзистенциальный «зуд», и человек попадает в понятный и успокаивающий мир, несмотря на мифологическую основу последнего.

Такой мир не выдержал бы рациональной критики, если бы ей подвергся. Он полон ментальных гибридов [Майданов, 2014] – неестественных по гносеологическому качеству элементов, которые при этом образуют некую иллюзорную гармонию, что опять-таки составляет специфику мифологического сознания. Имеет место перепредмечивание объектов и явлений, когда восприятие, толкование и понимание тех или иных объектов и явлений принципиально отличается от их собственной природы [Майданов, 2014]. В мировоззрении отдельно взятого индивида могут сочетаться такие несовместимые по своей сути системы, как приверженность монотеистической религии, обряды бытовой магии и зависимость от психологических тренингов личностного роста. Даже сугубо научные знания при определенном монтаже встраиваются в мифологическую модель.

Мифологические структуры в художественном творчестве

Для художественного творчества метамодерна характерно использование таких нарративов, где сюжет строится на создании некоего отдельного мира, в котором часть характеристик совпадает с нашими привычными смысловыми категориями, а часть является плодом художественной фантазии. Характерная особенность таких миров – отсутствие привязки к линейному времени, а зачастую – и к привычному нам пространству. Этот мир существует в своем континууме, несоотносимом с нашим. Таким образом в ценностные ориентации человека проникают модели поведения вымышленных персонажей из мифологических миров. Появляется возможность ассоциировать себя с джедаем из «Звездных войн», представителем клана Старков из «Игры престолов» или одним из супер-героев Universe. Важно отметить, что «кинематографическая вселенная Marvel» и позиционирует себя как «вымышленная вселенная», которая была создана путём соединения в общую сюжетную линию нескольких фильмов и сериалов с общими актёрами, персонажами и событиями. Причем с персонажами-новоделами в ней соседствуют и герои, которые являются прямым заимствованием из уже существующей мифологии. Например, Тор, образ которого взят скорее номинально и атрибутивно, вне прямой связи с германо-скандинавской мифологией. Массовая популярность кинопродукции Marvel является следствием возврата в сюжетные линии простоты мифологического дискурса, который только декларирует, но не объясняет.

Встраивание ирреальных мифологических структур бытует не только в кино. Те же процессы мы видим в рекламе, и в достаточно молодой, но мощно развивающейся блогосфере. Сам этос рекламы изменился – от прямого предложения товара и описания его достоинств, она перешла к созданию вовлекающего мифологического дискурса, в который с легкостью встраивается потребитель этой рекламы. Свою целевую аудиторию таргетированная реклама находит с помощью характеристик и интересов потребителя – то есть через его включенность в ту или иную современную мифологию, каждая из которых являет-

ся релевантной определенной группе рекламируемых товаров или услуг. Если же рассматривать блогосферу, то можно увидеть, что популярные блогеры с миллионом и более подписчиков являются носителями и трансляторами мифологических идей, спектр которых более чем обширен и последние десять лет активно подвергается научным исследованиям.

Социокультурная ситуация метамодерна раскачивает человека между «истинами», и он, плаывая на волнах бесконечно потребляемого контента, прибывает то к одному, то к другому берегу. Поиск «истины» или определяющей концепции становится так же неизбежен, как и осознание бесконечности этого поиска. В «Заметках о метамодернизме» Тимотеус Вермулен и Робин ван ден Аккер делают отсылку к кантовскому «негативному» идеализму и пишут, что «человечество, народ в действительности не движутся к естественной, но неизвестной цели, но притворяются, будто движутся к ней, так чтобы развиваться нравственно и политически. Метамодернизм движется ради самого движения, пробует, несмотря на неизбежный провал; бесконечно ищет истину, которую никогда не ожидает найти» [Akker, Vermeulen, 2010]. Необходимость такого поиска – один из главных вызовов метамодерна, его процесс формирует индивида.

Возврат метанарратива

Прогнозы Лиотара о том, что новое праязыческое сознание будет состоять из микронарративов, тогда как метанарративы утратят свое влияние [Лиотар, 1998, с. 10], не оправдались. Сегодня микронарративы существуют преимущественно в контексте метанарративов, а последние переживают период расцвета. Следуя за логикой Лиотара, который связывал их с дискурсами господства [1998, с. 49] и стратегиями подавления, нужно отметить, что сегодня они не несут этих характеристик и приверженность им является свободным выбором индивида. Как и миф, метанарратив «является комплексным типичным образом, который задает обществу необходимые этические, эстетические, культурные и технологические критерии, позволяющие его структурировать, исходя из особенностей доминирующего субъекта» [Подорога, 2018].

Как отмечал А.М. Пятигорский¹, нам очень сложно освободиться от тонких мифологических структур. Он называл миф общей неотрефлексированной основой, которая нужна нам для познания, но «поскольку она неотрефлексированная, является тормозом нашего познания и самопознания каждое мгновение нашей жизни». Так же он предостерегал об опасности общих отработанных терминов, привычное употребление которых избавляет от необходимости думать над ними и четко определять их содержание. Какие бы сегменты не имела новая мифология, все они требуют тщательной рефлексии. Безусловно, невозможно быть полностью свободным от мифологического сознания и воздействия мифологем, но осознавать их и рефлексировать над ними – условие здравого существования в современном мире.

Заключение

Рассматривая мифологическое сознание в качестве доминирующего в эпоху метамодерна, мы исследовали миф с различных сторон – как интерсубъективную символическую систему, как поиск новой серьезности и как индивидуальный акт самоопределения. Показали, каким образом ирреальные мифологические структуры

¹ Пятигорский А.М. 2006. Мифология и сознание современного человека. Лекция. Стеннограмма. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 04.09.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/430> (дата обращения: 10.05.2020).

проникают в повседневность и как осциллирующее движение метамодерна превращает их в «новые истины». Выявили три ключевых отличия новой и архаической мифологии. Обозначили важность рефлексии по отношению к ним.

Тема может быть расширена за счет выделения типов современных мифологем и их социально-философского анализа. Так же интересным представляется наряду с мифологией рассмотреть и другие признаки потребности современного человека в упорядочивании жизни в условиях неустойчивой социокультурной ситуации метамодерна.

Список литературы

1. Аккер Р., Вермюлен Т. 2015. Заметки о метамодернизме. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 27.04.2020).
2. Аккер Р. 2020. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М., РИПОЛ классик, 342 с.
3. Воеводина Л.Н. 2011. Миф как символическая система. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6 (44): 39–44.
4. Гребенюк А.А. 2019. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8-1 (26): 326–330. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0081
5. Кирби А. 2017. Смерть постмодернизма и то, что после. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (дата обращения: 27.04.2020).
6. Кушнир Ж. 2019. Метамодерн как система транслируемых интеркультуральных смыслов. *Интертекст*, 3/4 (51/52): 82–92.
7. Кэмпбелл Д. 2018. Тысячеликий герой. СПб., Из-во «Питер», 520 с.
8. Леви-Брюль Л. 1930. Первобытное мышление. М., Атеист, 340 с.
9. Леви-Строс К. 2006. Мифологии. Т. 1. Сырое и приготовленное. М., ИД «Флюид», 399 с.
10. Лиотар Ж. Ф. 1998. Состояние постмодерна. СПб., Алетейя, 160 с.
11. Лосев А.Ф. 2001. Диалектика мифа. М., Мысль, 558 с.
12. Майданов А.С. 2014. Малый органон мифологического творчества. *Философская мысль*, 2: 71–162. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.2.11070
13. Малиновский Б. 1998. Магия, наука и религия. М., Рефл-бук, 304 с.
14. Ницше Ф. 1990. Рождение трагедии из духа музыки. В кн.: Ф. Ницше. Соч.: В 2 т., Т. 1. М., Мысль, 829 с.
15. Подорога Б.В. 2018. Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна. *Полилог*, 2 (3): 6.
16. Шеллинг Ф.В.Й. 1966. Философия искусства. М., Мысль, 496 с.
17. Шлегель Ф. 1983. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х томах. Том 1. М., Искусство, 479 с.
18. Элиаде М. 1996. Аспекты мифа. М., Academia, с. 240.
19. Bourriaud N. *Altermodern explained: manif esto*. URL: <https://www.tate.org.uk/whats-on/tate-britain/exhibition/altermodern/altermodern-explain-altermodern/altermodern-explained> (дата обращения: 28.04.2020).
20. Lipovetsky G. 2005. *Hypermodern Times*. Cambridge, Polity Press, 150 p.
21. Samuels R. 2008. *Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* (ed. T. McPherson). Cambridge, MA: MIT Press: 219–240.

References

1. Akker R., Vermuylen T. 2015. Notes on metamodernism. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (accessed: 27.04.2020) (in Russian).
2. Akker R. 2020. *Metamodernizm. Istorichnost, affekt i glubina posle postmodernizma. [Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism]*. М., RIPOL klassik, 342 p.

3. Voevodina L.N. Mif kak simbolicheskaja sistema [Myth as a symbolic system]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 6 (44): 39–44.
4. Grebenyuk A.A. 2019. Cultural and Historical Analysis of the Human Experiences of the Era of Metamodernism. Azimuth of Scientific Research: Pedagogi and Psychology, 8-1 (26): 326–330. DOI:10.26140/anip-2019-0801-0081 (in Russian).
5. Kirby A. 2017. The Death of Postmodernism and Beyond. Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (accessed: 27.04.2020) (in Russian).
6. Kushnir Zh. 2019. Megamodern kak sistema translirovemyh interkul'tural'nyh smyslov [Megamodern as a system of transmitted intercultural meanings]. Intertext, 3/4 (51/52): 82–92 (in Russian).
7. Kempbell D. 2018. Tysyachelikiy geroy. [Tysyachelikiy geroy]. SPb., Publ. Piter, 520 p.
8. Levi-Bryul' L. 1930. Pervobytnoe myshlenie. [Pervobytnoye myshleniye]. M., Publ. Ateist, 340 p.
9. Levi-Stros K. 2006. Mifologiki. T. 1. Syroe i prigotovlennoe. [Mythology. Vol. 1. Raw and cooked]. M., Publishing House "Fluid", 399 p.
10. Liotar Zh. F. 1998. Sostoyanie postmoderna. [The State of Postmodernity]. SPb., Aleteyya, 160 p.
11. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectic of Myth]. M., Publ. Mysl, 558 p.
12. Majdanov A.S. 2014. Malyj organon mifologicheskogo tvorchestva [Small organon of mythological creativity]. Filosofskaja mysl', 2: 71–162. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.2.11070
13. Malinovskiy B. 1998. Magiya, nauka i religiya. [Magic, science and religion]. M., Refl-buk, 304 p.
14. Nitsche F. 1990. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki. [The birth of tragedy from the spirit of music]. In: F. Nietzsche. Works in 2 volumes. Vol 1. M., Publ. M., Publ. Mysl, 829 p.
15. Podoroga B.V. 2018. The Concept of Metanarrative in Jean-FRANÇOIS Lyotard's Philosophy: Crisis of Enlightenment and Postmodern Alternative. Polylogos, 2 (3): 6 (in Russian).
16. Shelling F.V.Y. 1966. Filosofiya iskusstva. [Philosophy of Art]. M., Publ. Mysl', 496 p.
17. Shlegel' F. 1983. Estetika. Filosofiya. Kritika. [Aesthetics. Philosophy. Criticism]. In 2 volumes. Volume 1. M., Publ. Iskusstvo, 479 p.
18. Eliade M. 1996. Aspekty mifa. [Aspects of the myth]. M., Academia, 240 p.
19. Bourriaud N. Altermodern explained: manifesto. URL: <https://www.tate.org.uk/whats-on/tate-britain/exhibition/altermodern/altermodern-explain-altermodern/altermodern-explained> (accessed: 28.04.2020).
20. Lipovetsky G. 2005. Hypermodern Times. Cambridge, Polity Press, 150 p.
21. Samuels R. 2008. Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected (ed. T. McPherson). Cambridge, MA: MIT Press: 219–240.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рецова Карина Мишаевна, аспирант кафедры социальной философии Южного Федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karina M. Retsova, Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Rostov-on-Don, Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ УРБАНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЫ»

28 мая 2021 года кафедрой социальных технологий и государственной службы НИУ «БелГУ» был проведен круглый стол «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды». В работе круглого стола приняли участие исследователи из семи регионов России. Они обсудили проблемы, возникающие в связи с попытками разработки и реализации консолидационных проектов на уровне городских муниципальных образований. Ниже приводятся тезисы выступлений некоторых участников.

ROUND TABLE

"SOCIAL CONSOLIDATION OF URBAN COMMUNITIES: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS IN A DIGITALIZED URBAN ENVIRONMENT"

On May 28, 2021 the round table "Social consolidation of urban communities: opportunities and constraints in a digitalized urban environment" was held by the Department of Social Technologies and Public Service NRU "BelSU". The round table was attended by researchers from seven regions of Russia. They discussed the problems arising from attempts to develop and implement consolidation projects at the level of urban municipalities. Below are the abstracts of some of the participants.

УДК 316.47

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-592-597

Консолидация городских сообществ: предпосылки и ограничители

Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены объективные и субъективные предпосылки, а также вероятные ограничители процесса социальной консолидации городских сообществ. Так, к числу предпосылок консолидации авторы отнесли: потребность в метаинституте, регулирующем воспроизводство городских сообществ; востребованность социокультурной регуляции;

необходимость «достраивания» интегративных процессов в урбанизированной среде самоорганизацией городского сообщества; необходимость улучшения качества человеческих отношений. Определены три группы ограничителей консолидационного процесса: обусловленные особенностями внешней среды жизнедеятельности городских сообществ; связанные со спецификой самоорганизации городских сообществ; обусловленные особенностями концепции консолидации и процесса ее практической реализации.

Ключевые слова: социальная консолидация, городские сообщества, город, социальная солидарность, социальная регуляция, автономизация общества, социальная конъюнкция.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2021. Консолидация городских сообществ: предпосылки и ограничители. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. Право*, 46 (3): 592–597. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-592-597

Social Consolidation of Urban Communities: Prerequisites and Constraints

Valentin P. Babintsev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval,

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Abstract. The article examines the objective and subjective assumptions, as well as the likely constraints of the process of social consolidation of urban communities. Thus, among the prerequisites for consolidation, the authors attributed: the need for an institution that regulates the reproduction of urban communities; the demand for socio-cultural regulation; the need to "complete" integrative processes in an urban environment by self-organization of the urban community; the need to improve the quality of human relations. Three groups of constraints of the consolidation process are defined: those caused by the peculiarities of the external environment of the life of urban communities; those related to the specifics of the self-organization of urban communities; those caused by the peculiarities of the concept of consolidation and the process of its practical implementation.

Keywords: social consolidation, urban communities, city, social solidarity, social regulation, social autonomy, social conjunction.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

For citation: Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. 2021. Consolidation of Urban Communities: Prerequisites and Constraints. *NOMOTNETIKE: Philosophy. Sociology. Law series*, 46 (3): 592–597 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-592-597

Проблематика консолидации и лежащего в ее основе принципа солидарности является в последние годы одной из актуальных тем научных дискуссий. Актуализацию в элитарном и массовом (в меньшей степени) сознании идеи консолидации городских сообществ, равно как и общества в целом, не следует рассматривать только как результат «вольного творчества отдельных общественно-политических лидеров и интеллектуалов. В основе настоящей концепции лежит утверждение о наличии для этого ряда объективных и субъективных предпосылок. К их числу целесообразно отнести обстоятельства ме-

таисторического характера, связанные с особенностями воспроизводства общественных систем в условиях нестабильной реальности.

1. Потребность в регулирующем воспроизводстве метаинститута.

Современный город как одна из таких систем характеризуется наличием комплекса проблем, существенно затрудняющих воспроизводственный процесс, заключающийся в простом или расширенном воспроизведении его качественных и количественных характеристик. К ним относятся:

- неоптимальность модели демографического развития, заключающейся в снижении показателей рождаемости среди коренных горожан и восполнении численности населения главным образом за счет мигрантов, в высоких показателях смертности, особенно среди мужского населения;
- недостаточно комфортная для жизнедеятельности человека среда обитания;
- социальная разобщенность людей, жизнедеятельность которых осуществляется в условиях деформированной среды. Еще Ж. Бодрийяр утверждал: «Наши мегаполисы, наши космополитические города – своего рода абсцессы, оттягивающие возникновение более крупных нарывов» [Бодрийяр, 1997].

В этих условиях процесс воспроизводства городского сообщества требует эффективной регуляции, что, в свою очередь, связано с поиском регуляторов, способных его упорядочить и насколько возможно минимизировать деформации. Подобными регуляторами выступают аттракторы, притягивающие к себе процессы, определяющие развитие диссипативных систем, к числу которых и относится город. Довольно логично, что в качестве такого аттрактора выступает солидарность. Она может рассматриваться как цель-программа консолидации, которую следует рассматривать как системно организованный процесс.

Рассматривая солидарность в качестве метаинститута, который характеризуется как «наиболее базовая, относящаяся к фундаментальным, то есть естественным основаниям социальности практика, выступающая необходимым условием возникновения и воспроизводства общества», Г.Д. Ковригина [2020, с. 20] убедительно доказывает необходимость использования ее возможностей для упорядочения социальных отношений.

2. Востребованность социокультурной регуляции.

Она объективно детерминирована в силу закона *техногуманитарного баланса*, согласно которому, чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурно-психологической регуляции необходимы для сохранения общества. Эта зависимость обозначена как *закон техногуманитарного баланса*. В данной связи «запуск» консолидационного проекта в условиях города в сущности означает попытку «включить» регулирующую функцию солидарности и консолидации *как культурных феноменов* в ситуации, когда его *развитие приобретает техноантропосферный, то есть исключительно сложный характер*.

3. Необходимость «дотраивания» процессов интегративных процессов в урбанизированной среде самоорганизацией городского сообщества.

Как отмечал О.Н. Яницкий, современные города превращаются в сложные социобиотехнические системы (СБТ-системы). Характеризуя СБТ-системы, он подчеркивал их «гибридный» характер [Яницкий, 2018, с. 9], очевидно, проявляющийся в органическом соединении изначально, казалось бы, разнородных элементов. Объективно обусловленные процессы сетилизации и метаболизации проявляются в виде социальной конъюнкции, которая постепенно меняет атмосферу городской жизни. К тому же в условиях функционирования гибридных СБТ-систем любая возникающая проблема является следствием неблагоприятного развития тенденций, проявляющихся в различных сферах. Решение при отсутствии механизмов взаимопонимания между горожанами существенно снижает возможности управления.

4. Необходимость улучшения качества человеческих отношений.

Если рассмотренные выше предпосылки акцентируют внимание на детерминированности консолидации интересами развития городского сообщества в целом, то постановка задачи улучшения качества человеческих отношений предполагает ее оценку в контексте потребностей и интересов личности. Очевидно, в данном случае следует принять положение о том, что солидарность и консолидация относятся к числу фундаментальных потребностей человека.

Вместе с тем, наряду с предпосылками, социальная консолидация имеет ряд ограничителей. Под ограничителем в данном случае понимается фактор, влияние которого либо сокращает (вплоть до полной ликвидации) возможности консолидации, либо заменяет данный процесс его превращенными формами. Их целесообразно разделить на три группы: ограничители, обусловленные особенностями внешней среды жизнедеятельности городских сообществ; ограничители, связанные со спецификой самоорганизации городских сообществ в нестабильной среде; ограничители, обусловленные особенностями концепции консолидации и процесса ее практической реализации.

1. Ограничители, обусловленные особенностями внешней среды жизнедеятельности городских сообществ.

Любое городское сообщество, как и город в целом, представляет собой открытую систему, находящуюся в состоянии динамического равновесия со средой. Вполне естественно, что определяющие эволюцию этой среды глокальные (реализующиеся как на глобальном, так и на региональном) уровне тенденции будут оказывать влияние на процесс разработки и реализации концепции консолидации. Часть из них выступит в качестве его ограничителей. Среди них целесообразно выделить следующие:

- превращение идеи интенсивной эксплуатации человеческого капитала в стратегическую установку властвующих элит на всех уровнях социальной организации;
- автономизация общества, выражающаяся в замкнутости людей на свои индивидуальные (часто эгоистически сформулированные преимущественно потребительские) интересы, нежелание и неспособность к конструктивному взаимодействию с окружающими за пределами семейно-родственного окружения;
- распространение так называемого постмодернистского отношения к миру, характерной чертой которого является представление о ложности социальной реальности. Гипертрофированный мировоззренческий и познавательный релятивизм постмодернизма фактически нивелирует идеи солидарности и консолидации, основанные на представлении о них как о некоторых прочных основаниях (константах), позволяющих человеку не только ориентироваться в жизни, но и участвовать в формировании и реализации социально ориентированных коллективных стратегий. Безусловно, нельзя переоценивать масштабы влияния постмодернизма на духовные процессы в городских сообществах. Однако они в любом случае оказали воздействие на диспозиции представителей интеллектуальной элиты, стимулировав у некоторых из них скептическое (в известной степени обобщенное) отношение к консолидационным проектам.

Ограничители, связанные со спецификой самоорганизации городских сообществ в нестабильной среде.

К этой группе ограничителей целесообразно отнести следующие:

- существенные расхождения в диспозициях основных «игроков» городского пространства, контролирующих ресурсы и оказывающих решающее воздействие на определение стратегии развития, неадекватность их целевых установок стратегии консолидации. К числу этих «игроков» принадлежат: городская (муниципальная) власть; бизнес-сообщество; население города; гражданские институты;

- высокий уровень социального расслоения при незначительной доле среднего класса (и тенденции к ее сокращению), представляющего собой основную социальную базу консолидационного процесса;
- значительную и постоянно возрастающую субкультурную дифференциацию, затрудняющую установление общих для городского сообщества смыслов и значений;
- бюрократический характер управления современным городом. «Барьерный статус» данного фактора заключается в специфике мышления большинства муниципальных руководителей и чиновников. В современных условиях оно все чаще приобретает черты, типичные для менеджеров, независимо от сферы их деятельности. Как обоснованно отмечает Н. Талеб, это привычка думать в статике, а не в динамике; думать в низкой, а не высокой размерности (неспособность отличать многомерные проблемы от одномерных); оперировать терминами действия, а не взаимодействия [Талеб, 2018, с. 26].

3. Ограничители, обусловленные особенностями концепции консолидации и процесса ее практической реализации.

Они связаны со следующими обстоятельствами:

- трудности возникают уже при попытке интерпретировать содержание идеи консолидации. С учетом культурно-исторического контекста она нередко воспринимается либо как очередная утопия (общество всеобщей гармонии и счастья), либо как возрождение опирающихся на принуждение практик коллективообразования советской эпохи. В обоих случаях это вызывает отторжение консолидационного проекта;
- можно с высокой степенью уверенности утверждать, что установка на солидарность и консолидацию далеко не всегда мотивирована рационально. В силу данных обстоятельств в ходе регулирования процесса консолидации, основанном на рациональном его осмыслении, возникает трудность перевода иррациональных представлений в рационально обоснованные целевые ориентации;
- потребность консолидации обычно ограничивается короткой дистанцией – в основном семейно-родственным окружением и не распространяется на все местное, а тем более на региональное сообщество. До настоящего времени нет ясного представления относительно того, каким образом можно расширить консолидационное пространство хотя бы до масштабов малого города и возможно ли это сделать в принципе;
- практика показывает, что у субъектов управления (в городах это муниципальная власть) существует искушение использовать притягательность консолидации для значительной части граждан в качестве лозунга при организации избирательных кампаний, то есть в чисто манипулятивных целях. Это вполне естественно вызывает негативную реакцию наиболее активных представителей городского сообщества;
- наконец, основанием для неприятия идеи консолидации является рефлексия – опыт деструктивной консолидации отдельных групп и сообществ, в частности коррупционных кланов, криминалитета, уровень солидарности которых формально очень высок и при этом разрушителен для общества.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. 1997. Город и ненависть. Логос, 9: 107–116. URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения: 17.02.2021).
2. Ковригина Г.Д. 2020. Социальная солидарность как метаинститут. Дис.... доктора филос. наук. Иркутск, 304 с.
3. Назаретян А.П. 2013. Середина XXI века: загадка сингулярности. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11–12 апреля 2013 г. М., КАНОН+ РООИ «Реабилитация»: 8–14.
4. Талеб Н.Н. 2018. Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М., КоЛибри, Азбука-Аттикус, 384.

5. Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания. Социологическая наука и социальная практика, Т. 6, 1 (21): 7–22.

References

1. Baudrillard J. 1997. Gorod i nenavist'. [The city and hatred]. Logos, 9: 107–116. URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (accessed: 17.02.2021).
2. Kovrigina G.D. 2020. Sotsial'naya solidarnost' kak metainstitut. [Social solidarity as a meta-institute]. Dis.... Dr. philos. sciences. Irkutsk, 304 p.
3. Nazaretyan A. P. 2013. Seredina XXI veka: zagadka singulyarnosti. [The middle of the XXI century: the mystery of the singularity]. The Global Future 2045: An Anthropological crisis. Convergent technologies. Transhumanistic projects: Materials of the First All-Russian Conference, Belgorod, April 11–12, 2013, "CANON+" ROOI "Rehabilitation": 8–14.
4. Taleb N. N. 2018. Riskuya sobstvennoy shкурой: Skrytaya asimetriya povsednevnoy zhizni. [Risking your own skin: The hidden asymmetry of everyday life]. Moscow, Publ. KoLibri, ABC-Atticus, 384 p.
5. Yanitsky O. N. 2018. K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya [On the problem of modernization of humanitarian knowledge]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. Vol. 6, 1 (21): 7–22.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, д. филос. н., профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Гайдукова Галина Николаевна, к. социол. н., доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Шаповал Жанна Александровна, к. социол. н., доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Ph. D., Professor of the Department of Social Technologies and Public Service Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Galina N. Gaidukova, Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Zhanna A. Shapoval, Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 130.3

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-598-601

Поиск консолидирующего сакрального пространства этнокультурной идентичности в городе индивидуализированной массы

¹Бобков А.И., ²Бобков А.А.

¹Восточно-Сибирский институт МВД России,
Россия, 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, д.110

²Иркутский государственный университет,
Россия, 664003 г. Иркутск, ул. К. Маркса, д.1
E-mail: iab71@inbox.ru; alesha.bobkov@inbox.ru

Аннотация. Представлено философское осмысление столкновения пространства, консолидирующего массу секулярного характера, и пространства сакральной конъюнкции этнокультурного сообщества в условиях индивидуализированного общества. Показаны тактики разрушения неномадическим сообществом индивидуализированной идентичности пространств репрезентации этнокультурной субъектности. Поставлена проблема самоактуализации практик сакрализации городского пространства в контексте противодействия археоавангарда сконструированной этноархаике.

Ключевые слова: сконструированная этноархаика, этнокультурное сообщество, индивидуализированное общество, русофобия, социальная конъюнкция, дезинтеграция, неономад, коллективное иррациональное, рационализация пространства.

Для цитирования: Бобков А.И., Бобков А.А. 2021. Поиск консолидирующего сакрального пространства этнокультурной идентичности в городе индивидуализированной массы. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право 46 (3): 598–601. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-598-601

Search for a Consolidating Sacred Space of Ethnocultural Identity in the City of Individualized Mass

¹Alexander I. Bobkov, ²Alexey A. Bobkov

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110 Lermontov St, Irkutsk, 664074, Russia

²Irkutsk State University,

¹ K. Marx St, Irkutsk, 664003, Russia

E-mail: iab71@inbox.ru; alesha.bobkov @ inbox.ru

Abstract. The article presents a philosophical understanding of the collision of the space of the secular nature consolidating the mass and the space of the sacred conjunction of the ethnocultural community in the conditions of an individualized society. The tactics of destruction by a non-nomadic community of the individualized identity of the spaces of representation of ethnocultural subjectivity are shown. The problem of self-actualization of the practices of sacralization of urban space in the context of countering the archaeo-avant-garde to the constructed ethno-archaic is posed.

Key words: constructed ethnoarchaics, ethnocultural community, individualized society, russophobia, social conjunction, disintegration, neonomad, collective irrational, rationalization of space.

For citation: Bobkov A.I., Bobkov A.A. 2021. The Search for a Consolidating Sacred Space of Ethno-cultural Identity in the City of the Individualized Mass. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 598–601 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-598-601

Социальная консолидация или конъюнкция являются такими же закономерными социальными процессами, как и социальная дифференциация или дизъюнкция. В связи с этим необходимо обозначить в социальном пространстве, которое, согласно П.А. Сорокину, значительно отличается от пространства географического, зоны социальной конъюнкции и зоны социальной дизъюнкции. При этом следует отметить, что зоны таких процессов будут обозначены с позиции разных идеологий или социокультурных парадигм по-разному.

Наряду с этим важно осознавать и тот факт, что эти пространства могут возникать и исчезать там, где их никто не ждет или, наоборот, кто-либо символически фиксирует их наличие. Скажем, пространство площадей для политических мероприятий или пространства храмов, культурных заведений или образовательных учреждений традиционно полагаются одновременно пространствами консолидации и дифференциации. Общее смысловое определение для них – это пространство зарождения сообщества.

Наиболее конфликтным пространством в контексте социальной консолидации и дифференциации выступает пространство социального обмана или рынка. Его же можно назвать пространством преступной толпы. Сегодня оно совмещается с пространством зрелищ как вторым пространством социальной дизъюнкции с иллюзией конъюнкции. Таким пространством выступают наряду с рынком торгово-развлекательный центр. Но и в них можно найти процессы истинной социальной конъюнкции, если поискать более пристально, хотя для этого необходимо поставить цель дифференциации между среднестатистическим субъектом человека-массы и интеллектуалом, обладающим зрелой этнокультурной идентичностью и осознанной консолидацией, проводящим конъюнктивные процессы там, где, казалось бы, социальная дизъюнкция одержала верх.

С другой стороны, необходимо также помнить и об иных процессах, идущих в городах мира. К ним следует отнести процессы глобальной дизъюнкции, они же – процессы текучей современности или создания индивидуализированного общества с его недопущением иной идентичности, кроме индивидуальной, а следовательно, с недопущением никакого иного сообщества, кроме толпо-элитарного. Здесь же в целях конспирации создается сконструированная этноархаика как иллюзия наличия этнокультурного сообщества в пространстве города.

В противоположность данному процессу необходимо найти пространства, где осуществляется подлинная консолидация этнокультурного сообщества с репрезентацией этнической субъектности. Выявление символики ее наличия ведет к тому, что у человека утрачивается кризисное сознание социального одиночества, вечного социального конфликта и невозможности высказывания собственных мыслей с целью обретения единомыслия.

Конечно, если их можно зафиксировать географически, то это означает, что гражданское сообщество города наиболее зрело и обозначает себя как признающее социальную полисубъектность или полисубъектную социальность. Однако в условиях стремления к мегаполисным образцам и синкретизму такое удастся немногим городам. К тому же глобализация задает более жесткий образец рассмотрения социальной консолидации в пространстве города, а именно неомадической стоянки, и не более того. Как полагал

З. Бауман, в сегодняшнем городе одни смотрят «как жизнь проходит мимо», а другие устремляются вслед за уходящими инвесторами и инвестициями в сторону новых стоянок. Исчезновение социальных субъектов в условиях тотальной объективации и биологизации социального бытия есть наиболее мощная мифологема, превращающая социальное пространство тотальной дизъюнкции. К сожалению, сегодня человек больше обладает навыками отделения, чем объединения. Причина такого качества двойственна. С одной стороны, в мегаполисе исчезает человекоразмерная среда, ее, вслед за Ф. Ницше, можно назвать средой сверхчеловека, средой переоценки ценностей, вечного возвращения, средой воли к власти, средой возвращения к самобытности. Она же, по П.А. Сорокину, может быть названа средой «таинственной энергии любви».

С другой стороны, «взбесившейся обезьяне с манией величия» необходимо пространство, вмещающее ее. Постап, овладевающий социальным бытием, уничтожает пространство, где можно это бытие созерцать, слушать его шепот и интегрироваться в него (М. Хайдеггер). Как говорил в фильме «Брат» герой Гофман: «Город – это злая сила. Сильный приезжает – становится слабым. Город забирает силу. Вот и ты пропал...». Потеря идентичности является одной из печальных практик современного города, если уповать на то, что его суть сильно изменилась в результате «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет).

Массы космополитичны, они хотят только одного, чтобы в пространстве города исчезла «не-масса», народ. Ее проникновение в пространства самобытности через символы технического превосходства научной картины мира над религиозной или философской картинами замещает символы консолидации самобытных сообществ в пространстве города. Примечательно, что политическая элита, вышедшая из массы, стремится как можно быстрее убрать любые символы национальной консолидации тех сообществ, которые эти города создали или наследовали и развили. Например, в городах Европы мигрантские сообщества скупают католические храмы с целью учреждения в них мечетей, а власти закрывают глаза на то, что возрастающая национальная консолидация титульных национальных сообществ как ответ на вызовы современности требует символической фиксации. Неомадические стоянки гораздо выгоднее самобытных острогов, «думающих» о будущих поколениях. Сегодня в городе все меньше пайдеи и все больше устремленности к ограблению будущего. Ограблению, снижающему духовность и творческое инакомыслие. Сегодня город научает большому отделению от самобытных этнокультурных сообществ, нежели их созиданию. Мифологема того, что мы, владеющие гаджетами, более умны, чем наши предки, отстоявшие страну от католико-протестантской экспансии, вмещается в символическое пространство города гораздо быстрее, чем возврат к духовным практикам, позволяющим обрести то, что «не меняет миллион по рублю» (В.С. Высоцкий).

Что же сегодня может служить указанием на то, что «матрица русофобии» (В.П. Бабинцев, В.П. Римский) отсутствует в городском пространстве, что индивидуальность вполне осознала, что без коллективной интеграции с собственным народом ее мышление не самобытно и не креативно? Следует отметить, что таких пространств уже нет. Есть пространства, еще совмещающие соборные практики партикуляристского универсализма и западного универсализма, разрушающего самобытность через стирание границ. К таким пространствам в городе относится пространство университета. Здесь идет нешуточная схватка между наукой как частью самобытной культуры, основанной на философском самоутверждении проблемы человеческого бытия, наукой, озадаченной потерей мышления, и наукой внекультурного универсалистского постапа, стремящегося к замене мышления обслуживанием умных роботов.

Если говорить проще, то необходимо очень пристально отслеживать возможность принесения в жертву того, что разъединяет. К такой проклятой части относится мифология справедливости рынка, репрезентирующая себя в рекламном слогане с превалированием латиницы над кириллицей. Она же демонстрирует возможности удержания массы в клиповом сознании, она же говорит о легкости быть человеком через идею комфорта отсутствия мышления. И мало кто понимает то, что *Divide et impera* создано было теми, кто хотел власти синкретического комфорта над властью самобытного мышления. Сакральное пространство русского города еще нуждается в осмыслении.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобков Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия

Бобков Алексей Александрович, магистрант 2-го курса специальности «Государственно-муниципальное управление» Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander I. Bobkov candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Alexey A. Bobkov, 2nd-year Master's student of the specialty "State and Municipal Management" of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

УДК 316.344.23

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-602-604

Межевание и ремонт как индикаторы социального капитала

Виноградский В.Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
E-mail: vgrape47@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблематику консолидации городских сообществ, основываясь на собственных экспедиционных наблюдениях практик консолидации и роста социального капитала в сельских сообществах, а также при проведении въездного квартирного ремонта в городе. Сравнивая повседневные практики соседской взаимопомощи в деревне и городе, автор демонстрирует примеры действенного функционирования того своеобразного «инструментария» накопления и «ремонта» социального капитала, который исправно работает как в сельских, так и в городских сообществах.

Ключевые слова: социальный капитал, солидаризация, феномен соседства, сельские домохозяйства, городской квартирный ремонт, «орудия слабых»

Благодарности: работа подготовлена при поддержке Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, Центра аграрных исследований и выполнен в рамках Госзадания, НИР «Фермерство России: дифференциация и интеграция».

Для цитирования: Виноградский В.Г. 2021. Межевание и ремонт как индикаторы социального капитала. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 602–604. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-602-604

Marking the Land and Repair of the Apartment as Indicators of Social Capital

Valery G. Vinogradsky

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia
E-mail: vgrape47@yandex.ru

Abstract. The author considers the problems of consolidation of urban communities, based on his own expeditionary observations of the practices of consolidation and growth of social capital in rural communities, as well as during the entrance apartment renovation in the city. Comparing the daily practices of neighborly mutual assistance in the village and the city, the author demonstrates examples of the effective functioning of a kind of "toolkit" for the accumulation and "repair" of social capital, which regularly works both in rural and urban communities.

Keywords: social capital, solidarity, neighborhood phenomenon, rural households, urban apartment renovation, "tools of the weak".

Acknowledgements: the work was prepared with the support of the Institute of Applied Economic Research of the RANEP, the Center for Agrarian Research and was carried out within the framework of the State Assignment, R&D "Farming in Russia: Differentiation and Integration".

For citation: Vinogradsky V.G. 2021. Surveying and Repair as Indicators of Social Capital. NOMOTNETIKE: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 602–604 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-602-604

Введение. Речь пойдет об урбанизированной среде жизни, но начнем не от городского, а от деревенского сообщества. В изданной Теодором Шаниным в России 30 лет назад замечательной хрестоматии «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире» есть крохотная, но много объясняющая статья египетского крестьяноведа Генри Хабиба Айрота под названием «Крестьянство как соседство». Там он среди прочего пишет: «Деревня, но ни в коем случае не дом, составляет саму суть бытия; община во многих случаях более важна, чем семья или род».

И далее: «Однажды автор этих строк на уроке в деревенской школе нарисовал на доске контур домика (это был тест на наблюдательность) и спросил:

– Ну, а теперь, дети, что мы должны добавить, чтобы получился настоящий дом?

– Дверь! Окна! Лестницу! – начали выкрикивать ребяташки. И когда мы сочли рисунок домика полностью завершённым и начали стирать разросшийся рисунок, одна малышка закричала:

– Нет, здесь кое-чего не хватает!

– И чего же?

– Соседей»¹.

Одним этим словом восприимчивый ребенок смог схватить и отразить не столько наличие физических акторов деревенской повседневности, но и то, что в социологической науке принято называть терминологической связкой «социальный капитал».

Практики деревенской солидаризации. В современной деревне такие феномены продолжают иметь место. Буквально две недели назад, работая в очередной крестьяноведческой экспедиции в одной из кубанских станиц, я записал аналогичный по смыслу нарратив. Мне было подробно рассказано о проявлениях соседской солидарности в недавней весьма активно прошедшей кампании междворового межевания. Несмотря (и даже порой вопреки) на четкую, тщательно задокументированную и, как правило, геометрически прямолинейную разбивку приехавшим районным землемером смежных огородов и иных дворовых зон, соседи систематически, уже *post faktum*, приватно договаривались всячески смягчать непререкаемость межевых стрелок. Соседи взаимно соглашались на сохранение давних, принятых ранее, границ и разделений приусадебной земли. И даже изобретательно производили «неправильные», то есть более прихотливые, лишённые формальности, рисунки межевания. Последние казались им более органичными, поскольку выходили из глубин давно сложившихся хозяйственных практик отцов и дедов. Соседи продуманно и толково уступали земельные клочки «здесь» и добирали их «там». И это есть действенные формы соседской солидаризации, в глубине которой кроется накопленный десятилетиями хозяйственных практик социальный капитал.

Однако кое-что в такого рода отношениях, разумеется, закончилось. Так, постоянно практикуемые еще только одно поколение назад деревенский «помочи», выражающиеся, как правило, в выделке глиняно-соломенных стройматериалов (саманов) и последующем, буквально ударном, однодневном строительстве саманных хат и сараев, уже окончательно ушли в прошлое.

Таким образом, деревенское соседство (за немногими исключениями) – феномен, исполненный функциональности. Оно работает на сохранность сельского мира. Ведь по сути неофициальное межевание – это акт покоя и согласия. И наоборот, упор на непререкаемость соблюдения формального отмеривания сантиметров огорода, сада, лужайки есть заявление о заведомой конфликтности и недружественности. Это акт обнуления и распыла любого социального капитала. Такова – пока что! – нынешняя деревня.

Практики городской солидаризации. Теперь вернемся в города, в городское социальное пространство. Соседство в городе – это, в сущности, эфемерида. Однако в го-

¹ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. Сост. Т. Шанин. 1992. М., «Прогресс-Академия», 432 с.

родских жизненных практиках время от времени возникают мизансцены, в которых пробивается, а порой и стремительно копится социальный капитал. Родители, наблюдающие за играми малолетних детишек на обильно расплодившихся, разноцветных и довольно скучных в своей стандартности игровых придомовых площадках чаще всего начинают дружить и по-соседски общаться.

Но более примечательны в плане перспектив солидаризации мизансцены городского въездного ремонта. Именно здесь возникают довольно продуктивные и, что важно, не досугово-развлекательные, а продуктивные, точнее, продуцирующие, сначала технологические, а потом и социально-культурные связи.

По нашим наблюдениям, только часть ремонтных квартирных операций выполняется наемными специалистами (в основном, это электрика). Устройство сантехнических приборов, черновой напольной стяжки, даже плиточные работы производятся самими квартирными владельцами, тем более что инструмент для этих несложных работ вполне доступен. Соседи постоянно общаются, обмениваются опытом, инструментом, делятся оборудованием, лишними и остающимися строительными материалами. Они часто, кооперируясь, совместно устраивают системы наблюдения за безопасностью лестничных площадок, оборудуют колясочные, сушилки, сберегающую арматуру для велосипедов, самокатов, колясок etc. Так разрушается целый ряд барьеров консолидации в областях победившего урбанизма. Так копится и умножается социальный капитал.

Относительность происходящего (заключительные замечание). Разумеется, эта картина дискретна. Есть масса примеров соседской ненависти и непримиримости. Чего только стоят спецприспособления для лишения соседей ночного покоя. Насколько изобретательны умельцы, выкладывающие в Сеть технологии и оборудование для «звуковых войн и интервенций»!

Деревенским аналогом подобной отверженности может служить вежливое равнодушие приезжих городских дачников. Именно оно выступает как искаженная, отрицательная, минусовая зона социального капитала и солидарности.

Итак, «инструментарий» накопления и «ремонта» социального капитала как в сельских, так и в городских сообществах имеется. Только надо знать, где именно он лежит и как работает.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградский Валерий Георгиевич, профессор, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Института прикладных экономических исследований РАН-ХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery G. Vinogradsky, Professor, Leading Researcher, Center for Agrarian Research, Institute for Applied Economic Research, RANEPA, Moscow, Russia

УДК 165.0

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-605-609

Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции

¹Кармадонов О.А., ²Ардашев Р.Г.

¹Иркутский государственный университет,
Россия, 664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

²Академия управления МВД России,
Россия, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8
E-mail: karmado@yandex.ru; ardashev.rg@bk.ru

Аннотация. Исследована роль социального бессознательного в формировании социальной консолидации. Показано, что социальная конъюнкция является феноменом, обусловленным естественными, биологическими факторами, и выполняет функцию, обеспечиваемую как индивидуальным, так и социальным бессознательным – выживанием сообщества.

Ключевые слова: социальное бессознательное, ауспекция, мораль, другой, Я, социальная конъюнкция.

Для цитирования: Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. 2021. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 605–609. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-605-609

The Social Unconscious as a Condition and Factor of Social Conjunction

¹Oleg A. Karmadonov, ²Roman G. Ardashev

¹Irkutsk State University

1 Karl Marx St, 664003, Irkutsk, Russia

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
8 Zoya and Aleksandr Kosmodemyanskikh St., 125993, Moscow, Russia

E-mail: karmado@yandex.ru; ardashev.rg@bk.ru

Abstract. The role of the social unconscious in the formation of social consolidation is investigated. It is demonstrated that the social conjunction is a phenomenon caused by natural, biological factors, and performs a function provided by both the individual and the social unconscious—the survival of the community.

Key words: social unconscious, outspection, morality, other, I, social conjunction.

For citation: Karmadonov O.A., Ardashev R.G. 2021. The Social Unconscious as a Condition and Factor of Social Conjunction. NOMOTNETIKE: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 605–609 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-605-609

Сознание и бессознательное являются давними объектами внимания философии и других наук. В зависимости от области знания данным феноменам предпосылается та или иная значимость. К примеру, в гносеологии и теории познания – это сами возможности и общие законы когнитивного постижения реальности. В нейрофизиологии и нейробиологии – механизмы познавательных процедур и их локализация в центральной нервной си-

стеме, прежде всего – в головном мозге. В глубинной психологии – роль сознания и бессознательного в формировании личности и её реакций на внутреннюю и внешнюю реальность. В когнитивной социологии и социологии знания – механизмы конструирования социальной реальности, включая социальную память, через познавательную активность. Что может являться одним из приоритетов при рассмотрении проблем сознания и бессознательного касательно социальной философии? На наш взгляд, это прежде всего значение познавательных процедур для построения социальной общности, то есть для формирования того первоначального социального субстрата, вокруг которого затем и кристаллизуются культура и цивилизация.

Поясним, что сознание и бессознательное, на наш взгляд, в равной мере отвечают за когнитивное освоение реальности, причем как на индивидуальном уровне, так и на уровне коллективного субъекта – группы, сообщества, социума. Первое и второе не противостоят друг другу, а являются двумя элементами единого комплекса – когнитивного контура, индивидуального или социального. Когнитивный контур выполняет ту же задачу, что и любая подсистема живого организма, – повышение жизненных шансов носителя – индивида или общности. Вместе с тем, как мы полагаем, первую скрипку чаще все же играет бессознательное, являющееся совершенно биологическим, древним, развитым в ходе миллионов лет эволюции инструментом, который, строго говоря, прекрасно решал упомянутую выше задачу выживания до появления всякого сознания. Тем не менее в какой-то момент (скорее всего, уже у ранних гоминид) возникает сознание, которое не замещает, не опротестовывает и не выталкивает на периферию познавательных процессов бессознательное, а гармонично дополняет его, благодаря чему приобретаемый индивидом или группой опыт стало возможным обобщать и передавать. Строго говоря, бессознательное довольно трудно оттеснить куда бы то ни было, поскольку оно продолжает «нести свою вахту», обеспечивая функции выживания очень часто напрямую, без санкции сознания, в которой оно, вообще говоря, и не нуждается, полагаясь только на сформированные рефлекс и инстинкты. Одним из таких инстинктов и является наше стремление соединиться с себе подобными, образовать группу, обрести причастность.

Значимость бессознательного для социальной кооперации не прошла мимо внимания ученых. В частности, философ Томас Метцингер утверждает: «Если вы хотите серьезно отнестись к проблеме межсубъективности, то должны понять ее истоки: межсубъективность начинается глубоко в царстве биологической координации поведения, в моторных областях мозга и в бессознательных слоях эго» [Метцингер, 2017, с. 216]. Впрочем, межсубъективность, являющаяся основой просоциального поведения, также выступает у Метцингера аспектом когнитивной деятельности бессознательного, в ходе которой осмысливается и определенным образом структурируется взаимодействие с внешним миром. Этот внешний модус когнитивной интенциональности мы называем аутспекцией.

Бессознательная аутспекция осуществляется в том числе через недавно открытую группу нейронов, названных «зеркальными». Благодаря зеркальным нейронам, мы, согласно Метцингеру, «постоянно сопоставляем телодвижение, которое наблюдаем в другом, со своим внутренним моторным словарем. ...Мы, так сказать, используем свою бессознательную я-модель, чтобы встать на место другого и угадать его намерения» [Метцингер, 2017, с. 218]. То есть Метцингер говорит по сути о той же первичности бессознательного восприятия, о которой говорил еще З. Фрейд. Эта базовая аутспекция вместе с тем, согласно подходу немецкого философа, опирается на некую модель себя самого в своей телесности, то есть на результаты осуществленной ранее интроспекции. У Метцингера данный процесс выглядит следующим образом: «Для понимания чувств и целей других людей мы симулируем их на модели собственного тела в мозге. Как показывают последние данные нейронауки, этот процесс пересекает границу между сознательным и бессознательным» [Метцингер, 2017, с. 221]. Тем самым наше бессознательное, благодаря аутспекции, использующей, помимо прочего, способность отзеркаливания и все время

сверяющей результаты этого внешнего познавательного процесса с внутренними саморепрезентациями, сформированными в процессе интроспекции (познания себя, осознания своих идентичностей и себя как личности), создает возможность интеграции группы или социальной конъюнкции (О.А. Кармадонов). Это, безусловно, так же работает на предельную задачу увеличения жизненных шансов уже на уровне сообщества. То есть одна из важнейших функций бессознательного – конъюнктивная, направленная на социальную консолидацию.

В реализацию этой же функции вносит свой вклад и влияние бессознательного на моральное поведение. Антонио Дамасио указывает: «Взаимодействие сознательного и бессознательного проявляется и в моральном поведении. Моральное поведение – это набор навыков, приобретаемых в результате практики в течение долгого времени; в основе морального поведения лежат сознательно оформленные принципы и причины, однако в целом оно является “второй натурой” когнитивного бессознательного» [Дамасио, 2018, с. 303]. И это видение демонстрируют целый ряд других исследователей. В частности, Паскаль Буайе убежден, что нам присуще интуитивное представление о взаимопомощи и справедливости, находящиеся в основе моральных суждений. По словам французского когнитивного антрополога, «в наше мышление включена система обучения морали, детектор, позволяющий найти в окружающем мире нравственно значимую информацию» [Буайе, 2019, с. 29]. По мнению эволюционного биолога Мэтта Ридли, «нравственные чувства – это механизмы, обеспечивающие эффективное использование общественных отношений высокосоциальными существами к долгосрочной выгоде их генов» [Ридли, 2014, с. 158], а если еще более конкретно – «если человеку претит несправедливость или жестокость, то в этом он опирается на инстинкт, а не оценивает полезность чувства с рациональной точки зрения» [Ридли, 2014, с. 170]. Инстинкты же, как мы знаем, являются содержанием бессознательного.

Как показывает Дик Свааб, «человек в большинстве случаев вообще не размышляет о своем моральном поведении. Мы незамедлительно, инстинктивно поступаем морально, исходя из прочного биологического основания и только задним числом открываем для себя причины поступка, бессознательно совершенного за доли секунды. Наши моральные ценности эволюционировали в течение миллионов лет и покоятся на бессознательных универсальных ценностях» [Свааб, 2018, с. 337]. В свою очередь, Рита Картер утверждает: «Мы склонны считать нравственность одним из величайших достижений человечества, чем-то неизмеримо далеким от законов инстинктивного поведения низших животных. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что значительная часть того, что мы считаем решениями, продиктованными соображениями нравственности, на самом деле не что иное, как простые эмоциональные рефлексы» [Картер, 2015, с. 82]. Более того, как демонстрирует целый ряд случаев из клинической практики, «нравственность, свободная воля и ответственность за свои действия в буквальном смысле содержатся во плоти и могут быть удалены вместе с соответствующими структурами без удаления всей личности» [Картер, 2014, с. 203]. Очевидно, что данное суждение находится в контексте дискуссии о редуцируемости сознания и психики вообще к нейрофизиологическим структурам. В любом случае, достаточно определенным и широко признанным можно считать тот факт, что моральное поведение, обеспечивающее необходимую социальную конъюнкцию, а значит, выживание сообщества, находит свое основание и свои истоки в глубинах бессознательного, где такого рода поведенческие сценарии хранятся, будучи сформированными в течение сотен тысяч, если не миллионов лет эволюции – биологической и социальной. Заметим, что социальная конъюнкция понимается О.А. Кармадоновым [2015] достаточно широко – как все объединительные процессы в обществе и осуществляется, согласно данному подходу, в двух векторах или «потоках» – горизонтальном (между группами данного общества) и вертикальном (между обществом и властью). Содержание социального бессознательного, по нашему убеждению, определяет характер обеих этих систем взаимоотношений.

Конъюнктивную роль социального бессознательного отмечает и Л.М. Смирнов, рассматривающий данный феномен в категориях социокультурного единства общества. Исследователь задается вопросами – «что объединяет группу людей? Что является теми невидимыми связями, которые заставляют членов группы почувствовать, что они принадлежат к этой группе? Почему люди сами строят и затем проявляют привязанность к нациям и другим воображаемым сообществам? Что можно вывести из разделяемой скрытой системы верований, фантазий, мифов, которые выстраивают и цементируют большую социальную группу?» [Смирнов, 2011, с. 156]. Ответы, на его взгляд, заключаются в том, что как только вместе оказываются два и более человека, между ними тут же появляется некое бессознательное поле, разделяемое ими, но не осознаваемое. Отметим, что ученый рассматривает это бессознательное образование в качестве динамического феномена, все время находящегося в акте творения со стороны участников коммуникации.

Таким образом, социальная консолидация имеет в качестве своего основного источника и ресурса сферу социального бессознательного, задающего как саму необходимость социальной конъюнкции, связанную с элементарным физическим выживанием группы, так и определяющего базовые условия и возможности её реализации в виде моральных установок и способности к когнитивному и эмпатическому отражению поведения и намерений членов сообщества. Это еще раз говорит нам о глубокой биологической, природной ускоренности социальной конъюнкции в психических структурах индивида и общности.

Вместе с тем тот факт, что явление носит природный, биологический характер, не означает, что мы не можем или не должны пытаться им управлять. Если в силу каких-то причин слабеет социальная конъюнкция, это не должно, на наш взгляд, оставаться без внимания всех субъектов общества и прежде всего – субъекта власти. Именно здесь и должно сыграть свою роль сознание, будь оно индивидуального, будь оно общественного уровня, поскольку возможность посмотреть на что-либо со стороны объективно и критично и создать способы для преодоления тенденций, оцененных в качестве негативных, может именно оно. В тесном, как обычно, взаимодействии с бессознательным, разумеется.

Список литературы

1. Буайе П. 2019. Анатомия человеческих обществ. Как сознание определяет наше бытие. М., Альпина нон-фикшн, 436 с.
2. Дамасио А. 2018. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М., Карьера Пресс, 384 с.
3. Кармадонов О.А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция. Социологические исследования, 2: 3–12.
4. Картер Р. 2015. Как работает мозг. М., АСТ: CORPUS, 224 с.
5. Метцингер Т. 2017. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М., Изд-во АСТ, 413 с.
6. Ридли М. 2014. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. М., Эксмо, 336 с.
7. Свааб Д. 2018. Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера. СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 544 с.
8. Смирнов Л.М. 2011. Общественное бессознательное как база социокультурного единства сообществ. История и современность, 1: 151–173.

References

1. Boyer P. 2019. 2019. Anatomiya chelovecheskikh obshchestv. Kak soznaniye opredelyayet nashe bytiye [The anatomy of human societies. How consciousness determines our being]. Moscow, Publ. Alpina non-fiction, 436 p.
2. Damasio A. 2018. Tak nachinayetsya «ya». Mozg i vozniknoveniye soznaniya [This is how the "I" begins. The brain and the emergence of consciousness]. Moscow, Publ. Career Press, 384 p.

3. Karmadonov O.A. 2015. Solidarnost', integratsiya, kon'yunktsiya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2: 3–12.
4. Carter R. 2015. *Kak rabotayet mozg* [How the brain works]. Moscow, Publ. ACT: CORPUS, 224 p.
5. Metzinger T. 2017. *Nauka o mozge i mif o svoem YA. Tonnel' ego* [The science of the brain and the myth of the self. The ego Tunnel]. Moscow, Publ. AST Publishing house, 413 p.
6. Ridley M. 2014. *Proiskhozhdeniye al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu* [The origin of altruism and virtue: from instincts to cooperation]. Moscow, Publ. Eksmo, 336 p.
7. Svaab D. 2018. *My – eto nash mozg: Ot matki do Al'tsgeymera* [We are our brain: From the uterus to Alzheimer's]. St. Petersburg, Publ. Ivan Limbach Publishing House, 544 p.
8. Smirnov L. 2011. *M. Obshchestvennoye bessoznatel'noye kak baza sotsiokul'turnogo yedinstva soobshchestv. Istoriya i sovremennost'* [The social unconscious as the basis of the socio-cultural unity of communities]. *History and modernity*, 1: 151–173.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

Ардашев Роман Георгиевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, г. Москва

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Karmadonov, doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration Institute of Social Sciences of Irkutsk State University

Roman G. Ardashev, candidate of Law, senior teacher-methodologist of the Department of organization of the educational process of the Department of educational and methodological work Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 316.354: 351/35

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-610-614

**Как возможна коэволюция человека и техники.
Рецензия на книгу
В. А. Кутырева, В. В. Слюсарева, Т. М. Хусяинова
«Человечество и Технос: философия коэволюции»
(СПб., Изд. Алетейя, 2020. – 260 с.)**

А.С. Тимошук

Владимирский юридический институт ФСИН России,
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, 67
E-mail: human@vui.vladinfo.ru

Аннотация. Раньше философия объясняла, но в эпоху, когда больше говорящих, чем слушающих, она должна вопить. С таким алармистским кредо солидаризируются три автора книги «Человечество и Технос». Цель книги, по мнению рецензента, – указать на опасности глобализации, цифровизации и трансгуманизма (постгендеризма), ведущие к деградации собственно человеческого, представленного в различных модусах (индивидуальное, женское, мужское, родовое, этническое, национальное, гуманное, сапиентное, разумное, интуитивное, трансцендентное и т.д.). Авторы выпустили в плавание новый антитехнократический ледокол, который должен пробить лёд Мортидо, сковавший человечество после проклятия Техноса.

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, модернизация, трансгуманизм, агендеризм.

Для цитирования: Тимошук А.С. 2021. Как возможна коэволюция человека и техники. Рецензия на книгу В. А. Кутырева, В. В. Слюсарева, Т. М. Хусяинова «Человечество и Технос: философия коэволюции» (СПб., Изд. Алетейя, 2020. – 260 с.). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 46 (3): 610–614. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-610-614

How is the Coevolution of hu Man and Technology Possible. Review of the Book

by V. A. Kutyrev, V. V. Slyusarev, T. M. Khusyainov
"Humanity and Technos: The Philosophy of Coevolution"
(St. Petersburg, Ed. Aleteya, 2020. – 260 p.)

Alexey S. Timoschuk

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
67 B. Nizhegorodskaya St, Vladimir, 600020, Russia
E-mail: human@vui.vladinfo.ru

Abstract. Philosophers used to explain, but in an era when there are more speakers than listeners, they have to roar. The three authors of "Humanity and Technos" are in solidarity with this alarmist credo. The purpose of the book is to point out the dangers of globalization, digitalization and transhumanism (postgenderism), leading to the degradation of the human being itself, represented in various modes (individual, female, male, patrimonial, ethnic, national, humane, sapient, reasonable, intuitive, transcendent, etc.). Vladimir Kutyrev, Vladimir Slyusarev and Timur Khusainov have launched a new antitechnocratic icebreaker, which is supposed to punch the Mortido ice, which fettered humanity after the curse of Technos.

Keywords: digitalization, globalization, modernization, transhumanism, agenderism.

For citation: Timoschuk A.S. 2021. How is the Coevolution of hu Man and Technology Possible. Review of the Book by V. A. Kutyrev, V. V. Slyusarev, T. M. Khusyainov "Humanity and Technos: The Philosophy of Coevolution" (St. Petersburg, Ed. Aleteya, 2020. – 260 p.). NOMOTHETIKE: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 610–614 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-610-614

Авторы монографии посвятили труд исследованию последствий четвёртой НТР или цифровой революции, которую они называют Большим Вызовом. Принципиальным результатом цифровой революции по отношению к информационной, давшей ПК, стала автоматизация и интеграция целых отраслей и комплексов производств. Параллельно процессам становления глобальной дигитальной ризомы (интернета вещей), повышается спрос на креативный труд. При этом создание нового в условиях массового общества перестаёт быть эксклюзивным элитарным товаром. Большое количество творческих людей создают свои шедевры не как акт свободной личности, а из потребительской необходимости (с. 70). Кинокартины оценивают по рейтингу, книги – количеством продаж, сценическое искусство – наполняемостью залов, научные труды – квалиметрией знаний. Сегодня наблюдается перепроизводство талантливых вещей, на которые нет времени, избытие фильмов, художественных произведений, картин и песен и также масса художников, писателей, учёных, актёров, занятых в коммерциализированной языковой игре, что приводит к постмодернистской концепции «смерть автора». Компиляция, плагиат, копирайтерство, гострайтинг, генерация контента – эти технологии, усиленные цифровизацией,

позволили масштабировать границы присутствия Мастера до оператора дискурсивных процедур.

Авторы критически относятся к цифровой революции как IV НТР, полагают, что её производственные мощности (ИИ, машинное обучение, роботехника, блокчейн, большие данные, облачные вычисления, 3-D печать и др.) способны оказать негативное влияние на жизнь человека и человечества и уже активно внедряются в нашу жизнь самым неблагоприятным образом (с. 50)

Однако глобальная деревня нуждается в умных технологиях. Нас стало слишком много, чтобы оставаться доиндустриальными романтиками или даже промышленными романтиками. Смысл цифровизации в том, чтобы создать ещё какое-то количество рабочих мест, улучшить глобальную логистику, наладив обмен капиталами, трудовых ресурсов, товаров и информации.

Говоря о парадоксальности состояния современной мировой цивилизации, авторы иногда указывают на то, что она крайне неоднородна, состоит из трёх исторически различных стадийальных типов: аграрно-традиционной, индустриальной и постиндустриальной. Никакого здесь парадокса нет, это ответ на демографический вызов.

Проблема не в переизбытке техники, а в её недостаточном развитии для того, чтобы решить две глобальные проблемы растущего человечества: временный профицит углеводородов сделал нас энергозависимыми, однако мы до сих пор не нашли способ удовлетворить растущие потребности человечества ограниченными природными ресурсами. Государства западного типа стремятся восполнить демографическую убыль за счёт мигрантов, и при этом на Земле слишком много стремящихся к антиэкологическим благам индивидуальных коттеджей и персональной автомобилизации.

Острые прогресса проходит по самой кромке социального эволюционизма. Первая НТР создала условия для мануфактурного производства и глобального передвижения товаров. Во время второй НТР были изобретены средства массовой информации и коммуникации. Третья НТР была самой масштабной, затронув множество областей от производства полимерных материалов до полётов в космос. Вопрос о четвёртой НТР является спорным. Прорывы, изобретения и инновации есть (клонирование, нанотехнологии, индивидуализированное производство), однако они не носят такой масштабный и социально-экономический характер. В прошлые НТР менялся сам тип общества благодаря внедрению технологий. С аграрного – к индустриальному и постиндустриальному. Какой тип общества создала четвёртая НТР? Пока не ясно, можно ли назвать современное общество пост постиндустриальным. В глобальном масштабе представлено три экономических типа обществ и складываются предпосылки для формирования новой фазы постиндустриального общества.

Мы имеем дело с самым массовым социумом за известную нам историю. Демография определяет переход от аграрного общества к индустриальному (земли не хватает на всех) и от индустриального к постиндустриальному: (рабочих мест на производстве не хватает для всех).

Как мы можем в России критиковать технологии, если они спасли нас от недружественного поглощения в XX веке? Сталин вырвал страну из мальтузианской ловушки, которая свойственна аграрным обществам, где демографические показатели превышают способность обеспечивать себя продуктами питания. Достижение потолка ёмкости ре-

сурсной базы яўляецца асноўнай прычынай скудосці питания, беднасці, распаўсюджвання інфекцыйных забольванняў, нехваткі зямлі, маргіналізацыі, міграцыі. Выйці з мальтузіянскай ловушкі можна комплексам мер, якія ўключаюць, памімо механізацыі сельскага гаспадарства і павышэння яго прадукцыйнасці, развіццё тэхнікі і тэхналогій, практыку індустрыялізацыі, абмежаванне рождаемасці, павышэнне ўзросту адукацыі, стварэнне новых відаў занятасці.

Прадзел ёмкасці індустрыяльнага грамадства заключаецца ў перапрадукцыі і ў звышненні часткі індустрыяльна развітых краін. Ідэальныя ўмовы капіталізму ўвасапавілі Адама Смита, калі Вялікабрытанія адкрывала таварнае прадукцыйнае вытворчасць у метраполіі і змусіла прыбываць гэтыя тавары сваіх колоній, ужо закончыліся. У клуб індустрыяльна развітых дзяржаў увайшлі з таго часу Францыя, ЗША, Германія, Японія, СССР, Кітай, Індыя і дзясяткі іншых дзяржаў. Выходам для краін пераважнага капіталізму сталі такія сферы дзейнасці, як інфармацыя, развіццё, фінансы, адукацыя.

Аднак і постіндустрыяльнае грамадства таксама дасягнуло сваіх межаў, породзіў прэкарыят, сучаснага чалавека толпы, які дысцыплінаваны, трудолюбив, умён, хутка навучаецца, але без сувязей і таму малооплачиваем. Кітайская сацыялогія называе гэта «йіцу», чалавек-муравей, малады спецыяліст з маленькім даходам, з неабавязковымі навыкамі (overskilling). Прэкарыят – гэта абмежаваныя трудовыя правы, мінімум сацыяльных гарантыяў, нестабільны даход. Такі стандарт сучаснага рабства. Усё гэта таму, што мы вырабавалі постіндустрыяльныя межы, але так і не пераадылі трэцю космічную хуткасць і вуглеродную залежнасць. Нягледзячы на расхожэнне з аўтарамі ў аналізе сучасных праблем, я падтрымліваю іх благородную мэту, – коэвалюцыю свету для ўстойлівага развіцця. Прызнанне самоценнасці экзістэнцыяльных слоёў Вуселеннай – гэта актуальная рэдакцыя Быцця на прынцыпах эстезіса, поліонтызму і дыялога.

Можна лічыць аб спажыванні чалавека Тэхносам (с. 26)? Не з'яўляецца лі гэты чорны слязінак на абложцы наступнай філасофскай гіпастазіраванай метафору? Правільна было б гаварыць аб тым, што ў ўмовах перапрадукцыі людзей нам патрэбна тэхніка для больш эфектыўнага прадукцыйнага вытворчасці. Без яе мы не зможам застацца людзьмі. Тэхніка дапамагла нам пакінуць чыста біялагічнае становішча і стаць сапіентнымі, цывілізаванымі. Искусственный интеллект, нейросети, робототехника, блокчейн, стандарт 5G, большыя данныя, інтэрнет рэчаў, воблачныя вылічэнні, 3D-печатак, дапаўненая рэальнасць – гэта не тэхналогіі-монстры, агенты трансгуманізму, а тое, што можа даць перспектыўную занятасць мільяонам людзей. Праблема безработіцы постіндустрыяльнага грамадства становіцца ўжо глабальнай, т.к. чалавечасць дасягнула межаў развіцця. Хуткая прэкарызацыя насельніцтва таму доказатэльнасць. Маса людзей на планеце не можа знайсці нармальную занятасць з сацыяльнымі гарантыямі.

Так можа быць нам патрэбна падзякаваць тэхніку? Адапты ўжо даданы ў другім названні кнігі – філасофія коэвалюцыі. А вот яе як раз і не хваціла. Вядома кніга прысвечана, галоўным чынам, сутыкненню чалавека і тэхноса. Разлічваю, што ў наступнай публікацыі аўтараў будзе протопен шлях пазітыўнай коэвалюцыйнай філасофіі.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимошук Алексей Станиславович, доктор философских наук, профессор кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey S. Timoshchuk, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia